ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Ромашева Жанагуль Жумабековна

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭМИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК КАЗАХСТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

5.3.5 – «Социальная психология, политическая и экономическая психология»

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель:
Гриценко Валентина Васильевна
доктор психологических наук, профессор

МОСКВА – 2025

Оглавление

Введение……..…….4

Глава 1. Теоретический анализ изучения проблемы социально-психологических факторов эмиграционных установок молодежи……..…..18

1.1. Теоретические подходы к пониманию феномена «социальная установка» в отечественной и зарубежной психологии……..……18

1.2. Психологическое содержание понятия «эмиграционная установка»……...24

1.3. Описание системы социально-психологических факторов эмиграционных установок личности……..….31

1.3.1. Субъективное благополучие как фактор эмиграционных установок на (личностном) микроуровне……...37

1.3.2. Институциональное доверие и надежда на помощь близких на родине и за границей как фактор эмиграционных установок на (групповом) мезоуровне……46

1.3.3. Ценности как социокультурный фактор эмиграционных установок молодежи на (общественно-культурном) макроуровне……..…….57

1.4. Социально-психологическая характеристика молодежи как основной категории потенциальных эмигрантов……69

1.5. Социокультурная обусловленность факторов эмиграционных установок молодежи……..…..73

Выводы по главе 1…….....……77

Глава 2. Эмпирическое исследование факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи……..…..…..80

2.1. Описание методического инструментария и выборки исследования……...80

2.2. Сравнительный анализ эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи……...89

2.3. Сравнительный анализ факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи……....93

2.4. Эмпирическая проверка теоретической модели системы социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи……..……..111
2.5. Интерпретация результатов эмпирического исследования факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи……..…126
2.5.1. Анализ системы социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской молодежи…….126
2.5.2. Анализ системы социально-психологических факторов эмиграционных установок российской молодежи……...135
2.5.3. Сравнительный анализ соотношения предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи…….....142
Выводы по главе 2……..……....148
Выводы……..……...153
Заключение……...157
Список сокращений и условных обозначений……163
Список литературы……..…164
Приложение А. Методический инструментарий на казахском языке……....193
Приложение Б. Результаты сравнительного анализа средних показателей эмиграционной установки и ее компонентов в зависимости от пола……202
Приложение В. Сравнительный анализ средних показателей факторов эмиграционной установки и их компонентов в зависимости от пола ……..…..203
Приложение Г. Результаты регрессионного анализа социально-демографических параметров с эмиграционной установкой и ее факторами ……....210
Приложение Д. Результаты мультигруппового сравнительного анализа системы факторов эмиграционной установки и ее компонентов…….....212

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В эпоху глобализации и мировой интеграции наблюдается увеличение эмиграционной активности молодежи. Так, в 2019 г. доля молодежи от 20 до 30 лет среди 272 млн. международных мигрантов составляла около 30 % (M. McAuliffe, B. Khadria, 2020). Чаще всего за пределы родной страны выезжают образованные, квалифицированные и компетентные молодые люди (А.А. Байков и др., 2018; Б.Н. Бокаев и др. 2019; Г.К. Курманова и др. 2021; С.В. Рязанцев и др., 2020; A. Abdelwahed, et al., 2020; B. Gajdošová , O. Orosová, 2019 и др.), что приводит к потере человеческого капитала, отражающейся на благосостоянии общества и будущем развитии любой страны. Большая направленность на эмиграцию людей молодого возраста по сравнению с людьми взрослого возраста объясняется социально-психологическими характеристиками молодежи: гибкостью, высокой мобильностью и приспосабливаемостью, отсутствием брака и семьи (Т.Б. Калиев, 2018; Н.П. Нарбут, И.В. Троцук, 2018; Е.В. Селезнева, И. Галлере, 2019 и др.).

В то же время прослеживается недостаточная изученность подготовительной стадии территориального перемещения людей (Л.Л. Рыбаковский, 2016, 2019), в частности, эмиграционных установок, которые предсказывают дальнейшее поведение потенциальных мигрантов в отношении переезда за границу (С.А. Кузнецова и др., 2014; С.А. Кузнецова, 2017, 2018; S. Migali, M. Scipioni, 2019 и др.). Высокая прогностическая сила установки к эмиграции побуждает ученых к ее всестороннему изучению, что невозможно без исследования факторов ее возникновения. В качестве основных факторов развития установки к эмиграции учеными (С.А. Кузнецова, 2017, 2018; Н.В. Муращенкова, 2021; С.В. Чувашов, 2014; M. Manchin, S. Orazbayev, 2018; E. Tartakovsky et al., 2017) определены ценности, психологическое или субъективное благополучие, доверие к различным институтам власти, наличие родственников или друзей за границей, готовых оказать помощь и поддержку потенциальному мигранту. Роль каждого из приведенных факторов

в эмиграционной активности человека ранее рассматривалась по отдельности, без учета взаимосвязи и взаимовлияния. Кроме того, были получены противоречивые данные о степени корреляции того или иного фактора с возникновением эмиграционных установок, что побуждает нас к проведению собственного исследования ценностей, субъективного благополучия, институционального доверия, надежды на помощь близких в единой системе как факторов установок на эмиграцию.

Степень разработанности проблемы. Одни исследователи (З.Т. Абетова, 2022; A. Adebayo, O. O. Akinyemi, 2022; K. Aliyev et al., 2021; J. Brzozowski, N. Coniglio, 2021; Goebel et al., 2019; A. Laurinavičius, 2020; R. Szilágyi, B. Varga, 2017; E. Samarsky, 2020) представляют важным фактором стремлений человека к переезду за границу ***снижение ощущения субъективного благополучия***, отражающееся в неудовлетворенности разными аспектами своей жизни, отсутствии ощущения счастья, в то время как другие ученые (A. Ivlevs, 2015; L. Polgreen, N. Simpson, 2011) выделяют предиктором эмиграции ***повышение ощущения благополучия***, выражающееся в уверенности в собственных силах и потенциальных доходах за границей.

Кроме субъективного благополучия важными предсказателями эмиграционной активности выступают ***ценности.*** Потенциальных мигрантов привлекают страны с высоким доходом, улучшенными условиями труда и жизни, в которых возможно реализовать свои материалистические ценности, достичь успеха и финансового благополучия, отражающие ***метаценность «Самоутверждение»*** (Н.В. Муращенкова, 2021; V. Gherheș et al., 2020; V. Kumpikaitė-Valiūnienė et al., 2021; C.-H. Leong 2013; M. Manchin, S. Orazbayev, 2018; E. Tartakovsky, Sh.H. Schwartz 2001; E. Tartakovsky et al., 2017).

В то же время, установлено, что задумываются об эмиграции люди, следующие преимущественно ценностям самовыражения или постматериалистическим ценностям, а люди, предпочитающие не менять свою страну проживания, следуют материалистическим ценностям (D. Fouarge et al., 2019; E. Samarsky, 2020; SOEP, 2009). В частности, люди, стремящиеся к новому опыту

и переменам в жизни, чувственному наслаждению жизнью, выражающие значимость ***метаценности «Открытость изменениям»***, (С.В. Фролова, 2020; B. Gajdosova et al., 2020; V. Kumpikaitė-Valiūnienė et al., 2021) ориентированы на смену страны проживания. Однако есть исследования, где намерения к переезду молодых людей не коррелируют с метаценностью «Открытость изменениям» (Н.В. Муращенкова, 2021).

Приверженность ***метаценности «Сохранение»,*** выражающейся в следовании нормам и традициям общества, значимости чувства безопасности, с одной стороны, удерживает людей на родине (B. Gajdošová, O. Orosová, 2019; S. Hoffman et al., 2015; V. Kumpikaitė-Valiūnienė et al., 2021; C.-H. Leong, 2013; E. Tartakovsky, Sh.H. Schwartz, 2001), с другой стороны, стимулирует эмиграцию, в условиях угрозы безопасности личности и невозможности реализовать значимые для человека традиционные ценности в родной стране (E. Tartakovsky et al., 2017).

Данные исследований ***метаценности «Самопреодоление»*** как фактора миграционных устремлений тоже разнятся. Н.В. Муращенкова (2021) выявила, что метаценность «Самопреодоление» стимулирует возникновение эмиграционного намерения, в то время как в исследованиях других авторов важность данной метаценности удерживает людей от эмиграции (С.В. Фролова, 2020; V. Kumpikaitė-Valiūnienė et al., 2021), а Е. Тартаковский и Ш. Шварц (2001) и вовсе не обнаружили связи метаценности «Самопреодоление» с установками на смену страны проживания.

Наблюдается согласованность ученых во мнении, что ***недоверие власти***, в частности, высшим эшелонам власти (П. Жигарева, 2015), выступает одним из основных предикторов направленности на переезд за границу (П. Жигарева, 2015; С.В. Чувашов, 2014; Y. Horiuchi, N. Oishi, 2022). Кроме того, недоверие властям чаще всего влияет на развитие именно **эмиграционных**, а не миграционных установок, так как ситуация в стране не изменится от переезда внутри страны, поэтому считаем необходимым исследовать данный фактор.

Чувство поддержки и ***надежды на получение помощи*** от близких, проживающих за границей, наряду с отсутствием тесных связей с близкими на

родине или неудовлетворенностью этими взаимоотношениями (А.А. Байков и др., 2018; M. Manchin, S. Orazbayev, 2018) предопределяет возникновение установок к смене страны проживания (В.М. Пешкова, 2020; E. Bedrina, 2020; E. Piguet et al., 2022; M. Manchin, S. Orazbayev, 2018; N. Simpson, 2022). Тогда как тесные взаимоотношения с ближайшим окружением, семьей на родине и удовлетворенность ими, напротив, удерживают человека от эмиграции (О.Ю. Зотова, С.В. Мостиков, 2017; С.Г. Максимова, 2018; Е.О. Скрипник, 2010; W.A.V. Clark et al., 2015), но развитие интернет-технологий (A.Z. Bakuri, D. Amoabeng , 2023), предоставляющие возможность всегда находиться на связи с родными, нивелирует влияние данного фактора на установки к эмиграции.

Такая неоднозначность полученных данных говорит о необходимости исследования проанализированных факторов эмиграционных установок в единой системе с учетом их взаимовлияния.

Социально-психологическая природа эмиграционной установки (А.А. Девяткин, 1999; Б.С. Алишев, 2010), предполагает изучение ее факторов с учетом соотношения социального и психологического в уровневой системе, отвечающее принципу многоуровневости и иерархичности системного подхода (Б.Ф. Ломов, 2003). Опираясь на теорию В.Н. Мясищева (1995), определены три уровня представленности социального в личности, на каждом из которых мы можем выделить факторы эмиграционных установок: ***микроуровень*** отражает отношение к самому себе и может быть представлен *субъективным благополучием*; ***мезоуровень*** воспроизводит отношения личности с группой и может быть представлен *институциональным доверием, надеждой на помощь близких*; ***макроуровень*** характеризуется отношениями, функционирующими в системе общественных взаимодействий на макросоциальном уровне, и может быть представлен *ценностями*, обусловленными культурными особенностями общества.

Соответственно, социально-психологические факторы эмиграционных установок: метаценности, институциональное доверие, надежда на помощь близких, субъективное благополучие, оказывающие взаимное влияние друг на друга, составляют единую, целостную, разноуровневую систему.

Помимо прочего, культура, отраженная в ценностях, определяет выраженность эмиграционных установок. Доказано, что европейцы, приверженные индивидуалистической культуре, в большей степени склонны к эмиграции, нежели азиаты, приверженные коллективисткой культуре (A. Agadjanian et al., 2008).

Учитывая культурные особенности общества, исследование проведено среди представителей титульных наций Казахстана и России. Выбор Казахстана и России обоснован следующими причинами:

– во-первых, в обеих странах в последние годы отмечается значительное число молодых людей, намеренных сменить страну проживания, так, 42 % казахстанской молодежи в возрасте 15-29 лет (Компартия, 2020), и 38 % российской молодежи в возрасте 18-24 года, 31 % – в возрасте 25-34 года (Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2020) настроены на эмиграцию в будущем;

– во-вторых, казахи являются носителями центральноазиатской культуры, а русские - европейской, что дает основание для сравнительного анализа;

– в-третьих, несмотря на различную этническую, религиозную принадлежность в культуре казахстанцев и россиян много общих черт и Востока, и Запада, в силу географического положения Казахстана и России между Европой и Азией, общей продолжительной истории развития.

Таким образом, в результате теоретического анализа выявлены следующие ***противоречия:***

– между усилением эмиграционной активности молодежи во всем мире и недостаточной изученностью подготовительного этапа эмиграционного процесса – этапа формирования установок к эмиграции и социально-психологических факторов, способствующих и/или препятствующих их реализации;

– между имеющимися неоднозначными данными о связи эмиграционных установок с ценностями, институциональным доверием, надеждой на помощь близких, субъективным благополучием и отсутствием комплексного анализа

представленных социально-психологических факторов в целостной системе с учетом их взаимовлияния;

– между высокой значимостью роли культуры, выраженной в ценностях, в прогнозировании эмиграционной активности молодежи и малоизученностью факторов эмиграционных установок в кросс-культурном контексте.

Стремление разрешить данные противоречия привели к формулировке ***проблемы исследования***: каков характер взаимосвязи эмиграционных установок молодых людей, принадлежащих к разным культурам, с основными социально-психологическими факторами, рассматриваемыми в единой системе.

Цель исследования: изучить систему социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи.

Объект исследования: социально-психологические факторы эмиграционной установки.

Предмет исследования: метаценности, институциональное доверие, надежда на помощь близких на родине и за границей, субъективное благополучие как система факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи.

Гипотеза исследования: эмиграционные установки казахстанской и российской молодежи связаны с системой социально-психологических факторов, функционирующих на трех уровнях взаимодействия личности с социумом: *на макроуровне* – метаценностями, детерминированными культурой; *на мезоуровне* – институциональным доверием и надеждой на оказание помощи близких на родине и за границей; *на микроуровне* – субъективным благополучием. При этом, совокупность предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи имеет свои особенности и обусловлена различиями в степени значимости для казахстанцев и россиян коллективистических и индивидуалистических ценностей.

Задачи исследования:

Теоретическая задача

1. Разработать теоретическую модель системы социально-психологических

факторов эмиграционной установки молодежи. Определить место и роль каждого предиктора в системе социально-психологических факторов эмиграционной установки.

Методическая задача

2. Разработать программу и процедуру эмпирического сравнительного исследования социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи.

Эмпирические задачи

3. Эмпирически проверить теоретическую модель системы социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи.

4. Провести сравнительный анализ связей эмиграционных установок молодых казахстанцев и россиян с факторами, функционирующими на разных уровнях единой системы.

5. Определить сочетание предикторов в системе социально-психологических факторов установок к эмиграции молодых людей из Казахстана и России. Выделить специфичные и универсальные связи эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи с метаценностями, институциональным доверием и надеждой на оказание помощи близких, субъективным благополучием.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: принципы системного подхода к анализу психических явлений (Б.Г. Ананьев, В.А. Ганзен, Б.Ф. Ломов); теории личности, разработанные в трудах Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А. Маслоу; экологическая концепция социальной установки А.А. Девяткина; общепсихологическая теория установки Д.Н. Узнадзе; диспозиционная концепция В.А. Ядова; диспозиционная теория личности Г. Олпорта, теория динамической установки Ф. Олпорта; подход к исследованию аттитюдов У. Томаса, Ф. Знанецкого; подход к изучению миграционных установок С.А. Кузнецовой; концепция отношений В.Н. Мясищева; теория индивидуальных ценностей Ш. Шварца; интегративная

концепция субъективного благополучия Р.М. Шамионова; подход к исследованию феноменов «доверие» и «недоверие» А.Б. Купрейченко; отечественные и зарубежные исследования в области кросскультурной, этнической психологии, а также психологии миграции (В.В. Гриценко, С.Д. Гуриева, В.В. Константинов, Н.М. Лебедева, А.А. Налчаджян, А.А. Нестерова, Л.Г. Почебут, Т.Г. Стефаненко, А.Н. Татарко, В.Ю. Хотинец, Н.С. Хрусталева, J. Berry, D. Matsumoto, G. Triandis и др.).

Методы исследования:

Теоретические: методы сравнения, обобщения и классификации, концептуализации.

Эмпирические: изучение социально-психологических конструктов производилось с помощью социально-психологического опроса посредством методического инструментария, который по содержанию был идентичен для опроса как казахстанской (представлен на двух языках: русском и казахском), так и российской молодежи.

Методический инструментарий включает в себя:

1) методику, направленную на изучение эмиграционных установок «Шкала миграционных установок» С.А. Кузнецовой, И.Ю. Кузнецова, А.В. Фещенко, модифицированную в «Шкалу эмиграционных установок»;

2) PVQ-21–ESS7 версию опросника измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца;

3) методику диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой;

4) опросник «Уровень институционального доверия», составленный на основе анкеты исследования доверия к власти Центром стратегических инициатив (CSI);

5) вопросы, направленные на изучение степени выраженности надежды респондентов на получение помощи от близких за границей и на родине;

6) вопросы, направленные на выявление социально-демографических характеристик респондентов.

Методы обработки результатов исследования: описательные статистики,

t-критерий Стьюдента, множественный регрессионный анализ, моделирование структурными уравнениями (SEM), мультигрупповой анализ моделирования структурными уравнениями. Математическая обработка данных производилась при помощи программного обеспечения программ IBM SPSS Statistics 26.00 Windows и IBM SPSS Amos 23. Для выявления согласованности утверждений опросников применялся коэффициент α-Кронбаха.

Эмпирическая база исследования: выборку исследования составили молодые люди Казахстана и России в возрасте от 17 до 35 лет. Чтобы исключить влияние культуры других этносов внутри каждой страны, мы ограничились исследованием эмиграционных установок и их факторов у представителей только титульных наций Казахстана и России, определяющих этническое большинство в указанных странах. По данным переписи населения доля казахов в Казахстане составляет 70,40 % (Перепись населения, 2021), доля русских в России – 80,85 % (Федеральная служба государственной статистики[1]). В итоге, в нашем исследовании приняли участие 364 респондента казахской национальности из Казахстана (78 % девушки, средний возраст – 20,7 лет) и 396 респондентов русской национальности из России (77 % девушки, средний возраст – 20,9 лет).

Опрос был проведен онлайн, при помощи платформы Google Forms, в период с декабря 2020 г. по март 2021 г. Ссылка на прохождение опроса распространялась через электронную почту и социальные сети.

Достоверность и надежность исследования. Надежность и достоверность результатов проведенного исследования гарантируется теоретической и методологической обоснованностью использованных методов, применением валидных и надежных методик, а также методов математико-статистической обработки данных, соблюдением требований, предъявляемых к формированию выборки.

Научная новизна исследования:

– разработана теоретическая модель системы социально-психологических

[1] URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020

факторов эмиграционных установок молодых людей, анализируемых на трех уровнях взаимоотношений личности с социумом: *макроуровне* или культурно-общественном, представленном ***метаценностями***; *мезоуровне* или групповом – ***институциональным доверием, надеждой на помощь близких на родине/ за границей****; микроуровне* или личностном – ***субъективным благополучием***. Впервые указанные факторы эмиграционных установок рассматриваются в виде целостной системы и исследованы в едином комплексе с учетом их взаимовлияния;

– доказана универсальность системы факторов эмиграционных установок молодежи посредством проверки ее действия в двух этнически различных группах. Установки к эмиграции и казахской, и русской молодежи детерминированы направленностью на метаценность «Самоутверждение», недоверием институтам власти, усилением выраженности надежды на получение помощи от близких, проживающих за границей, и снижением ощущения субъективного благополучия;

– эмпирически доказано наличие особенностей сочетания (совокупности) предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи, обусловленные спецификой казахской и русской культур.

Теоретическая значимость работы состоит в:

– углублении знаний о предикции эмиграционного поведения потенциальных мигрантов за счет изучения социально-психологических факторов (ценностей, институционального доверия, надежды на помощь близких, субъективного благополучия) эмиграционных установок в единой целостной системе;

– обогащении научных представлений о социально-психологических факторах эмиграционных установок вследствие анализа метаценностей, институционального доверия, надежды на помощь близких, субъективного благополучия на трех уровнях взаимоотношений личности с социумом.

– расширении представлений о роли социокультурного контекста

в формировании системы социально-психологических факторов эмиграционной установки молодежи, что может стать теоретической базой для изучения установок к эмиграции у представителей разных культур.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты можно использовать для прогноза международной мобильности молодежи, в психологической работе с потенциальными эмигрантами, при работе с сотрудниками поликультурных компаний, при разработке государственной молодежной политики, а также при составлении инструментов для психологической диагностики мотивации потенциальных эмигрантов. Материалы, отраженные в представленной работе, могут быть полезны при разработке учебных программ, включающих в себя разделы и темы по психологии миграции, межкультурной коммуникации и этнической психологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Разработанная модель системы социально-психологических факторов эмиграционных установок включает в себя: метаценности, институциональное доверие, надежду на помощь близких на родине и за границей, субъективное благополучие, оказывающие взаимное влияние друг на друга и составляющие единую, целостную, разноуровневую систему. Факторы эмиграционных установок представлены на трех уровнях взаимодействия личности с социумом: **микроуровень** отражает внутриличностные отношения, определяется отношениями к самому себе и представлен *субъективным благополучием*; **мезоуровень** характеризуется отношениями личности с группой и представлен *институциональным доверием*, *надеждой на помощь близких* в стране проживания и за границей; **макроуровень** характеризуется отношениями, функционирующими в системе общественных взаимодействий на макросоциальном уровне и представлен *ценностями*, обусловленными культурными особенностями общества.

2. Определена универсальность системы социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи: эмиграционные установки и казахстанской, и российской молодежи

прогнозируют: на макроуровне – усиление выраженности метаценности «Самоутверждение»; на мезоуровне – снижение уровня доверия властям и повышение выраженности надежды на получение помощи от близких, находящихся за границей; на микроуровне – ослабление ощущения субъективного благополучия. Сочетание приведенных социально-психологических факторов стимулирует возникновение эмиграционных установок молодежи независимо от их этнической принадлежности и ценностей общества, в котором молодые люди социализировались;

3. Совокупность предикторов в системе факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи имеет свои особенности:

3.1. Эмиграционные установки **казахстанской молодежи** детерминированы: на макроуровне – следованием метаценностям «Открытость изменениям», «Самоутверждение», в частности, ценностям власти, снижением значимости метаценности «Сохранение», конкретнее ослаблением приверженности ценностям традиции и конформизма; на мезоуровне – недоверием институтам власти, точнее, президенту и акиму, ожиданием получения помощи от родных и друзей, проживающих за границей; на микроуровне – субъективным благополучием, а именно, ослаблением ощущения эмоционального и гедонистического благополучия и усилением ощущения экзистенционально-деятельностного благополучия;

3.2. Эмиграционные установки **российской молодежи** детерминированы: на макроуровне – ориентацией на метаценность «Самоутверждение»; на мезоуровне – недоверием институтам власти, в частности, президенту и представителям местной власти, выраженностью надежды на содействие близких, проживающих в родной стране и за границей; на микроуровне – субъективным благополучием, а именно, снижением ощущения эмоционального и гедонистического благополучия и повышением ощущения эго-благополучия.

4. Специфика совокупности предикторов в системе факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи, обусловлена ориентированностью казахстанской молодежи на ценности, отражающие

интересы группы, а российской молодежи – на ценности, отражающие интересы индивида и группы.

Обоснование соответствия диссертации паспорту научной специальности 5.3.5. – «Социальная психология, политическая и экономическая психология».

Диссертационное исследование соответствует п. 3. «Изучение психологических характеристик социальных групп, семьи, организаций, поколений, сообществ, движений; социально-психологический анализ жизненных ситуаций»; п. 5. «Изучение межличностных отношений: механизмов и феноменов. Доверие как социально-психологический феномен. Конформность, внушаемость, сплоченность»; п. 12. «Изучение социального влияния. Регуляторы социального поведения: нормы и социальные роли, социальные установки, социальные представления, ценности. Социальное влияние в виртуальной среде и социальных сетях».

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и результаты исследования отражены в публикациях автора, обсуждались на заседаниях кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета, на XX заседании научного сетевого этносеминара (Москва, 2023), а также на 5-й Международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире» (Пенза, 2020), V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М. Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (Москва, 2020), международной научно-практической конференции «Евразийская психологическая наука и практика: междисциплинарные тенденции», посвященной 30-летию со дня открытия специальности «Психология» (Казахстан, Усть-Каменогорск, 2021), международной научно-методической конференции «Иннова 2022» (Казахстан, Костанай, 2022), 6-ой Международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире» (Пенза, 2022), VII международной научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы

теории и практики» (Москва, 2022), международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН (Москва, 2022), VIII международной научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (Москва, 2023), X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение)» (Москва, 2023).

Структура диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, выводов, заключения, списка литературы и приложений. Основное содержание работы изложено на 192 страницах, общий объем работы – 212 страниц. В тексте диссертации содержится иллюстративный материал – 15 таблиц и 5 рисунков. Список литературы включает 266 наименований, из них 100 – на иностранном языке.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ЭМИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ

1.1. Теоретические подходы к пониманию феномена «социальная установка» в отечественной и зарубежной психологии

Одной из задач нашего исследования является комплексное изучение феномена «эмиграционная установка» и представление его психологической трактовки. Для решения данной задачи, в первую очередь, обратимся к анализу психологического содержания понятия «социальная установка».

По мнению многих ученых существуют как сходства, так и различия в значении понятий «социальная установка» и «установка». Так, согласно С. К. Рощину [116], психологическая основа социальной установки и установки одинакова и характеризуется готовностью или предрасположенностью индивида к определенным действиям в отношении некоторого объекта в определенных обстоятельствах.

Касательно различий приведенных понятий, С. К. Рощин выделяет более сложную организацию социальной установки по сравнению с общепсихологической установкой [116]. В дополнение к мыслям С. К. Рощина П. Н. Шихирев отмечает, что социальной установке присущи функции общепсихологической установки, однако выполнение их происходит на уровне социальной общности, что обеспечивает согласованность поведения членов социума [164]. В свою очередь, в работах большинства авторов используются понятия «социальная установка» и англоязычное «аттитюд» как рядоположные. Смысловое наполнение которых, по мнению многих авторов, одинаково, следовательно, социальная установка равна категории attitude (аттитюд) [31; 81; 164; 254]. В то же время понятие «установка» (как рассматривали в школе Д. Н. Узнадзе) в англоязычной версии определяется как слово «set» [142; 143].

И в зарубежной, и в отечественной психологии до сих пор не сложилось единого представления о феномене «социальная установка». Отправной точкой изучения социальных установок в зарубежной социальной психологии считаются исследования аттитюдов польских эмигрантов в Америке У. Томаса и Ф. Знанецкого [139; 254]. По мнению авторов, введение понятия аттитюд в научный оборот было оправданным и связано с потребностью объяснения связей культурных особенностей, существовавших в обществе, с личностными характеристиками членов этого общества. При этом аттитюды рассматривались в тесной связи с ценностями. В свою очередь, ценности определяют объект, имеющий важное значение для индивида и отличающийся особым содержанием, установка же характеризуется как некий психологический процесс, отражающий внутреннее состояние личности. При этом ценности способны оказывать влияние на поведение индивида посредством установок, а конкретнее ценности находят свое выражение в установках. Так, У. Томас и Ф. Знанецкий рассматривают аттитюды как «субъективные ориентации индивидов как членов группы на те или иные ценности, предписывающие им определенные социально принятые способы поведения» [254, с. 523]. Другими словами, социальная установка определяется в качестве «процесса индивидуального сознания», «психологического переживания индивидом ценности, значения, смысла социального объекта» или «состояния сознания индивида относительно некоторой социальной ценности» и прогнозирует будущие (актуальные или планируемые) действия человека в социальном мире [139, с. 183]. Согласно, умозаключениям У. Томаса и Ф. Знанецкого, социальная установка описывает взаимоотношения и взаимную обусловленность личности и социума, где социум отражает общественные ценности, а личность – свое отношение к этим ценностям [139; 249]. Представленная мысль авторов важна и наталкивает на вывод о двойственной природе социальной установки: с одной стороны, на возникновение и функционирование социальной установки влияет общество и окружающая действительность индивида, с другой стороны, социальная установки порождаема самим индивидом. Подобная мысль прослеживается и в экологической концепции

социальной установки А. А. Девяткина [31], где важное значение придается «возможностям окружающего мира», которые предопределяют социальные установки и ценности общества. Наряду с «возможностями общества» А. А. Девяткин (1999) выделяет и индивидуальную часть социальной установки, отражающуюся в отношении к ценностям социума. Социальная часть аттитюда показывает «неабсолютность» и «неуниверсальность» социальной установки [22]. Согласно С. В. Гордеевой [22] социальная установка возникает и функционирует исключительно в границах социальной жизни и деятельности общества, что обозначено автором как «социальный фон» аттитюда. Важность исследования социального фона аттитюда обусловлено тем, что при одних и тех же действиях в различных социальных условиях можно прийти к различным результатам.

Г. Олпорт рассматривал установку как психологическую составляющую личности, преломленную через ее сознание. По мнению автора, установка обуславливает определенное поведение человека, при помощи установки одни действия выполняются, другие же – сдерживаются [172]. Иначе говоря, установка выступает регулятором поведения личности, направляя действия индивида. Обобщая имеющиеся знания о феномене «социальная установка» Г. Олпорт [172], заключил, что аттитюд определяется как «состояние психонервной готовности» на возникновение которого значительное влияние оказывает жизненный опыт индивида. Описанное Г. Олпортом состояние готовности направляет действия индивида в отношении конкретных объектов и ориентирует в жизненных ситуациях, с которыми связан человек. Так, социальная установка рассматривается как состояние готовности или настроенности индивида к определенным реакциям на вызовы внешней окружающей действительности. Изучение социальной установки в процессе взаимодействия личности с окружающей действительностью представляется значимым моментом, так как ядром внешней среды выступает общество, а именно люди, что указывает на социальную сущность установки.

Несмотря на представление Г. Олпортом [172] социальной установки в качестве фактора социального поведения личности, особое внимание автором

уделяется индивидуализации установок. Так, поведение индивида формируется и изменяется в результате действия личностных черт, в том числе и установок.

Д. Н. Узнадзе в своей теории обращает особое внимание на фиксированность установки, которая возникает вследствие повторяющихся действий в одних и тех же ситуациях, направленных на удовлетворение потребности личности [142; 143]. Фиксированная установка основана на прошлом опыте индивида и существует как потенциальная возможность действовать определенным образом в аналогичной ситуации. Как правило, фиксированная установка находится в сфере бессознательного личности и влияет на осознанное поведение индивида в соответствующих условиях [81]. Ш. А. Надирашвили пишет о фиксации и социальных установок. «Социальная установка, как и установка любого другого вида, фиксируется и таким образом создается система фиксированных социальных установок, которые актуализируются при соответствующих обстоятельствах. В действительности же социальные фиксированные установки, или социальные аттитюды, формируются посредством фиксации социальных установок и затем вводятся в систему других фиксированных установок» [81, с. 102]. Важно отметить, что социальной установке так же, как и фиксированной, характерна направленность и отнесенность к чему-либо. При рассмотрении установки как отношение, предполагается наличие объекта, то есть установка всегда предметна и направленна. Это одно из важных специфических свойств установки в качестве психического явления.

В социальной психологии социальная установка или аттитюд определяется как некоторая диспозиция личности, которая направляет чувства, мысли и потенциальные действия человека в отношении определенного социального объекта [8; 22; 31; 139; 164; 172; 254]. Социальную установку принято анализировать как один из самых значимых психологических механизмов вовлечения индивида в систему социальных отношений. В то же время социальная установка представляет собой часть и психологической, и социальной составляющих личности.

А. Н. Леонтьев [63] предлагает рассмотрение установки в ключе деятельностного подхода и вводит понятие смысловой установки. Согласно определению автора, смысловая установка понимается как отражение личностного смысла и выражается в предрасположенности или готовности индивида к направленным действиям, придавая деятельности устойчивый характер.

В. Н. Мясищев в рамках теории отношений личности рассуждает о состояниях человека, возникающих до осуществления определенных действий и детерминирующих поведение индивида. Отношения личности к чему-либо или к кому-либо рассматриваются им как целостная система субъективных, осознанных связей человека с разными проявлениями объективной реальности. Такая система исходит из общей истории развития человека, отражает его индивидуальный опыт и вместе с этим предопределяет действия, поведение, чувства и эмоции личности [79; 80]. Исходя из понимания психологической категории отношения В. Н. Мясищева в качестве «системы временных связей человека как личности субъекта со всей действительностью или с ее отдельными сторонами» [80, с.78], вытекает предположение о детерминированности поведения отношениями. Отношения выступают в роли некой преддиспозиции или тенденции относительно некоторых объектов, в результате которых возникает потребность в проявлении реальных действий. Отличия отношений от установки выражаются в том, что сфера функционирования отношений личности практически не имеет границ, социальная установка же возникает и действует в условиях наличия определенного социального объекта.

С учетом предшествующего опыта исследований социальной установки, примерно к середине 20 века в социологических и психологических науках сложилось общее определение понятия «социальная установка». Так, под социальной установкой понимается некоторое состояние нервной системы и сознания человека, выражающееся в предрасположенности индивида к определенным действиям и ориентирующее его поведение под влиянием накопленного индивидом личного опыта [8; 31; 164].

Исходя из теоретических положений анализа феномена «социальная установка», мы заключили:

1. Предметное содержание социальной установки подобно содержанию общепсихологической установки и выражается в готовности к действиям, некоторым образом, относительно определенного объекта в конкретных условиях.

2. Социальная установка функционирует параллельно и одновременно как часть психологического, и как часть социального в личности. Являясь частью социального в личности, аттитюд образуется и функционирует на различных уровнях структуры общества (группа, класс, нация) и выступает одним из элементов организации поведения представителей разных социальных групп.

3. Социальная установка обладает специфичной особенностью, отличающей ее от других видов установок. Так, социальная установка всегда направлена на объект, имеющий социальную природу. Социальный объект представляет собой элемент окружающей реальности, в частности, таким элементом выступает общественная среда, и образуется в ходе взаимодействия людей в социуме, взаимоотношений общества с индивидом.

4. Отличительной особенностью социальной установки представляется ее фиксированность, предполагающая обладание предметным содержанием. Социальная установка рассматривается в качестве неизменяемого, обобщенного варианта «личностного смысла» ее объекта.

5. Социальная установка ориентирует, направляет и организует реакции и действия человека относительно некоторого социального объекта.

В результате анализа разных источников мы обощили, что социальная установка определяется как состояние человека психологической готовности к совершению некоторых действий и активности в отшении социального объекта в заданных условиях и ситуациях. Социальная установка выполняет функции организации и ориентации поведения личности, в основе которых лежит эмоционально переживаемое и оценочное отношение к социальному объекту.

1.2. Психологическое содержание понятия «эмиграционная установка»

В первую очередь, рассмотрим возможность применения понятия эмиграция в контексте описания миграционных процессов. Миграция в трактовке Л. Л. Рыбаковского понимается как территориальное передвижение человека из одного населенного пункта в другой с отметкой факта переселения, вне зависимости от того переезд осуществляется в пределах страны или за границу [117; 118]. Исходя из предложенного определения, мы понимаем, что эмиграция представляет собой ту же миграцию, только предполагает перемещение за пределы нынешней страны проживания. Соответственно эмиграционная установка может рассматриваться как миграционная установка. Поэтому для понимания сущности феномена эмиграционной установки раскроем содержание миграционной установки.

Миграционной установке присущи те же характеристики, что и социальной, ввиду чего установка на миграцию У. Томасом и Ф. Знанецким анализируется в качестве «психологического переживания индивидом ценности, значения, смысла социального объекта» [139; 254], что говорит о направленности миграционной установки на социальный объект. В свою очередь, Л. Л. Рыбаковский, как упоминалось ранее, рассматривает миграцию как передвижение в пределах определенной территории, предполагающее изменение места жительства [117]. Исходя из чего С. А. Кузнецова [54; 55; 56; 57] предлагает в качестве социльного объекта миграционной установки определять место жительства, на что имеются теоретические обоснования. Исходя из размышлений Г. М. Андреевой, различные социальные явления, происходящие в обществе представляют собой «объекты социального познания», которое возможно только в ситуации построения взаимоотношений личности с окружающей ее «средой». В свою очередь «социальная среда» включает в себя разные «фрагменты действительности», одной из которых выступает «естественная и искусственная среда обитания» [8, с. 53].

Социальная среда, пространство и территория в рамках экологической психологии и психологии пространства рассматриваются в качестве психологических и социально-психологических категорий. В научный оборот вводятся понятия, отражающие определение жизненного пространства, «территориальность» [155], «социальное пространство» [127]; «социально-психологическое пространство» [38], которые рассматриваются как новый социальный объект исследования в социально-психологической науке. Помимо прочего Г. М. Андреева изучает идентичность личности в связи с окружающей его средой, под которой понимается место жительства человека. Место проживания или «жизненная среда» человека, обладая определенными природно-климатическими условиями, оказывает влияние на развитие личности. Под влиянием этой среды, в результате взаимоотношений с местом проживания, формируется определенный образ мира личности [8, с. 198]. На сегодняшний день существуют и другие альтернативы понятию индентичность с окружающей средой, например, понятия «территориальное самоопределение» [53] или «территориальная идентичность» [38]. Место проживания обретает личностный смысл и служит одним из ограничивающих или поддерживающих факторов достижения поставленных целей индивидом, реализации его мотивов. Из вышесказанного следует, что место проживания стоит рассматривать не только как географический пункт, но и как социальный объект, требующий социально-психологического анализа.

Напрашивается вопрос: а возможно ли, что социальный объект, в нашем случае место жительства, обуславливает возникновение миграционной установки, в дальнейшем переходящей в миграционное поведение? Скорее всего да, так как знания о других потенциальных местах проживания дают основания для сравнения нынешней страны, города проживания с предполагаемой, что в последующем может привести к возникновению миграционной установки. Напротив, если человек не располагает полной информацией о других местах жительства, не имеет достаточного представления об условиях жизни за пределами его города или страны, то ему сложно «пережить ценности, значения и

смысл» [157, с. 58] другого места проживания, что негативно сказывается на возникновении миграционной установки. Однако не стоит преувеличивать значимость потенциального места жительства, маловероятно образование миграционной установки только на основе положительной и благоприятной оценки предполагаемого места проживания. Место жительства представляет собой многогранный, сложный социальный объект, суждение о котором выносится с учетом потребностей и мотивов, ценностей и целей личности. Из вышеизложенного слудет, что миграционная установка может возникнуть при условии сравнения между собой двух мест проживания: актуального и потенциального, которые по мнению С. А. Кузнецовой [54; 55; 56; 57; 96] выступают объектами миграционной установки и составляют ее структуру. Рассмотрение в качестве предполагаемого места жительства только одного географического объекта конечно упрощено. На самом же деле круг объектов для сравнения своего нынешнего места проживания может быть широким. Человек способен анализировать несколько потенциальных мест жительства одновременно, как на основе собственного опыта, так и на основе полученной информации от других людей. В конечном счете представление человека о лучшем месте жительства формируется на основе сравнения условий потенциальных мест жительства с условиями актуального места проживания.

Сопоставление будущего места проживания с нынешним представляет собой характеристику миграционной установки, отличающую ее от других видов установок. С. А. Кузнецова в своих работах рассматривает данный отличительный признак как двух- или полиобъектность миграционной установки [54; 55; 56; 57].

Отражение идеи полиобъектности миграционной установки можно обнаружить в результатах социологических исследований. Например, обнаружено, что люди, имеющие опыт пребвания за рубежом, чаще задумываются о переезде за границу [30]. Ведь наряду с приобретением миграционного опыта у человека расширяется круг объектов для сравнения условий проживания, что может в последующем повлиять на возникновение установки к эмиграции.

Теоретически обосновать предположение о влиянии оценки мест жительства путем сравнения на возникновение миграционной установки возможно с помощью теории сравнения Л. Фестингера. Согласно которой в «ситуациях, когда у индивида отсутствуют объективные стандарты», возникает необходимость «социального сравнения для оценки своего положения» [195, с. 20], где под «социальным сравнением» человека подразумевается сравнение его с другими людьми [195]. Подобный процесс сравнения у потенциального мигранта происходит касательно места его жительства, человек сопоставляет климатические, социальные, политические и другие условия жизни в своей родной стране с условиями проживания в зарубежной стране. В основе сравнения лежат перспективы в планируемой стране проживания, соответствующие потребностям, ценностям и целям потенциального мигранта. В случае формирования положительного образа о другой стране в результате сравнения, возможно возникновение у человека эмиграционной установки. При этом, сравнение актуального и потенциального мест жительства приводят к формированию не только позитивного, но иногда и негативного представлений о другой стране. Такая неоднозначность результатов сравнения нынешнего и планируемого мест проживания характеризует место жительства в качестве сложного и многогранного социального объекта.

Для более осмысленного и четкого понимания такого признака миграционной установки как полиобъектность стоит прибегнуть к анализу психологической категории «социально-психологическое пространство», представленному А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко. Авторы выделяют, что «в общем виде социально-психологическое пространство человека есть сформированная субъектом система позитивно или негативно значимых социальных объектов или явлений (включая его самого), занимающих конкретные позиции в структуре, находящихся в определенных связях друг с другом и выполняющих некоторые функции или роли в соответствии с определенными нормами, правилами, стандартами и закономерностями» [38]. Осмысливая суждение А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко, определим ее основную идею:

социально-психологическое пространство структурировано и выступает важной и значимой частью окружающей человека действительности, в которой он социализируется. При этом авторы обращают особое внимание на то, что географические или территориальные объекты сами по себе без учета их отношений и связей не представляют собой предметное содержание социально-психологического пространства. Кроме того, П. Бурдье в теории социального пространства констатировал, что «за метафорой «социальное пространство» стоит, в конечном счете, факт человеческого бытия в социально-географическом пространстве» [127, с. 20].

Опираясь на работы С. А. Кузнецовой [54; 55; 56; 57] было определено, что эмиграционную установку от других видов установок отличает ее социальный объект, в качестве которого выступает нынешняя страна проживания и зарубежная страна, в которую планирует переехать потенциальный мигрант. Место (страна) проживания, рассматриваемое в качестве социального объекта, играет важную роль при планировании переезда, так как представляет собой ресурс для реализации идей и целей потенциального мигранта. «Психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла...» [8, с. 282] нынешнего и потенциального мест жительства происходит в результате их сравнения. В основе сравнения, как правило, лежат перспективы, которые открываются в других местах жительства, соответствующие потребностям, целям и ценностям индивида. Потребности, цели и ценности личности, находясь во взаимодействии друг с другом, представляют сложную и развитую систему в соответствии с которой процесс сравнения мест проживания может занять достаточно длительное время, при этом в результате сравнения может быть дана неоднозначная рациональная и эмоциональная оценка. Исключением здесь выступает вынужденный экстренный переезд.

Помимо полиобъектности, согласно С. А. Кузнецовой [54; 55; 56; 57], миграционная установка обладает еще одной отличительной характеристикой - это полисубъекность. Полисубъектность выражатся: во-первых, в усвоении личностью установок ближнего значимого окружения и их ожиданий от

потенциального мигранта, что оказывает значительное влияние на возникновение миграционной установки, во-вторых, субъектом миграционных установок, как правило, выступает значимое окружение потенциального мигранта, это семья, родственники или близкие друзья.

Для понимания сущности компонента миграционной установки полисубъектность, разберемся с категорией «субъектность». «Субъектность» понимается учеными как своего рода реактор активного развития личности и представляет собой намерение к истинности существования, проявления личности в жизни под влиянием его собственного внутреннего мироощущения и внешнего общественного мира, в частности, близкого окружения индивида. Согласно идеям В. И. Слободчикова [126], «субъектность» можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, как феномен, отражающий личный внутренний мир индивида, определяемый как фундамент его жизнедеятельности и отличающий человека от других людей. Во-вторых, как непосредственное, осязаемое в реальности средство выражения психического в личности, способы познания мира на практике. Так, «…субъективность (по-русски самость) обнаруживает себя в <…> способности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования» [126, с. 13]. При этом субъектность личности может быть понята лишь при выявлении характера установок, лежащих в основе активности личности и ее деятельности, определяющих готовность к осуществлению взаимодействия с другими людьми и предметной деятельности [13; 14]. Так, полисубъектность эмиграционных установок индивида означает, что субъектность значимых других отражается в их установках и оказывает влияние на установки к эмиграции потенциального мигранта. Приставка «поли-» показывает, что субъектность личности включает в себя некоторую часть субъектности значимых других, а именно, интериоризированные установки близкого окружения индивида.

Полисубъектность эмиграционной установки можно анализировать и опираясь на положения структурного подхода исследования аттитюдов Дж. Мида. Согласно которому, наши установки на объекты, на «других» – порождаются и

поддерживаются социальными факторами. В структурном подходе установка представлена как функция структуры межличностных отношений, где возникновение и функционирование установок личности происходит путем усвоения или, как назвал этот процесс Дж. Мид, интериоризации установок «других» [221, с. 223]. Так, «другие», а именно, наше значимое ближнее окружение, оказывает важное, а в некоторых ситуациях и решающее, влияние на возникновение установок личности. Значимые другие представлены близкими, которым мы доверяем и испытываем симпатию. Помимо семьи, близких друзей и родственников, на наши установки влияют и люди, с которыми мы контактируем чаще всего. Среди которых на установки личности оказывают наиболее сильное влияние те, кто социально близок к индивиду и, имеющие более высокий социальный статус [221]. Помимо прочего, социальные установки определяются как компонент личности. Иными словами, личность представлена комплексом установок, которые формируются под влиянием других людей.

Таким образом, опираясь на анализ теоретической литературы можно дать следующее определение эмиграционной установке. Эмиграционная установка – это вид социальной установки, представляющий психическое состояние готовности личности действовать определенным образом в отношении объекта, а именно, места жительства, что может привести к смене страны проживания, то есть эмиграции. Эмиграционная установка ориентирует, направляет и организует действия и реакции, в целом и поведение, личности, на основе эмоционально переживаемого и оценочного отношения к потенциальному и актуальному местам проживания. Эмиграционная установка характеризуется отличительными признаками: полиобъектностью и полисубъектностью. Где полиобъектность предполагает наличие двух объектов эмиграционной установки, в отношении которых направлено ее действие. Объектами эмиграционной установки выступают места жительства: актуальное и потенциальное, которые сравниваются между собой. Полисубъектность выражается в интериоризации индивидом установок на эмиграцию и ожиданий миграционного поведения от потенциального мигранта значимых других.

1.3. Описание системы социально-психологических факторов эмиграционных установок личности

При определении системы факторов эмиграционной установки мы опираемся на основные принципы системного подхода [66; 21] и методологический принцип полидетерминированности [39]. С учетом специфики и содержания эмиграционной установки, представленной синтезом психической жизни человека с окружающим миром [31], биосоциокультурной природой [5], изучение факторов эмиграционной установки целесообразно с точки зрения категорий «внешнее» (социальное) и «внутреннее» (психологическое). Разрабатывая идеи «внешнего» и «внутреннего», В. Э. Чудновский [158] размышляет о двойственном их определении: «с одной стороны, подчеркивается значимость внутренней детерминации деятельности субъекта, с другой – имеет место отношение к субъекту как, в основном, к результату интериоризации общественного опыта» [158, с. 21]. Исследование факторов эмиграционной установки с учетом соотношения «внешнего и внутреннего» логично в уровневой системе, что помимо прочего отвечает и принципу многоуровневости и иерархичности системного подхода [66]. Обратим внимание на значимое с методологической точки зрения умозаключение В. Н. Мясищева: «отношения связывают человека со всеми сторонами действительности, но при всем их многообразии можно установить три ее основные категории: 1) явления природы или мир вещей, 2) люди и общественные явления, 3) сам субъект-личность» [80, с. 208].

Такое понимание взаимоотношений личности с окружающей действительностью предполагает анализ взаимодействия в качестве (Рисунок 1):

1) отношений индивида с окружающей его средой (отношения уровня Я – среда), где под средой мы подразумеваем культуру и общество, в котором социализируется личность. По мнению М. С. Кагана, культура с философской точки зрения, равно как и категории человек и общество, представляет собой

более сложный и развитый системный объект по сравнению с природными системами, и рассматривается как среда проживания или обитания индивида [46];

2) отношений между личностью и другой личностью, группой и обществом, где исследуются отношения между членами различных общественных групп (отношения типа я и другие);

3) отношений к самому себе, определяемые как внутриличностные отношения (отношения типа я - иное).

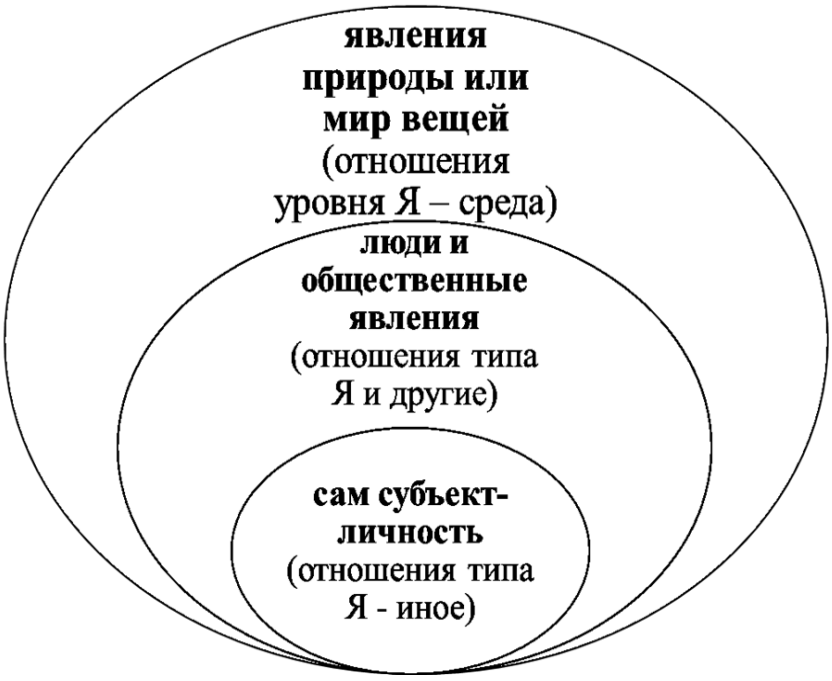

Рисунок 1. Категории действительности, с которыми человек связан отношениями (В. Н. Мясищев)

Так, на основе имеющихся в психологии иерархий развития личности [7; 21; 63; 140], отношений [50; 79; 80], нами определены три уровня представленности социального в личности и выделены на каждом уровне факторы эмиграционной установки (Рисунок 2): микроуровень (личностный) - субъективное благополучие; мезоуровень (групповой) - институциональное доверие, надежда на получение поддержки со стороны родных в стране нынешнего проживания и за границей и макроуровень (общественный) – ценности. Вышеперечисленные факторы

эмиграционной установки по отдельности исследовались в ряде работ ученых [2; 10; 27; 30; 35; 37; 54; 55; 56; 57; 59; 69; 75; 76; 77; 88; 96; 111; 125; 157; 167; 168; 180; 193; 196; 198; 199; 200; 209; 218; 223; 225; 233; 244; 252; 253; 260] однако ни в одной работе мы не встречали изучение этих предикторов во взаимосвязи, единой целостной системе. По нашему мнению, комплексное изучение субъективного благополучия, институционального доверия, ожиданий помощи от родственников и друзей и ценностей даст нам наиболее полное и разностороннее понимание детерминации направленности на переезд за границу потенциального мигранта. Система социально-психологических факторов эмиграционной установки представляет синтез всех ее составляющих, объединенных в единое целое (концепция одновременности В. Н. Мясищева) [79; 80].

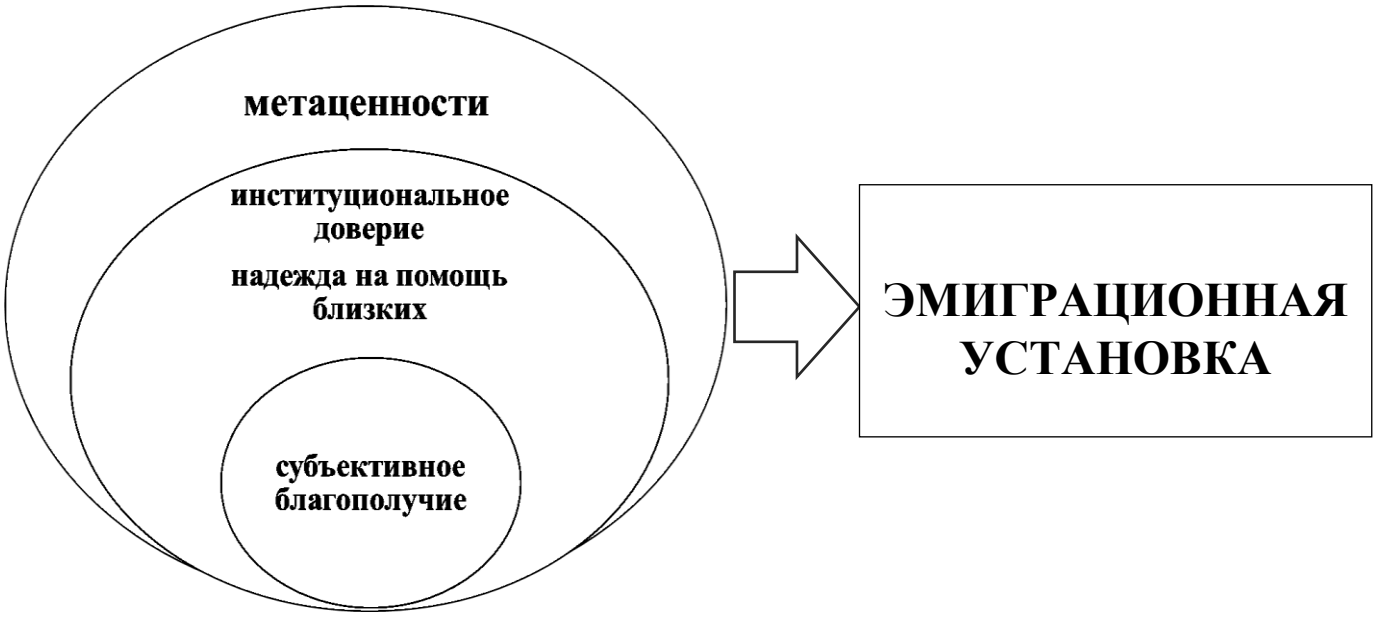

Рисунок 2. Система социально-психологичкеских факторов эмиграционных установок

Охарактеризуем каждый из указанных выше трех уровней представленности социального в личности.

Микроуровень системы социально-психологических факторов эмиграционной установки отражает внутриличностные отношения, определяется отношениями к самому себе и представлен субъективным благополучием. Так, субъективное благополучие отражает субъектность личности, которая объединяет в себе практически все психические процессы, восприятие, оценку, соотнесение и

т.п., которые детерминированы неоднократными внешними и внутренними причинами, иными словами, мы говорим о субъективности отношений индивида [159; 160; 161; 162]. Категория «субъективность» отражает внутреннее состояние личности. Говоря о субъективном благополучии, в первую очередь, мы обращаем внимание на отношения, возникающие между самой личностью (субъектом) и признаками отражаемой внешней действительности, а именно, на характер таких связей. Субъективное благополучие выражается в соотношении объективных реакций поведения самого индивида (внешние проявления) с его внутренним состоянием (внутренние проявления). По мнению Б. Ф. Ломова [66], субъективность в ключе социальной психологии исследуется посредством анализа собственных отношений личности к внешним событиям, происходящим в обществе. Всестороннее исследование субъективного благополучия мы находим в работах Р. М. Шамионова [159; 160; 161; 162]. Обобщая идеи Р. М. Шамионова, стоит выделить, что субъективное благополучие понимается в качестве собственного отношения человека к самому себе, своей личности, деятельности, важным явлениям в жизни, соответсвующего представлениям субъекта о нормах благополучия. Иными словами, субъективное благополучие – это гармоничное отношение человека к себе и своей жизни, сопровождающееся чувством удовлетворенности [160; 161].

Мезоуровень характеризуется взаимодействием личности с группой и отражает социальные отношения человека с другими людьми, объединенными в определенные группы. Мезоуровень представлен институциональным доверием и надеждой на получение помощи от близких. Институциональное доверие представляет собой обезличенное доверие к системам, правилам и нормам, функционирующим в государстве, в том числе и к воплощающих их, институтам власти [150; 217; 266]. Так как за каждым институтом власти стоят люди, институциональное доверие опосредованно отношениями людей и включает в себя их ожидания ответственного поведения от представителей власти и выполенения своих обязательств, а также уверенность в определенности будущего [239; 266]. Кроме институционального доверия на мезоуровне нами

рассматривается такой фактор как надежда на получение помощи от близких. Оказание информационной, психологической, а в некоторых случаях, и финансовой поддержки близкими людьми потенциального мигранта при планировании переезда за границу положительно влияет на реализацию эмиграционного поведения. Семейно-родственные и дружеские связи отражаются в межличностных отношениях со значимыми для потенциального мигранта людьми, характеризующихся взаимопомощью, заботой и эмоциональной поддержкой друг друга. Оказание помощи родственниками или друзьями в прошлом является благоприятным условияем для возникновения надежды на получение поддержки со стороны близкого окружения во время планирования переезда за границу. Надежда в качестве психологического феномена анализируется на уровне межличностных отношений, предметное содержание надежды сконцентрировано на эмоциональном переживании, которое придает человеку уверенности и чувство психологической поддержки [44; 60; 154; 192; 197]. Положительно окрашенное эмоциональное состояние, выражающее надежду, побуждает человека к осуществлению активности [44].

Макроуровень взаимодействия личности с обществом характеризуется отношениями, воспроизведенными в сфере социальных отношений. Отношения представленного уровня обусловлены внешними факторами, а именно, социокультурными, экономическими, политическими изменениями общества. На макроуровне в качестве фактора эмиграционных установок мы выделяем **ценности,** обусловленные культурными особенностями общества. М. С. Каган [46] определяет культуру как продукт деятельности общества. В культуре отражаются способы деятельности индивидов, сформированные на основе их социальных взаимоотношений.

Культура посредством деятельности выражает в себе образ и характер отношений людей в обществе. Многие ученые считают, что ядром культуры выступают ценности [62; 73; 106; 118; 130; 204; 206; 235; 236; 237]. Ценности отражают представления о нормах в определенном обществе, представления о желательном поведении членов социума, другими словами, их культурные

идеалы. Ценности, обусловленные культурой, влияют на формирование как личных, так и групповых убеждений, в соответствии с ценностями выстраиваются цели и действия людей. Функционирование политических, социальных институтов, в целом жизнь и деятельность общества определена превалирующими культурными ценностями. Культурные идеалы, будучи основным элементом культурных ценностей, показывает сбалансированность разных сторон культуры. Теория ценностей Ш. Шварца определяет набор базовых ценностей или целей, предполагаемых как всеобъемлющие из различных человеческих мотиваций, встречающихся во всех культурах. Известно, что ценности, превалирующие в социуме – одна из важных составляющих культуры, определяющие основные паттерны поведения людей. В работах американского ученого Д. Мацумото, культура рассматривается как совокупность ценностей, установок, верований и моделей поведения, усвоенных членами общества, при этом в разной степени отдельным индивидом [73]. Культура, отраженная в ценностях, как правило, передается из поколения в поколение. Культура в такой же степени индивидуальный психологический конструкт, как и социальный. Проявление индивидуальных различий в культуре – это результат неоднородности принятия ценностей, убеждений, установок и паттернов поведения членами общества, представляющие данную культуру [46; 73; 82].

Ценности личности, обусловленные культурными особенностями определенного общества, – это комплексный внутренний и внешний показатель сущности, целостности и зрелости личности. Ценности преломляются в социально-психологических факторах эмиграционной установки на всех уровнях взаимодействия личности со средой и выступают системообразующим фактором. Система ценностей выступает ядром не только культуры, но и личности. Приверженность человека к тем или иным ценностям определяет и степень его субъективного благополучия, и доверие институтам власти, и надежду на оказание помощи близкими.

Более подробно рассмотрим содержание каждого из факторов, представленного в системе.

1.3.1. Субъективное благополучие как фактор эмиграционных установок на (личностном) микроуровне

Многочисленные обсуждения [32; 43; 161; 173; 190; 191; 224; 257] вопросов касательно категории «субъективное благополучие» не привели к единому определению этого понятия, но способствовали выделению его содержательных особенностей. Так, большинство авторов [32; 43; 161; 173; 190; 191; 224; 257] солидарны в вопросе включения в субъективное благополучие таких составляющих, как счастье, удовлетворенность собой и жизнью, баланс позитивных и отрицательных эмоций. Теоретический анализ показал, что неудовлетворенность жизнью [179; 242; 250], ощущение людьми себя менее благополучными [180], менее счастливыми [171] выступают выталкивающими психологическими факторами и способствуют возникновению намерений и установок потенциальных мигрантов к смене места жительства и переезду за пределы страны нынешнего проживания. Помимо прочего, направленность на переезд за границу возникает в условиях неравенства доходов среди населения страны [214], которое коррелирует с ощущением счастья [262]. Доказано, что при явном наличии неравенства в доходах люди чувствуют себя менее счастливыми [262]. В то же время, более высокий уровень субъективного благополучия, в большинстве случаев, удерживает население от международной миграции [181]. При этом, А. Ивлевсом [209] на основе исследования жителей 35 стран Европы и Центральной Азии, было выявлено, что эмиграционные намерения связаны с удовлетворенностью жизни не линейно, а носят U-образный характер. Так, в большей степени направлены на эмиграцию те, кто наиболее и наименее удовлетворены жизнью и переживают состояние счастья. Подобные результаты получены Л. Полгрином и Н. Симпсоном [229], согласно которым, чаще переезжают за пределы своей страны люди из стран, с наибольшим и наименьшим уровнем счастья. В то время как люди с ощущением себя в средней мере счастливыми не ориентированы на переезд за границу. Мы наблюдаем неоднозначные и противоречивые результаты исследований связи субъективного

благополучия с эмиграционными установками: если одни авторы в качестве фактора возникновения установок к переезду за рубеж указывают низкий уровень субъективного благополучия, то другие – его высокий уровень, что говорит о необходимости учета дополнительных факторов. Например, одним из таких факторов может быть выбор страны для эмиграции. Так, U-образная кривая связи субъективного благополучия с установками на эмиграцию наблюдается среди мигрантов, выбравших в качестве потенциальной страны проживания Соединенные Штаты Америки (далее США). Выявлено, что в США переезжают люди с высоким и низким уровнем субъективного благополучия [209]. А. Ивлевс и его коллеги считают, что счастье отражает оптимизм: люди в более счастливых, экономически развитых странах, как правило, более оптимистично смотрят на жизнь и позитивно настроены к новым возможностям, которые открываются для них за пределами их страны, и как следствие проявляют большую готовность к переезду [209]. Помимо этого, счастливые люди уверены в своей большей продуктивности, креативности, способности к сотрудничеству, коммуникабельности и в реальности имеют больше шансов быть нанятыми, продвигаться по службе и получать более высокий доход, чем несчастные люди [188]. Как правило, люди с высоким уровнем счастья более уверены в своих потенциальных доходах за границей и, следовательно, с большей вероятностью рассмотрят возможность эмиграции, чем менее счастливые люди в аналогичных обстоятельствах. Исходя из теории перспектив [259], выбор потенциального мигранта основан на относительном улучшении своего положения, а не на конечном результате. Стоит оговориться о необходимости учитывать благополучность страны, где ныне проживает человек, намеревающийся в будущем покинуть ее. Выявлено, что в относительно благополучных странах повышение уровня счастья связано с более высокими показателями эмиграции, поскольку возможность достижения более высокого уровня счастья за границей может влиять на миграцию; люди из этой категории могут быть готовы терпеть больший риск и, следовательно, мигрировать [225; 246; 260]. Наряду с тенденцией эмигрировать людей из благополучных стран наблюдается направленность

населения на переезд за рубеж и в относительно несчастливых странах. Мигранты из таких стран желают улучшить не только собственное социальное, экономическое положение, но и стараются оказать помощь близким, проживающих на родине, например, посредством денежных переводов. Можно предположить, что U-образная взаимосвязь между ощущением счастья или субъективным благополучием и планированием эмиграции сохраняется при учете валового внутреннего продукта (ВВП) и его росте [260].

В другом крупном исследовании, проведенном среди респондентов (12 494 человека) одной из экономически развитых и богатых стран мира – Германии, обнаружена связь неудовлетворенности разными аспектами жизни с установками и намерениями на переезд за пределы своей страны проживания [202; 233; 248]. У немцев с выраженными эмиграционными намерениями наблюдается низкая удовлетворенность жизнью во всех сферах, кроме удовлетворенности работой. В частности, неудовлетворенность домашним хозяйством и личным доходом, жильем, количеством свободного времени и семьей побуждает людей задумываться и планировать переезд за рубеж. А с самыми высокими показателями намерений к эмиграции коррелирует неудовлетворенность семейной жизнью. В то же время люди с высоким уровнем удовлетворенности жизнью не намерены в ближайшем будущем менять место жительства. Результаты данного исследования показали, что неудовлетворенность разными сферами жизни выступает предиктором установок к эмиграции не только среди жителей стран менее экономически развитых, характеризующихся более низким качеством жизни, но и среди населения благополучных, с высоким уровнем жизни стран. [233].

Противоречивость данных о роли субъективного благополучия в возникновении эмиграционной установки вызывает настоятельную потребность исследования субъективного благополучия во взаимосвязи с факторами эмиграционной установки на мезо- (групповом) и макро- (общественном) уровнях.

Все компоненты системы детерминант находятся в определенных отношениях друг с другом и имеют взаимное влияние. Так, во многих работах

доказана связь субъективного благополучия с институциональным доверием. И. А. Зеленев и В. А. Прохода выявили, что чем выше в стране уровень субъективного благополучия населения, тем больше люди доверяют институтам власти [40]. Считается, что субъективное благополучие общества является отражением эффективности работы государственных органов [64], а именно чем продуктивнее и результативнее деятельность институтов власти, тем выше степень субъективного благополучия населения [64]. В демократических странах граждане рассматривают свое субъективное благополучие в качестве оценочного критерия при принятии решения о том, насколько они готовы поддерживать правительство и соблюдать его законы. Если население удовлетворено жизнью, то государственная власть вознаграждается поддержкой со стороны населения, обратный процесс наблюдается в случае неудовлетворенности жизнью общества. П. Эсайассон (P. Esaiasson, 2020) с коллегами такой тип отношений назвали «конрактом» счастья с «институтами власти», который был выявлен в ходе сравнительного анализа в 36 странах Европы. Отношение к поддержке политической системы может быть подорвано вследствие снижения личного доверия между людьми, что также опосредовано изменениями в ощущении субъективного благополучия [194]. Помимо прочего, связь субъективного благополучия с поддержкой и доверием власти слабее среди людей с высоким уровнем духовности/религиозности в силу того, что они возлагают вину за многие события на внешние, потусторонние силы [194]. Исследования связи доверия и субъективного благополучия в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), показали аналогичные результаты. Так, недоверие правительству к решению финансовых проблем, вызванных продолжающейся пандемией, напрямую связано с чувством финансовой незащищенности. Это, в свою очередь, оказывает негативное влияние на удовлетворенность жизнью и субъективное счастье. Кроме того, недоверие к правительству в решении вопросов здравоохранения, вызванное продолжающейся пандемией, напрямую связано с более низким общим благополучием [177]. Напротив, доверие институтам власти способствует субъективному благополучию [215]. Те пожилые люди, которые

набрали более высокие баллы по доверию к учреждениям, чаще демонстрировали высокие баллы по показателям удовлетворенности жизнью, счастья и предполагаемого здоровья [184; 228; 256; 264]. С. Торесен со своими коллегами обнаружили, что институциональное доверие значительно снизилось среди людей, переживших стихийное бедствие, и что низкое доверие к полиции и правовой системе было в значительной степени связано с проблемами психического здоровья, отсутствием социальной поддержки и более низкой удовлетворенностью жизнью среди них [255]. Согласно М. Чизицено и Г. А. Травальино, воспринимаемое доверие к институтам (например, банкам, полиции, судебной системе, системе здравоохранения и правительству) положительно связано с удовлетворенностью жизнью, а между воспринимаемым индексом коррупции и удовлетворенность жизнью играет опосредующую роль [184]. Точно также Дж. Пиуматти с коллегами выявили положительное чувство доверия к национальным, местным и региональным органам власти в зависимости от удовлетворенности жизнью среди итальянских пожилых людей в возрасте 65 лет и старше [228]. Они также указали, что связь между институциональным доверием и удовлетворенностью жизнью частично опосредована политическими интересами. Ю. Токуда с коллегами показали, что воспринимаемое состояние здоровья было в значительной степени связано с доверием к средствам массовой информации (например, газетам и телевидению) и системе здравоохранения среди азиатского населения [256].

Стоит отметить наличие связи субъективного благополучия с ценностями, обусловленные этнической принадлежностью и культурными особенностями социума. Н. Ж. Султаниязова выделила общую тенденцию детерминации эмоционального компонента благополучия направленностью на ценности сохранения и приверженности к традициям [131; 132]. Подобные результаты получены также в исследовании ненцев, где ориентация их на ценности безопасности и традиции коррелировала с высокими показателями субъективного благополучия [265]. Однако в широкомасштабном исследовании Г. Хофстеде, проведенном в 29 странах, выявлено, что среди стран с высоким уровнем

субъективного благополучия и счастья наблюдается более низкая дистанция власти и низкий уровень избегания неопределенности, выраженные фемининность и индивидуализм, а в обществах с пробладающей маскулинной культурой наблюдается снижение субъективного благополучия. В частности, в исследовании субъективного благополучия среди респондентов из восточной, западной Германии и Израиля, получены подобные результаты [232]. Так, значимость ценностей достижения, стимулирования и самостоятельности положительно влияют на чувство субъективного благополучия населения, а именно повышают ощущение счастья и благополучия, а важность ценностей традиции, конформности и безопасности, напротив, снижают чувство счастья и ослабляют ощущение субъективного благополучия [232]. Представленные результаты исследований показывают нам протеворечивость данных касательно связи субъективного благополучия с ценностями, что требует исследования влияния дополнительных факторов на связь субъективного благополучия с ценностями. Такими факторами могут выступать этническая принадлежность респондентов и культурные особенности общества, в котором они социализируются. Например, Р. М. Шамионов [159] в своем исследовании выявил, что субъективному благополучию способствуют среди казахов ориентация на коллективистские ценности, а среди русских – индивидулистические ценности. Ж. Султаниязова в своей работе акцентировала внимание не только на этнической принадлежности респондентов, но и на их стране проживания, тем самым подчеркивая значимость культурных особенностей общества [131]. В ходе проведенного исследования автор обнаружила, что казахстанцам, в числе которых были и казахи, и русские, присущи коллективистские ценности [131; 132].

Субъективное благополучие этнических казахов и русских, проживающих в Казахстане, детерминировано «горизонтальным коллективизмом», в то время как субъективное благополучие россиян, в числе которых и русские и казахи, обусловлено «горизонтальным индивидуализмом» [131; 132]. Опираясь на всестороннюю работу Г. Хофстеде, благополучное и счастливое общество

проживает в странах, в которых преобладает низкая дистанция власти, что чаще наблюдается в технологических обществах с хорошей базовой системой образования, где существует сильный средний класс. Действительно, высокая дистанция власти частично связана с экономическим неравенством [251]. Индивидуалистические страны подчеркивают личную свободу. Индивидуализм ассоциируется с социальной мобильностью, сильным средним классом, малыми семьями, хорошо финансируемой системой образования, урбанизацией, богатой экономикой, основанной на индивидуальных интересах (например, рыночный капитализм), и справедливым распределением богатства. А в странах, характеризующихся низким уровнем индивидуализма, преобладают государственный социализм, общественные интересы, политическая власть, в которой доминируют группы интересов (а не отдельные избиратели), и жесткие социальные или профессиональные классы. Избегание неопределенности часто связано с ксенофобией, тревогой, потребностью в ясности и структуре, акцентом на закон и порядок, а также верой в опасность того, что отличается от общепринятого. Низкий уровень избегания неопределенности связан с принятием риска, открытостью к инновациям, терпимостью к разнообразию, комфортом с двусмысленностью и верой в свою способность влиять на мир. Наконец, маскулинность, слабо, но все же отрицательно связана с субъективным благополучием. Страны с низкой мужественностью и выраженной женственностью считают, что богатые платят налоги, чтобы помочь бедным, что должна существовать всеобъемлющая система социальной защиты [249].

Помимо прочего, субъективное благополучие связано и с надеждой на помощь близких, еще одним компонентом системы детерминант эмиграционной установки. В целом, надежда на получение помощи от близких положительно связана с удовлетворенностью жизнью [230]. Доказано, что студенты независимо от степени ощущения (высокая или низкая) собственного благополучия, ожидают получения поддержки со стороны, прежде всего, близких им людей: родителей, романтического партнера, друзей. В то же время, при возникновении проблем касательно личной жизни и эмоционального состояния студентов, у молодых

людей с низким уровнем благополучия менее выражена готовность воспользоваться помощью родных, чем у студентов с высоким уровнем благополучия. Студенты с низким уровнем благополучия, по сравнению со студентами с высоким уровнем благополучия, в большей степени готовы обратиться за профессиональной помощью психолога, что также свидетельствует о меньшей надежде на получение поддержки со стороны близких людей и семьи [17]. Подобные результаты получены и К. Мендонка, Ф. Симоэс согласно которым, социальная поддержка, со стороны близких родителей, друзей, окружения улучшает субъективное благополучие [222].

Представленные данные исследований демонстрируют имеющуюся связь субъективного благополучия с детерминантами эмиграционной установки: ценностями, институциональным доверием и надеждой на помощь близких. Что говорит о необходимости рассмотрения всех вышеперечисленных предикторов эмиграционной установки в комплексе, в одной системе, с учетом их взаимного влияния друг на друга.

Опираясь на теоретический анализ проблемы субъективного благополучия, прослеживается тенденция к исследованию его двух основных компонентов: эмоционального компонента, отражающий счастье и определяемое в качестве психологического благополучия; когнитивного компонента, выражающегося в удовлетворенности жизнью, уровне доходов. Считаем, что для полного и глубокого понимания влияния субъективного благополучия на установку к эмиграции необходим комплексный анализ данного феномена, отражающий различные его стороны. Многогранность и многоаспектность психологического содержания категории «субъективное благополучие» прослеживается в исследованиях Р. М. Шамионова [159; 160; 161; 162]. Автор определяет субъективное благополучие как личное отношение индивида к самому себе, собственной личности, жизни и деятельности, явлениям и процессам, играющих значимую роль для индивида и оцениваемых как гармоничные с точки зрения его представлений о нормах благополучия, сопровождающиеся чувством удовлетворенности. Субъективное благополучие рассматривается как

комплексное образование, объединяющее ряд элементов, которые выражают различные стороны жизнедеятельности индивида с точки зрения его удовлетворенности разными аспектами жизни [159; 160; 161; 162]. Среди компонентов самыми важными представляются сам человек, его чувства, активность и ее смысл, а также причастность к социуму, точнее направленность личности на себя или на социум. На основе длительных исследований Р. М. Шамионов [159; 160; 161; 162] определил структуру субъективного благополучия и выделил его составляющие: эмоциональное благополучие, экзистенциально-деятельностное благополучие, эго-благополучие, гедонистическое благополучие, социально-нормативное благополучие. Эмоциональное благополучие личности выражает эмоциональное состояние личности и проявляется в положительных, позитивных эмоциях таких, как счастье, радость, воодушевление, оптимизм. Экзистенциально-деятельностное благополучие отражает меру наполненности жизни событиями и осознание ее смысла, эффективность приложенных усилий для достижения благополучия. Эго-благополучие определяется степенью удовлетворенности человека собой, собственным характером и внешностью, гармоничными отношениями к самому себе, и выражается в уверенности. Гедонистическое благополучие демонстрирует уровень удовлетворенности фундаментальных потребностей, таких как безопасность, благоприятные условия жизни, в том числе достаточный уровень дохода, приемлемые экологические, климатические, социальные условия в месте жительства. Социально-нормативное благополучие отражает согласованность поведения человека, его поступков, действий и деятельности с нормами общества, усвоенные личностью и собственными ценностями индивида [159; 160; 161; 162].

На основе теоретического анализа исследований роли субъективного благополучия в проявлении эмиграционной активности личности, установлено, что характер связи субъективного благополучия с установками на смену страны проживания зависит от ряда дополнительных факторов: уровня благосостояния страны исхода, ценностей, превалирующих в обществе, а также потенциального мигранта, выбора страны переезда, степени доверия властям и т.п.

1.3.2. Институциональное доверие и надежда на помощь близких на родине и за границей как фактор эмиграционных установок на (групповом) мезоуровне

В качестве еще одного фактора возникновения эмиграционных установок мы выделяем институциональное доверие. Доверие, с точки зрения большинства исследователей, определяется как положительные ожидания индивида касательно поведения другого [58; 74; 78; 135; 150; 266]. Согласно Ф. Фукуяма, доверие возникает и формируется в социуме и характеризуется как ожидания человека определенного поведения от членов общества, соответствующее его нормам, ценностям, традициям и обычаям [150]. Доверие выражается во взаимоотношениях людей друг с другом и определяется как межличностное доверие [58]. Межличностное доверие представляет собой ожидания человека в отношении того, в какой мере можно верить обещаниям и словам другого человека или группы и рассчитывать на их исполнение. Поскольку доверие формируется в процессе межличностного взаимодействия и отражает ожидания людей, то степень доверия оценивается с точки зрения социума [74]. Институциональное доверие выступает важной составляющей взаимоотношений представителей власти с обществом, показателем отношения населения к работе институтов власти [74], которое отражается в удовлетворенности деятельностью представителей власти, поддержке и одобрении их решений обществом [135]. Согласно работам, Ш. Шварца и его коллег доверие определяется не только как положительное или отрицательное отношение к представителям институтов власти, одобрение или неодобрение их деятельности, а отражают множество убеждений и ожиданий [189]. Доверие властям, представляя собой ожидания, которые не всегда могут быть оправданы, сопряжено с определенным риском [217]. Ожидание обществом некоторого поведения от представителей власти обращено на их будущие взаимодействия и предполагает оценивание их итога, которое оказывает влияние на принятие решения человеком о последующем участии в данных взаимоотношениях. Помимо прочего, доверие связано с

убеждениями и нормативными ожиданиями. Данная связь чаще всего наблюдается с институциональным доверием, так как институты: социальные или политические представляют собой нормативные системы. Члены общества высказывают доверие институтам власти в условиях уверенности, что институты работают эффективно: выполняют в полной мере свои функции, с учетом существующих правил и норм, и в целом, действуют в интересах общества. Исходя из вышесказанного, доверие можно рассматривать как результат и продукт деятельности институтов власти. Так, эффективно работающие институты, оправдывающие нормативные ожидания общества, влекут за собой увеличение степени доверия. Напротив, деятельность институтов, характеризующаяся низкой продуктивностью, функционирующая без учета интересов социума, приводит к возникновению скептицизма и недоверительного отношения со стороны населения к институтам власти [135]. В свою очередь, недоверие к властям выступает одним из условий планирования переезда за границу, в дальнейшем и реализации эмиграционного поведения.

Доказано, что недоверие власти выступает одним из основных предикторов направленности на переезд за границу [157; 206]. Например, в Японии люди, высказавшие недоверие правительству и средствам массовой информации, чаще рассматривают возможность покинуть Японию, чем доверяющие органам власти [206]. 65 % опрошенных среди греческих квалифицированных рабочих, научных деятелей отметили в качестве своей движущей силы покинуть родную страну проживания отсутствие этических и социальных ценностей среди преобладающего числа государственных политиков, которое приводит к распространению коррумпированной культуры [226]. В свою очередь, коррупция в государственных органах влечет за собой снижение доверия к власти [128; 147; 182; 212; 266]. Так, среди населения с низким уровнем доверия половина населения (50,5 %) отметили, что попадали в коррупционную ситуацию, в то время как высокий уровень институционального доверия наблюдается у людей, которые не попадали в коррупционную ситуацию (70,2 %) [128]. Большая часть иранцев (83,7 %), которые когда-либо рассматривали возможность выезда из

страны, и более половины (57,3 %) готовые покинуть страну «прямо сейчас» (на момент проведения исследования), основной причиной такого решения отмечают политический фактор [193]. Так, мы видим, что институциональное недоверие выступает значимым фактором возникновения установки переехать за границу.

Недоверие к институтам власти чаще всего влияет на формирование именно эмиграционных установок, а не миграционных, так как ситуация в стране не изменится от смены места жительства внутри страны. Как отмечает П. Жигарева (2015), среди населения, имеющего низкий уровень институционального доверия, намного больше тех, кто планирует выехать за пределы страны на постоянное место жительства в ближайшие 5 лет, чем среди жителей с более высоким уровнем доверия институтам власти. Недоверие к институтам власти практически не отражается на желании мигрировать внутри страны. По данным исследования П. Жигаревой [37], смена места жительства с одного региона на другой не решит проблем, существующих в системе власти. Даже при низком уровне доверия на региональном уровне, люди не рассматривают переезд внутри страны как возможность улучшения жизни. Так как правительство, полиция, муниципальные власти, по мнению респондентов, подчинены одной системе и будут такими же, как и в нынешнем месте проживания, поэтому нет смыла во внутренней миграции. При этом на возникновение же намерения эмигрировать большее влияние оказывает недоверие верхним ступеням власти [37]. Например, низкий уровень доверия президенту повышает вероятность возникновения установок к эмиграции.

П. Жигарева (2015) выяснила, какие существуют значимые факторы недоверия институтам власти. Результаты опроса показали, что катализаторами такого восприятия населением властей выступают имеющиеся проблемы в обществе – низкое качество здравоохранения, дорог, отсутствие безопасности на улицах. Как отмечают жители, это актуальные для них проблемы, однако они не находят эффективного решения. Заметим, что доверие институтам власти и общественным институтам положительно коррелирует с удовлетворенностью жизнью и в целом с субъективным благополучием [40; 64; 177; 184; 194; 215; 228;

256; 265; 266]. В то же время одним из существенных детерминант низкого уровня институционального доверия является высокая степень межличностного доверия [37]. Люди, которые в достаточной мере доверяют друг другу, реже обращаются за помощью к институтам власти и чаще стараются решать возникшие проблемы посредством личных контактов. Что способствует возникновению так называемой «петли недоверия», которая обусловливает постепенное, поэтапное снижение доверия власти – начиная от региональных институтов и заканчивая президентом страны.

Отражением недоверия власти населения России и Казахстана являются участившиеся политические митинги, протесты. Как правило, молодежь, которая не доверяет институтам власти, чувствует себя незащищенной в своей стране и этой безопасности ищет в других странах с более высоким уровнем институционального доверия. М. Ф. Секач и С. В. Мостиков [122] констатировали, что среди респондентов с высоким уровнем намерения сменить место жительства наблюдается восприятие ситуации в России как небезопасной, в сравнении с респондентами, имеющими низкий уровень намерений эмигрировать. С. Мигали и М. Скипиони выделили главной задачей государства, ориентированного на обеспечение высокого уровня благосостояния своего населения, создавать условия безопасности гражданам, в случае отсутствия данной безопасности люди приходят к решению покинуть страну [223].

Стоит отметить, что доверие к институтам власти взаимосвязано с превалирующими в обществе ценностями. Так, институциональное доверие положительно связано с ценностями безопасности, конформности и традиции, в то же время отрицательно - с противоположными ценностями самостоятельности, гедонизма и универсализма [187]. Наблюдется интересная закономерность снижения институционального доверия в демократических и богатых странах [186], и наоборот, повышение доверия властям в странах менее развитых, где государственные органы выделяются неэффективной работой [176]. Такая тенденция объясняется теорией модернизации [208], согласно которой социально-экономическое развитие приводит к изменению фундаментальных потребностей и

демократические изменения не подрывают доверие как таковое, а смещают ценностные приоритеты в направлении, которое подразумевает более критическое отношение к властям. Например, ценности стимуляции, ценности, выражающие социальную ответственность (доброжелательность и универсализм) отрицательно связаны с доверием к институтам, в более развитых странах [187].

Для понимания характера связи институционального доверия с надеждой на получение помощи от близких, были проанализированы результаты исследований доверия институтам власти с надеждой, вне зависимости на что она направлена. Так, в исследовании связи надежды на положительный исход, то есть надежды на выздоровление с доверием к государственным учреждениям, системе здравоохранения и правительству Бразилии у лиц, осуществляющих уход за детьми с врожденным синдромом Зика, и медицинских работников была обнаружена положительная связь доверия к институтам власти с надеждой на выздоровление [243]. Согласно некоторым работам ученых, доверие институтам власти определяется в качестве одной из важных форм веры, на которой базируется надежда [231]. Поясняя данное умозаключение тем, что все виды доверия включают суждения о людях [220, p. 240] – об их характере, мотивации, компетентности или склонности действовать определенным образом. В случае доверия институтам власти мы приписываем нашим согражданам черты, которые поддерживают нашу собственную надежду изменить ситуацию к достижению наших целей. Из чего следует, что доверие и надежда находятся в тесной взаимосвязи [220, p. 220; 234]. Надежда и доверие обычно усиливают друг друга [231]. С одной стороны, надежда, которая вдохновляет нас идти вперед, укрепляет доверие к нашим согражданам и их помощи. С другой стороны, зарождающееся чувство коллективной деятельности, которое таким образом прививается обществу, вызывает чувство общей власти и приверженности, побуждая граждан преследовать более масштабные цели, которые кажутся невозможными с точки зрения одного человека. Со временем это может даже привести к возникновению «коллективных надежд» [183], то есть надежд, которые люди разделяют с

другими и вокруг которых они могут организовать свои коллективные усилия для достижения целей, которые они все поддерживают [183; 202].

Надежда на помощь близких на родине и за границей. Еще одним социально-психологическим фактором, рассматриваемом на мезоуровне взаимодействия личности с социумом, выступает надежда на получение поддержки от родных. Предметное содержание надежды отражает ее эмоциональную или пассивную, как правило, доминирующую в представлениях людей [60], и рациональную или активную стороны [44; 183]. Надежда понимается как ожидание положительного, радостного события, связанное с возможностью его осуществления [44].

Чаще всего надежду определяют выражениями «надеяться на кого-либо» или «рассчитывать на кого-либо» [44]. Человек в трудных, неоднозначных ситуациях надеется на получение помощи, поддержки со стороны близких и родных ему людей. Эмиграция, как правило, сопровождается психологическими и экономическими издержками, в снижении которых, зачастую, важную роль играет поддержка близких людей.

Надежда выступает внутренним ресурсом человека для преодоления трудностей и достижения задуманного. К. Хорни подчеркивала, что «люди могут переносить тяжелейшие испытания, пока существует их надежда» [151, с. 299]. Надежда на оказание помощи родными, близкими, друзьями в условиях планирования эмиграции дает потенциальному мигранту ощущение эмоциональной поддержки. Надеющийся человек видит трудности, связанные с подготовкой к переезду, не как угрозу или что-то непреодолимое, а как вызов, который требует более тщательной подготовки. Еще Э. Фромм говорил о преобразовательной и направляющей функции надежды [197]. Так, человек с выраженной надеждой на помощь родных с большей уверенностью будет планировать будущее.

Надежда на оказание поддержки со стороны близких может сдерживать от переезда за границу потенциального мигранта. Во многих работах, посвященных проблеме миграции, подчеркивается значимость фактора социальных связей в

месте нынешнего проживания [10; 90; 124; 178; 218; 227; 245]. Так, человек, связанный тесными взаимоотношениями с близкими людьми на родине, в меньшей степени ориентирован на переезд за границу по сравнению с тем, кто менее привязан к родным людям и друзьям. Чаще всего внутрисемейные отношения, взаимодействия с друзьями, близкими людьми представляют собой источник взаимопомощи и взаимоподдержки. Получение социальной, эмоциональной или финансовой поддержки потенциальным мигрантом от значимых близких людей дает ощущение защищенности, уверенности в завтрашнем дне и ощущение комфорта, тем самым выступает в качестве издержки эмиграции. Подтверждение этому мы находим в исследовании Кларка с его коллегами [185], согласно которому низкая направленность на эмиграцию наблюдается у людей, имеющих тесные семейные отношения в месте нынешнего проживания. Как правило, женщины, состоящие в браке, имеющие детей, реже демонстрируют намерения мигрировать, так как связаны тесными родственно-семейными взаимоотношениями. О чем констатируют в своем исследовании О. Ю. Зотова и С. В. Мостиков [42], по данным которого для женщин с низким уровнем миграционных намерений ценными являются брак и семья. Более того, в исследовании Е. О. Скрипник 77,5 % из 450 опрошенных жителей Хабаровского края ответили о значимости для них социальных связей в месте жительства и это одна из причин, удерживающая их на родине [125]. Помимо прочего, не задумываются о переезде люди, удовлетворенные своими взаимоотношениями с членами семьи [69]. Иными словами, крепкие семейные и дружеские отношения между потенциальным мигрантом и его близким окружением в месте проживания могут удержать его от возникновения намерения эмигрировать.

При этом наличие прочных социальных связей в планируемом месте проживания может выступать в качестве *притягивающего фактора* и стимулировать миграцию [178; 218; 245]. Так, по данным Всероссийского опроса о миграционных настроениях россиян в пределах страны, среди наиболее популярных причин переезда из своего родного населенного пункта можно выделить следующие: из-за переезда всей семьи (11 %), в связи с замужеством /

женитьбой (11 %) или по иным семейным обстоятельствам (11 %) [89]. Касательно международной миграции составление планов переезда потенциального мигранта в большинстве случаев связано со страной, где уже проживают его друзья, родственники, близкие ему люди, и это один из притягательных факторов. Изучение социальных связей и сетей мигрантов в стране-реципиенте даст расширенное понимание о возможных последующих потоках мигрантов из определенной страны. Чаще всего такое исследование построено на оценке количества людей, прибывших из страны-донора, при помощи переписи населения. Установлено, что при увеличении числа мигрантов из конкретной страны на 1000 человек, следующий поток мигрантов приумножается на 4,7 человека в год [245].

Как правило, близкие люди, которые находятся за границей, представляют собой пример успешной эмиграции. Кроме того, уже эмигрировавшие родственники, друзья или просто знакомые могут оказать содействие в трудоустройстве потенциального мигранта. В. М. Пешкова при исследовании мигрантов-предпринимателей, пришла к выводу, что взаимоотношения мигрантов между собой, чаще всего, сформированные по принципу единой этничекой принадлежности, являетются одним из важных источников создания и ведения бизнеса [90]. В предпринимательской деятельности мигранта по большей части принимают активное участие его родственники, друзья, знакомые или соотечественники. Посредством развитых социальных связей мигрант-предприниматель без лишних затрат и усилий может подобрать для себя персонал, бизнес-партнеров из числа знакомых и друзей, объединенных по этническому признаку или родственников. Уверенность потенциального мигранта в будущем трудоустройстве в принимающей стране выступает одним из основных факторов, способствующих переезду за пределы своей родины. И на переезд более ориентирован будет тот, у которого уже есть потенциальное рабочее место за рубежом, по сравнению с тем, у которого подобной прерогативы нет.

Согласно синтетической теории международной миграции Д. Массея, ведущей особенностью эмиграционной подвижности представляется

самовоспроизведение за счет миграционных сетей, которые формируются на основе распространения социальных связей друзей, родственников мигрантов, последующем приводящие к возникновению собственной инфраструктуры [72]. Так, социальные сети мигрантов, построенные на основе принадлежности к одному этносу, представляют собой значимый ресурс, способствующий адаптации вновь прибывших в страну мигрантов [90].

Помимо прочего, эмигрировавшие родственники, друзья представляют собой главный источник достоверной информации о стране пребывания и на собственном примере показывают, как издержки, так и выгоды переезда за границу. На этот же факт обращает внимание М. Грановеттер [23], констатируя, что люди редко переходят к действиям, опираясь на сведения, полученные через средства массовой информации или какие-либо другие источники, не вызывающие доверия. Информация должна пройти через их личные связи и тогда она будет значима [145].

Анализ роли связей ближайшего социального окружения с миграционными намерениями как в своей родине, так и за границей, представлен в широкомасштабном охватывающем 150 стран исследовании М. Манчин, С. Оразбаева [218]. Согласно результатам данного исследования, люди, которые намерены эмигрировать, как правило, выезжают из нынешнего места проживания всей семьей, включая представителей взрослого поколения и детей. Люди, намеревающиеся эмигрировать, имеют больше родственников, друзей за границей, по сравнению с теми, кто не высказал желания переехать за пределы своей страны проживания. При этом, потенциальные эмигранты находятся на постоянной связи с близкими, друзьями, родственниками, находящиеся за рубежом. Определив для себя, что они имеют возможность рассчитывать на финансовую и моральную поддержку семьи и друзей в случае возникновения проблем уже в новом месте проживания. Уверенность в такой поддержке и помощи дает человеку, планирующему эмигрировать, стимул к принятию положительного решения о переезде [218].

При этом близкие/тесные социальные связи (наличие друзей, семьи за границей) увеличивает вероятность перехода эмиграционных установок в эмиграционное поведение. Широкие социальные сети, т.е. связи с такими же потенциальными мигрантами, повышают формирование намерений о миграции внутри своей страны на 20% и намерений о миграции за ее пределы на 19% [218].

Наблюдается более высокая степень выраженности готовности переехать за границу у людей, которые когда-либо получали от своих знакомых или родственников, проживающих за рубежом, денежные переводы, в сравнении с теми, кто подобных переводов не получал [218]. Более значимо влияние таких сетей на принятие решения об эмиграции лицами, имеющими среднее образование, по сравнению с лицами, имеющими высшее образование. Иными словами, существующая семейная сеть за рубежом оказывает значительное влияние на возникновение миграционных установок [227].

С другой стороны, следует выделить, что отсутствие тесных связей (собственная семья, наличие детей), *удерживающих* в актуальном месте проживания, повышают вероятность возникновения установок к эмиграции. Так, ученые [10] указывают, что мужчины трудоспособного возраста, одинокие (не состоящие в браке), высокообразованные обладают большей миграционной подвижностью, чем состоящие в браке. Такие же результаты были получены исследователями М. Манчин и С. Оразбаевым [218]. Намерения эмигрировать имеют молодые, одинокие мужчины, не связанные семейно-брачными узами, с более высоким уровнем образования.

Более того, при сравнивнении женщин, иммигрировавших в Канаду, с группой женщин, оставшихся на родине в странах Карибского бассейна, обнаружено, что эмигрировавшие женщины придавали меньше значения своим межличностным отношениям [227]. Это согласуется с идеей более низкой мотивации аффилиации у тех, кто более мобилен. В то же время, неудовлетворенная потребность в аффилиации тоже связана с намерениями к эмиграции. Так, в исследовании эмиграционных намерений потенциальных мигрантов Тайланда, намерения к эмиграции были связаны с потребностью в

аффилиации мужчин, которая не была удовлетворена в их нынешнем местоположении. Подобной связи не обнаружено в выборке женщин. Кроме того, данные, полученные в ходе опроса албанских студентов колледжей, показали, что юноши с высокой мотивацией принадлежности были менее заинтересованы в эмиграции из Албании, чем юноши с низкой мотивацией принадлежности. А среди девушек подобной связи не выявлено, их мотивация принадлежности не коррелировала с направленностью на переезд за границу. При этом, для женщин очень важно наличие социальных связей в принимающей стране, им необходимо чувствовать внешнюю поддержку при решении вопроса о переезде за границу [227]. Из результатов вышерассмотренных исследований мы наблюдаем различия в корреляции наличия и качества социальных связей с установками на переезд за границу по половому признаку, это может свидетельствовать о связи потребности в аффилиации с гендерными ролями и мобильностью, вероятно, в подобных исследованиях мужчин и женщин необходимо рассматривать отдельно.

Еще одной из причин, по которой предположение о наличии связи аффилиации с установками на эмиграцию в некоторых исследованиях не подтверждается, заключается в замене реального, непосредственного общения со своими близкими общением посредством социальных сетей. С развитием интернет-технологий мигранты имеют больше возможности поддерживать отношения с родными на расстоянии посредством видеосвязи, аудиозвонков или сообщений, тем самым не нарушается общение с родственниками и близкими, находящимися на родине. А. З. Бакури и Д. Амоабенг (2023) обнаружили, что только эмигранты часто используют электронные средства для связи с семьей и друзьями из родного региона [175]. Использование мигрантами интернет социальных сетей для общения с родными снижает значимость привязанности к родному месту проживания, мотивации принадлежности как факторов, удерживающих человека на родине.

На основе проведенных исследований, можно сказать, что социальные связи, в частности, надежда на помощь родственников, друзей выступает значимым фактором возникновения эмиграционных установок. Стимулирует

эмиграцию выраженность надежды на получение помощи от близких и друзей в принимающей стране. Обнаружено, что наличие тесных взаимоотношений со значимыми людьми на родине и удовлетворенность этими отношениями сдерживает от переезда за границу потенциального мигранта. Однако, в последние годы привязанность к друзьям и родственникам на родине не сдерживает человека от намерения переехать за рубеж, что обусловлено развитием интернет-технологий, с помощью которых возможно всегда находиться на связи с родными. В то же время отсутствие тесных связей с близкими на родине или неудовлетворенность взаимоотношениями с ними в месте нынешнего проживания выступает выталкивающим фактором и способствует эмиграции.

1.3.3. Ценности как социокультурный фактор эмиграционных установок молодежи на (общественно-культурном) макроуровне

Предполагается, что человеческие ценности, будучи некими универсальными абстрактными принципами, определяют конкретные поведенческие установки человека, ценности привносят некоторую иерархию значимости убеждений при условии, что общая оценка объекта уже выполнена. Исследования, которые изучают связь ценностей с поведенческими намерениями в гипотетических ситуациях демонстрируют, что люди хотят действовать в соответствии со своими ценностями. В психологической науке доказана связь ценностей с установками разного рода поведения: коррупционного [258], насильственного [238], повседневного [247], проэкологического [170], благотворительного [136], а также миграционного [75; 76; 149; 196; 203; 213; 233; 252; 253]. Ценностные ориентации потенциальных мигрантов играют значительную роль в формировании намерений выехать за рубеж [149]. Ценности, как одна из составных частей процесса целеполагания, направляют человека в его жизни и деятельности, одновременно и регулируют его действия и поведение, в том числе и миграционное, влияют на установки по отношению к таким объектам,

которые связаны с достижением мотивационных целей. Так, миграция может либо мешать, либо способствовать достижению некоторых мотивационных целей индивида [75; 76; 149; 196; 203; 213; 233; 252; 253]. Как правило, большинство людей стараются воплотить свои поставленные цели в соответствии с ценностями на родине. Но, когда жизнь в их собственной стране «не устраивает» или ставит под угрозу выполнение заветных целей, некоторые рассматривают эмиграцию в качестве выхода из сложившейся ситуации. В этом случае эмиграция способствует реализации жизненных целей и защите ценностей, зачастую люди мотивированы к эмиграции, чтобы следовать своим основным мотивам, то есть своим ценностям [253].

Существуют различные теории ценностей [62; 73; 204; 128; 235; 236; 237], мы же остановили свой выбор на теории Ш. Шварца. Данная теория в последние 20 лет послужила основой сотен исследований, в том числе и по проблемам миграции, эмиграции [27; 36; 75; 76; 106; 252; 253]. Теория ценностей определяет всеобъемлющий набор из десяти мотивационно различных типов ценностей: власть, достижение, гедонизм, стимулирование, самонаправление, универсализм, доброжелательность, традиция, конформизм и безопасность. Эти типы ценностей были выведены из анализа универсальных требований, с которыми должны справляться все индивиды и группы. Исследования, проведенные более чем в 60 странах на шести континентах, подтверждают почти универсальные различия этих десяти типов ценностей [232; 235; 236; 237]. Согласно теории Ш. Шварца (1990, 2006), ценности определяются как желательные, трансцендентные цели, различающиеся по значимости, которые служат руководящими принципами в жизни людей [253]. Ценности – это когнитивные представления о мотивациях людей, и они формулируются на социально приемлемом языке, который может быть использован для привлечения других к сотрудничеству и координации в достижении целей (например, справедливость, богатство, творчество, чистота).

Теория также определяет динамические отношения между мотивационно различными типами ценностей. Следование одной ценности может противоречить другой или дополнять ее. Например, стремление к стимулирующим ценностям

(новизна и изменение) обычно подрывает традиционные ценности (сохранение освященных временем обычаев). Напротив, стремление к традиционным ценностям соответствует стремлению к ценностям соответствия: и то, и другое мотивирует действия подчинения внешним ожиданиям. Круговая структура (Рисунок 3) отражает общую картину конфликтов и совпадений между ценностями. Исследования во всем мире подтверждают эту закономерность эмпирически [232; 235; 236; 237]. Круговое расположение ценностей представляет собой мотивационный континуум: чем ближе пара ценностей в направлении по кругу, тем более схожи выражаемые ими мотивации; чем дальше пара ценностей, тем более противопоставлены выражаемые ими мотивации.

Рисунок 3. Круговой мотивационный континуум ценностей

Конфликты и согласованность между всеми ценностями дают интегрированную структуру из четырех типов ценностей (Рисунок 3) более высокого порядка [232; 235; 236; 237].

- Самоутверждение (самосовершенствование) подчеркивает стремление к собственным интересам. Она включает в себя ценности власти и достижений.
- Самоопределение подчеркивает заботу о благе и интересах других, она охватывает универсализм и ценности доброжелательности и противостоит самоутверждению (самосовершенствованию).

•Открытость изменениям подчеркивает самостоятельность действий, мышления и чувств, а также готовность к новому опыту. Она включает в себя ценности самонаправления и стимуляции.

•Сохранение подчеркивает самоограничение, порядок и сопротивление изменениям. Она включает в себя безопасность, соответствие и традиционные ценности и противостоит открытости к изменениям.

Ценности гедонизма разделяют элементы открытости и самосовершенствования.

Из данных ценностей более высокого порядка можно вывести мотивы эмиграции. Так предполагается, что существует четыре различных типа мотивации к эмиграции: консервация или сохранение, саморазвитие, материализм, идеализм [265]. Каждый тип соотносится с основными ценностями, которые он выражает.

Как правило, эмиграция препятствует достижению мотивационных целей, выраженных в ***метаценности «Сохранение»***. Однако для точного понимания характера связей ценностей сохранения с эмиграционными установками человека необходимо учитывать в каких условиях проживает потенциальный мигрант и в какую страну собирается переселяться. Например, в странах, где население представляет меньшинство и находится под угрозой исчезновения, эмиграционные установки жителей будут связаны с выраженными ценностями сохранения, особенно ценностью безопасности. Эмиграция в подобных условиях выступает способом сохранения физической, социальной и психологической безопасности для себя и семьи [252]. Одним из психологических элементов мотивации сохранения является стремление защитить свою личную и социальную идентичность (национальную, религиозную, профессиональную и т. д.) перед лицом воспринимаемой угрозы. Мотивация сохранения выражает тип ценности сохранения более высокого порядка в контексте эмиграции и срабатывает в случае, если люди не могут достичь целей сохранения ценностей (безопасность, традиции и конформизм) в своей родной стране. Когда защита со стороны страны

слаба или отсутствует, общество относится к приверженности традициям своей группы как к предосудительным, и от человека ожидают соблюдения норм и законов, которые вредят его интересам, люди мотивированы искать большую безопасность для себя и семьи в новой стране. Так, российские евреи, для которых значимы ценности сохранения, из трех стран для эмиграции: Израиля, Соединенных Штатов Америки и Германии выбрали Израиль [253]. Израиль по сравнению с Соединенными Штатами Америки и Германией гарантирует более безопасную среду для евреев и социально поддерживаемую идентичность, так как страна представлена многочисленным российским еврейским иммигрантским населением, в которое можно быстро и безболезненно интегрироваться, помимо этого Израиль предлагает для евреев иммигрантов пакет гарантированных льгот.

Поскольку эмиграция нарушает статус-кво (социальное, экономическое положение, условия жизни до эмиграции), привычный образ жизни мотивация сохранения характеризуется амбивалентностью. Как мы отметили ранее, в большинстве случаев ценности сохранения удерживают человека от эмиграции. Так, существенные изменения в жизни и деятельности человека, сопряженные с переездом за границу, нарушают сложившийся статус-кво и препятствуют достижению мотивационных целей, выраженных в ценностях сохранения [216]. Подобные результаты получены и Н. В. Муращенковой в исследовании эмиграционных намерений смоленских студентов [75]. Обнаружено, что менее ориентированы на переезд за пределы страны люди, которые придерживаются норм и правил общества, отличаются некоторой традиционностью [75]. Исследование местных жителей Литвы подтверждает, что граждане, которые ценят все аспекты, связанные с ценностями традиции, больше связаны со своим нынешним окружением, не хотят изменений в своей жизни, отличаются низкой направленностью на эмиграцию [213]. Для жителей, не планирующих покидать свою родину также важны и ценности конформности, соответственно и входящие в них ценности самодисциплина, вежливость и почитание родителей, выражающиеся в их привязанности к своей стране. Наименее значимой в ценностной группе «Конформность» для литовцев, не планирующих переезд за

границу, оказалась ценность послушание. В то же время ценность послушания более важна для ре-эмигрантов[2] Литвы, направленных на очередную эмиграцию, по сравнению с населением, не ориентированных на смену места жительства [179]. Вероятно, что различные ситуации в эмиграции требуют послушания, и поэтому эмигранты начинают больше ценить это.

Литовцы, не планирующие в будущем покидать свою родину, отмечают более высокую значимость для них ценности безопасности по сравнению с теми, кто планирует эмигрировать [179]. То есть местные жители, не ориентированные на переезд за границу, защищают текущую стабильную и безопасную ситуацию, которая у них есть в их родной стране Литве, и, следовательно, не хотят иметь проблем, связанных с эмиграцией, которые скорее всего снизят их безопасность. Для людей, не ориентированных на эмиграцию, более важны ценности авторитета, сохранение общественного имиджа, влиятельность, полезность по сравнению с местными жителями, готовых к переезду за границу [212; 213; 179]. Так, оставаясь на родине, будучи законным гражданином своей страны, человеку легче поддерживать свой авторитет, общественный имидж и оставаться влиятельным, что в новом месте жительства, вероятно, придется нарабатывать заново.

Группа исследователей [198; 199] обнаружила, что люди с более низкой удовлетворенностью и вертикальным коллективизмом, отражающий ценности сохранения, намерены были эмигрировать с долгосрочной перспективой, по сравнению с теми, кто более удовлетворен жизнью и которым присущ вертикальный коллективизм. Проведение данного исследования с учетом уровня удовлетворенности жизнью еще раз подчеркивает необходимость комплексного подхода к изучению предиктов эмиграционных установок потенциальных мигрантов.

Подводя итоги о важности ценностей, можно сказать, что ценности сохранения, включающие в себя ценности конформности, традиции и

[2] Ре-эмиграция (от лат. re - обратно и слова эмиграция), обратное возвращение эмигрантов на родину. Ре-мигрант – человек, вернувшийся из эмиграции на родину.

безопасности более важны для людей, не планирующих переезд за границу, по сравнению с теми, кто ориентирован на эмиграцию. Иначе говоря, ценности сохранения дают человеку чувство стабильности, защищенности и безопасности, тем самым удерживают его от смены места жительства. Однако ценность конформности может и стимулировать переезд за границу, в случае если это касается ре-эмигрантов, т.е. тех, кто уже был в эмиграции и возвращается на родину.

При смене страны проживания эмигрант погружается в новую среду жизни, где ему необходимо использовать новые паттерны поведения, изучать культуру и законы страны, контактировать с разными людьми, что согласуется с реализацией ***метаценности «Открытость изменениям»*** (поиск новых идей и впечатлений) и мотивации саморазвития. Саморазвитие относится к личностному росту как мотиву эмиграции – развитию способностей, приобретению новых идей и знаний, овладению новыми навыками. Мотивация саморазвития к эмиграции выражает ценность высшего порядка открытость изменениям, которая подчеркивает самостоятельность, творчество, вызов и поиск приключений во всех аспектах жизни. В условиях эмиграции придание значимости этим ценностям мотивирует поступок, обеспечивающий возможности для личностного роста в знаниях и навыках, а также свободу выбора новых, отличных и сложных способов жизни – целей саморазвития. Многочисленные исследования эмиграции упоминают один или несколько аспектов этой широкой мотивации [149; 198; 213], например, в одном из масштабных исследований [248], проведенном в Германии на выборке из 12 494 человека, доказано наличие связи постматериалистических ценностей с эмиграционными намерениями. Немцы, намеревающиеся эмигрировать, более привержены постматериалистическим ценностям, в то время как немцы, не планирующее переезд за границу, придерживается материалистических ценностей [248]. Так, люди, придерживающиеся постматериалистических ценностей, акцентируют свое внимание на самовыражении, придают большое значение самореализации, характеризуются открытостью и проявляют терпимость по отношению к чужим группам, что совместимо с условиями в эмиграции [233].

Открытость новому опыту коррелирует с намерениями мигрировать и студентов немецких вузов. Вероятная причина связи эмиграционных намерений и постматериалистических ценностей заключается в том, что люди с такими чертами могут легче и быстрее интегрироваться в принимающие их страны [196]. Выявлено, что студенты с более высокой самоэффективностью, а также с более высоким горизонтальным индивидуализмом, с большей вероятностью ориентированы на эмиграцию по сравнению с людьми с более низкой самоэффективностью и горизонтальным индивидуализмом [198; 199]. Также и среди литовцев, намеревающихся переехать за границу ценность стимуляции (входит в метаценность «Открытость изменениям»), отражающая стремление к новому опыту и переменам в жизни, оценивалась значительно выше, по сравнению с литовцами, не ориентированными на переезд за границу [213]. В то же время, жители, не планирующие эмиграцию, отметили слабую значимость для них ценностей гедонизма, удовольствия и наслаждения жизнью, при этом, представленные ценности были намного важнее для той части населения, которая задумывалась о переезде за пределы своей старны проживания. Это дает основание предполагать, что люди с более высокими намерениями наслаждаться жизнью недовольны ситуацией в Литве и, следовательно, думают, что переезд за границу позволит им реализовать свои гедонистические ценности. [179; 213]. В исследовании намерений к переезду смоленских студентов, связи эмиграционных намерений с ценностью Открытость изменениям не выявлено [75].

Наибольшей предсказательной силой в отношении проявления миграционной активности населения обладает ***метаценность «Самоутверждение»*** [75; 200; 213; 216; 252; 253]. Что обусловлено тенденцией эмигрировать из финансово менее благополучных стран в более обеспеченные и благополучные страны, такая эмиграция, как правило, положительно отражается на материальном положении мигрантов и соответственно повышает их уровень жизни [233; 248]. Материалистическая мотивация исходит из желания человека достичь финансового благополучия, богатства и контроля над материальными ресурсами. Многие уже эмигрировавшие респонденты выделяют главными

факторами их принятия решения о переезде за границу высокий доход, улучшенные условия труда и жизни в принимающей стране [75; 106; 213; 218; 219; 221]. Так, 63,6 % румынских инженеров в качестве основного фактора миграции поставили экономический фактор на первое место в списке мотивов их миграции [200]. В то же время, люди на планирующие эмиграцию отмечали более низкую значимость богатства, по сравнению с теми, кто задумывался о переезде за границу [213]. В некоторых случаях, одновременно с притягательностью высоких заработков в принимающей стране, выталкивающим фактором из страны отправителя выступают низкие заработные платы [168]. Н. В. Муращенкова связь эмиграционных намерений студентов-смолян с метаценностью «Самоутверждение» объясняет сложившейся экономической ситуацией в России и, в частности, Смоленской области. Не имея возможности удовлетворить потребности во власти, и желания обрести финансовую независимость на родине, современные студенты-смоляне стремятся это сделать посредством эмиграции [75].

Мотивация материализма выражает ценностный тип самосовершенствования (самоутверждения) высшего порядка в контексте эмиграции. Этот тип ценностей подчеркивает стремление к личной выгоде через достижение социально- одобряемого статуса и контроля над ресурсами. Мотивация материализма отличается от мотивации сохранения в том, что она направлена на усиление материального интереса человека независимо от его текущего состояния экономического благополучия или депривации. Люди, для которых более важны мотивационные цели, отраженные в ценностях самоутверждения (контроль над людьми и ресурсами и продвижение своего положения в социальной иерархии), имеют более сильные эмиграционные намерения. Этот вывод может отражать убеждение потенциальных эмигрантов в том, что эмиграция может улучшить их уровень жизни и предоставить возможность для социально-экономического развития. Эти данные подтверждают результаты предыдущих исследований, показавших, что доминирующая мотивация эмиграции среди российских евреев носит материалистический характер; т. е. желание способствовать своему финансовому благополучию [252;

253]. Как правило, для людей с выраженными эмиграционными намерениями значимы ценности «гедонизм» и «власть». Так, потенциальные мигранты, стремящиеся испытывать наслаждение и чувственные удовольствия, к достижению социального статуса и власти, контролю и доминированию над другими, тенденция к обесцениванию дружбы и роли традиций ориентированы на переезд за границу [149]. Такие люди для эмиграции чаще выбирают экономически развитые и благополучные страны.

Приверженность определенным ценностям влияет и на выбор страны для будущей эмиграции. Российские евреи, побуждаемые матриалистическими мотивами, предпочитали выбирать Германию и Соединенные Штаты Америки для будущего места жительства, чем Израиль. Для мотивации саморазвития и материализма эмиграция – это способ продвижения индивидуальных стремлений к росту, независимости, успеху и богатству, в Германии и Соединенных Штатах Америки реализовать свои индивидуалистические и материалистические ценности представляется более доступным, чем в традиционном Израиле [253].

Метаценность «Самопреодоление» выражается в мотивации к эмиграции идеализма, отражающей желание потенциального мигранта построить лучшее, возможно утопическое, общество для своей общины, даже ценой личных трудностей. Эмиграция различных религиозных групп из Европы в Соединенные Штаты в первые годы ее существования и сионистских пионеров в Палестину, возможно, были мотивированы такими утопическими или мессианскими мотивами [253]. Такая мотивация ограничена обстоятельствами скорее угнетенных групп, которые верят, что у них есть возможность построить новое, справедливое общество в новом месте жительства. В исследованиях российских евреев гипотеза о связи ценностей самопреодоления, выраженной мотивацией идеализма, с их эмиграционными намерениями не нашла подтверждения. Однако данные других авторов показывают наличие корреляции эмиграционных намерений человека с ценностями самопреодоления. Так, смоленские студенты, приверженные ценностям самопреодоления, ориентированы на переезд за границу. Значимость этой ценности для человека характеризуют его как

заботящегося о природе, бережно относящегося к окружающей среде и людям, выдвигающего на первое место справедливость и равноправные возможности людей, проявляющего терпимость и понимание в отношении окружающих, заботу о близких людях. Н. В. Муращенкова (2021) объясняет побуждения к эмиграции студентов-смолян не утопическими мотивами построить лучшее будущее в новой стране [75], а неудовлетворенностью и фрустрированностью на родине потребностей, лежащих в основе метаценности «Самопреодоление» [75]. Противоположные результаты получены в других исследованиях. Люди, не намеревающиеся переезжать в другую страну, высоко оценили ценности универсализма, духовности [149; 213]. Население, не ориентированное на переезд за границу, отмечает важность наличия верных друзей, имеет развитые социальные контакты как в пределах своей среды общения, так и за ее пределами, менее привержены ценностям индивидуализма, гедонизма и власти [149].

В свою очередь, потенциальные мигранты на этапе подготовки к смене места жительства выбирают страну со схожими собственными ценностями. Так, студенты старших курсов немецких вузов с выраженными миграционными намерениями, характеризующиеся открытостью, для начала карьеры рассматривают культурно отдаленные от Германии страны [233]. Уровень образования родителей также в значительной степени связан с выбором страны учащимися. Учащиеся, чьи родители имеют уровень образования квалифицированного рабочего или технического специалиста, сообщают о предпочтениях стран, культурно более похожих на Германию, по сравнению с учащимися, чьи родители имеют высшее послевузовское образование и обладают ученой степенью [196].

Согласно парадигме ценностной конгруэнтности [234; 235; 236; 237], личностные ценностные предпочтения могут влиять на эмиграционные намерения опосредованно, через влияние на отношение индивида к стране проживания и исторической родине. Е. Тартаковский с коллегами [253] в исследовании эмиграционных предпочтений российских евреев обнаружили, что люди, приверженные ценностям, близким к нормативным в российском обществе,

чувствуют, что их мотивационные цели легче достижимы в России, и, следовательно, будут иметь более слабые эмиграционные намерения. Напротив, люди, чьи ценностные предпочтения больше похожи на нормативные в еврейском израильском обществе, чувствуют, что их мотивационные цели легче достижимы в Израиле, и, следовательно, у них более сильные намерения эмигрировать.

Долгое время в попытках понять мотивацию эмиграции доминировала так называемая “модель дефицита”. Ключевой предпосылкой этой модели является то, что потенциальные эмигранты имеют меньше личных и социальных ресурсов, чем население в целом; они плохо адаптированы и страдают от социальных неудач и невзгод в своих родных странах, чувствуют себя незащищенными. Однако применение модели дефицита к другим группам эмигрантов не всегда предсказывает реальные мотивы потенциальных эмигрантов. В современном мире, люди, решившиеся эмигрировать, часто обладают наибольшими личными ресурсами и гибкостью. С. В. Фролова [149] обращает наше внимание на то, что смыслообразование намерений эмигрировать связано с ценностями личности, направленные на себя, достижение личных целей и удовольствия, являющееся смыслом жизни и высшим благом.

Итак, в многочисленных исследованиях эмиграционной активности людей, доказано наличие связи эмиграционных намерений и установок с ценностями человека. При этом, обнаружены неоднозначные и противоречивые данные в характере таких связей, которые обусловлены влиянием дополнительных факторов. Так как наши респонденты представлены большинством стран Казахстана и России, а именно молодыми людьми титульных наций этих стран, их идентичность не находится под физической, национальной или религиозной угрозой и ощущение безопасности вполне может быть реализовано на родине, мы предполагаем, что метаценность «Сохранение» будет удерживать от эмиграции молодых казахстанцев и россиян. А направленность на метаценность «Открытость изменениям», соотносимая с желанием самовыражения, самореализации и познать новое, напротив, будет способствовать усилению желания человека сменить страну проживания. Метаценность

«Самоутверждение» также способствует выраженности эмиграционных установок личности. В эмиграции человек может улучшить свое финансовое благосостояние, и за счет материальных ресурсов достичь власти, престижа и определенного социального статуса. Исходя из противоречивости данных о связях эмиграционных установок с метаценностью «Самопреодоление» и ее содержании, а именно, направленности на заботу об окружающих и природе, которую можно реализовать как на родине, так и за границей, предполагаем, что метаценность «Самопреодоление» не детерминирует устремления людей сменить страну проживания.

1.4. Социально-психологическая характеристика молодежи как основной категории потенциальных эмигрантов

Большая часть международной миграционной активности приходится на молодежь. Согласно результатам исследования Международной организации по миграции, в 2019 г. примерно 30 % международных мигрантов из 272 млн. составляли молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет [219, с. 22]. Преобладание среди международных мигрантов молодежи обусловлено объективными причинами. Молодые люди чаще всего не обременены брачными узами, не имеют собственных детей, молодежь более открыта к новому опыту и готова к рискам, отличается активным поиском своего места в жизни и отсутствием прочных экономических и социальных связей [5; 6; 25; 29; 35; 49; 85; 91; 94; 106; 108; 110; 114]. Основная часть молодежи представлена студентами, которые имеют возможности выехать в зарубежные страны с целью учебы, стажировки, прохождения практики, например, по программам академической мобильности. Доказано, что многие выпускники высших учебных заведений выезжают в благополучные в экономическом плане зарубежные страны с целью трудоустройства по причине желания оправдать вложения, инвестиции в свое образование [2; 219; 240].

В своем исследовании мы выбрали категорию молодежи в возрасте от 17 до 35 лет, что представляется обоснованным. «Согласно Федеральному закону от 30.12.2020 N 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" во всех государственных документах, затрагивающих проблемы молодых людей, молодежь рассматривается как социально-возрастная группа населения от 14 до 35 лет. Закрепленное в законе определение молодежи как возрастной группы от 14 до 35 лет – это отражение социальной реальности» [18]. По классификации Всемирной организации здравоохранения установлен возраст от 18 до 44 лет, определяющий категорию молодежь. На сегодняшний день в Казахстане молодежью считаются лица от 14 до 29 лет. В то же время президент Касым-Жомарт Токаев поручил разработать единую шкалу возрастных границ, определяющую категорию молодежь, что представляется по мнению президента Казахстана актуальным вопросом. В ряде стран верхняя граница возраста молодежи достигает 35 лет. Что обусловлено не только психологическими, но и социально-экономическими факторами. Например, в современном мире люди уделяют много времени обучению, в том числе и переобучению, повышению квалификации, в более позднем возрасте вступают в брак, создают семьи. В ряде европейских стран (Греция, Италия, Португалия, Кипр, Румыния), а также стран Юго-Восточной Азии (Сингапур, Вьетнам) молодежь – это лица в возрасте от 15 до 35 лет [93].

В науке «молодежь» характеризутеся как «социально-демографическая группа, имеющая совокупность конкретных характеристик, а также занимающая свою общественную нишу, обусловленную определенными социально-психологическими свойствами, зависящими от конкретных социально-экономических условий, а также культурного развития того общества, которому она принадлежит» [28, с. 113].

Рассматривая вопросы касательно социально-демографической категории «молодежь», авторы часто обращаются к формулировкам В. Т. Лисовского и И. С. Кона. По мнению В. Т. Лисовского «молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже

усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [65, с. 324]. Позже И. С. Кон отметил, что: «Молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств» [51, с. 123].

В современном трансформирующемся обществе молодежь является наиболее активным субъектом конструирования социальной реальности. В силу своего молодого возраста и промежуточного социального положения молодежь характеризуется мобильностью, гибкостью и быстрой адаптивностью к изменяющимся условиям в современном мире. Кроме того, нынешней молодежи в большей мере свойственна ориентация на ценности индивидуализма [91; 103; 104; 107; 108; 110; 114; 123]. Как правило, ценности индивидуализма отражаются в метаценностях «Открытость изменениям» и «Самоутверждение», направленные на реализацию своего потенциала. Так, было выявлено, что у молодого поколения россиян преобладают прагматичные, личные приоритеты, а не коллективные, социальные и гражданско-патриотические, наряду с чем и значимость интереса к политическим событиям в стране, молодые люди чаще стали высказывать свою точку зрения по ним, что отражает независимость и самостоятельность мышления молодых россиян [83; 91; 114; 266]. Молодые люди ценят границы личного пространства, стремятся к независимости, ориентированы на собственные цели и полагаются в первую очередь на свои силы [85; 137; 138; 146; 241].

Для молодежи на сегодняшний день стандартный формат жизни и, в частности, работы уже не выглядит привлекательным, а наоборот, воспринимается как устаревший и неудобный. Например, фриланс и удаленная работа, особенно востребованные в период глобальной эпидемии коронавирусной инфекции (COVID-19), стали новыми нормами труда, открывая перед людьми современные возможности: самостоятельное составление удобного графика работы, отсутствие привязки к конкретному городу или стране, комфортные

условия работы (удобный диван и домашняя одежда), а также экономия времени. Для современной молодежи важна их мобильность, соотносимая с отсутствием привязанностей, органичивающих их свободу. Так, альтернативными вариантами владения недвижимостью и автомобилем становятся аренда жилья и использование услуги каршеринга (аренда автомобиля) [115; 119; 241], которые приобретают все большую популярность в мире, потому что это не дорого, и, кроме того, не ограничивает возможности человека в передвижении [241]. Таким образом, людям становится очевидным, что с недвижимостью и автомобилем поехать в другой город или страну гораздо сложнее, чем без них. Ценность личной свободы для современного человека желанна и значима, благодаря абсолютной свободе передвижения и отсутствию привязанностей: к рабочему месту, материальнным благам [241]. Следует отметить также снижение конформизма в студенческой среде и то, что для большинства студентов безопасность связана с самостоятельностью. В этом смысле учащиеся российских вузов пытаются быть или казаться более независимыми, чем прежде (например, в сравнении с данными 2012 года). Подобные результаты получены и в исследовании студентов Тюменского государственного университета, где молодые люди отметили неактуальность для них ценности сохранения, свидетельствующее о меньшей приверженности нормам порядка, традиционности и самоограничения [119].

Сегодняшнее молодое поколение в странах бывшего Советского Союза является показателем социальных и экономических изменений, произошедших после турбулентного поворота века. Молодежь, как известно, является возрастной категорией, наиболее чувствительной к изменениям, поэтому она представляет большой исследовательский интерес в контексте будущих тенденций социального развития.

1.5. Социокультурная обусловленность факторов эмиграционных установок молодежи

Выбор казахстанцев и россиян в качестве респондентов исследования объясняется рядом причин. В первую очередь, Казахстан и Россия относятся к странам бывшего Советского Союза, которые связаны на протяжении длительного времени общей историей и близкими экономическими, политическими взаимоотношениями, но несмотря на это, страны в течение 30-и лет развиваются как независимые государства и выбирают для себя различные суверенные пути движения. Важную роль играет географическое положение Казахстана и России, а также ценности, отражающиеся в культуре казахстанского и российского обществ. Географически большая часть Казахстана и немалая часть России расположены в Центральной и Северной части Азии, что отражается в сходстве некоторых ценностей обществ двух стран. Наряду со схожестью в значимости одних ценностей, существуют и различия в важности других ценностей для казахстанцев и россиян. Проблеме исследования ценностей, превалирующих в казахстанском и российском обществах посвящено достаточно работ, однако данные авторов в этой части разнятся [109]. Исследования показывают, что и в Казахстане, и в России достаточно высокий уровень неравенства по индексу «дистанция власти» Г. Хофстеде. Если средний показатель в мире по данному индексу равен 55, то в Казахстане он достигает 92, а в России 93 баллов [36]. Представленные результаты подтверждаются данными исследования программы по глобальному анализу лидерства и поведения в организациях GLOBE[3] (2020), где дистанция власти оценивается у Казахстана в 5,31 баллла, у России – 5,52 балла из 7 возможных [109]. Представленные данные демонстрируют одинаково терпимое отношение казахстанского и российского общества к социальной иерархии и неравномерному распределению власти между его членами. Так, во взаимоотношениях между вышестоящими и нижестоящими

[3] GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness — Глобальное лидерство и эффективность организационного поведения) - крупномасштабное исследование культурных практик, идеалов лидерства, общественного и межличностного доверия.

по социальному статусу, старшим поколением и молодыми, начальником и работниками наблюдается выраженная иерархия. Если данные различных исследований по показателю дистанция власти в казахстанском обществе одинаковы, то Н. В. Латова [61], выделяет, что российской культуре присуща низкая дистанция власти (28 баллов). Что характеризует российский социум, как равноправное общество, выстраивающее взаимоотношения в соответствии с принципом сотрудничества и взаимного уважения. Стоит оговориться, что в исследовании Н. В. Латовой принимали участие исключительно студенты, чем, вероятно и объясняются полученные результаты. Ведь молодежи присущи европейские, индивидуалистические ценности, отражающие сконцентрированность на отдельной личности, активности каждого, построение отношений на равных, без наделения явными привилегиями отдельных членов общества.

Показатели культурного измерения «индивидуализм-коллективизм» и в Казахстане (32 балла), и в России (39 балла) [204] выше среднего уровня по сравнению с показателями других стран (мировой средний уровень – 24 балла) [36]. В то же время казахстанское общество в большей мере ориентировано на ценности коллективизма, чем российское общество [108]. Иные данные получены в результате исследований проекта GLOBE (2020), согласно которым для россиян коллективистские ценности важнее (групповой коллективизм – 5,63; институциональный коллективизм – 4,5), чем для казахстанцев (групповой коллективизм – 5,26; институциональный коллективизм – 4,29). А согласно данным исследования Н. В. Латовой российская молодежь отличается выраженным индивидуализмом (61 балл) [61], отражающимся в направленности на собственные интересы, ориентации преимущественно на личные желания и потребности. Оценка культурного измерения «мужественность – женственность» показывает индивидуальные модели поведения человека в обществе, способы достижения целей и типы построения взаимоотношений между мужчинами и женщинами. По данному параметру казахстанское общество характеризуется преобладающей мужественностью 52 балла [36], а российское - женственностью 36 баллов [204]. Что подтверждается и результатами исследований проекта

GLOBE (2020), согласно которым Казахстан (4,46) в числе стран с выраженными маскулинными чертами, а Россия отличается феминными чертами (3,68). Так, люди в Казахстане ориентированы на получение материального достатка, финансового благополучия, нацелены на достижение конкретного результата в деятельности, а в России наблюдается направленность населения на заботу об окружающих, проявление милосердия и взаимного уважения друг друга, сотруднические взаимоотношения, при этом, конкурентные отношения выносятся на второй план. Параметр культурного измерения Хофстеде «избегание неопределенности» отражает чувства и способы реагирования людей в неопределенной ситуации, уровень тревожности и беспокойства в неизвестных и непредсказуемых условиях, готовность к переменам и риску. И в Казахстане (93 балла) [36], и в России оценки по данному показателю достаточно высокие (95 баллов) [204]. Несколько иные данные показывают результаты исследовательского проекта GLOBE (2020), у казахстанцев наблюдается выше среднего уровень избегания неопределенности (3,66) и сравнительно низкий (2,88) – у россиян. Касательно измерения культуры «краткосрочная / долгосрочная ориентация», одни данные [36] свидетельствуют о краткосрочной ориентации (48 балла), другие же [201] указывают на долгосрочную ориентацию казахстанского общества (3,57). Противоречивые данные по этому параметру получены и в исследованиях российского общества. В то время как в работах Г. Хофстеде [204] установлено, что россияне направлены на будущее (81 балл), в иссследованиях проекта GLOBE (2020) обнаружено, что для российского общества характерна краткосрочная ориентация (2,88) [108]. Обществу с долгосрочной ориентацией свойственны практичность, планирование будущего и предпочтение инвестировать в стратегические проекты, общество же с краткосрочной ориентацией отличается сосредоточенностью на результатах прошлого и вклад в настоящее, потребительской культурой и желанием получить быструю прибыль.

Подводя итоги анализа культурных измерений казахстанского и российского общества, можно однозначно сказать, что население Казахстана

характеризуется маскулинностью, выраженной дистанцией власти и ориентацией на коллективисткие ценности, население же России обладает феминными чертами. А касательно остальных показателей культурных измерений обнаружены некоторые противоречия в результатах исследований разных авторов. Что, вероятно, связано с влиянием на результаты второстепенных факторов, а также неоднородностью как казахстанского, так и российского обществ.

Исходя из вышеизложенного напрашивается вывод, что казахстанское и российское общества имеют как схожие, так и различные культурные особенности. Сходства в ценностных ориентациях населения двух стран объясняется скорее общей продолжительной историей Казахстана и России, а также промежуточным географическим положение между Европой и Азией. На сегодняшний день эти две страны имеют тесные связи в сфере политики, экономики и культуры. Взаимовыгодные отношения в отраслях индустрии, транспортных систем, союзные оборонные и космические программы определены в большей степени близким соседством стран, ведь только Казахстан имеет самую протяженную сухопутную границу с Россией. Более того, уровень политической свободы, экономического развития и благосостояния стран практически одинаковый. Так, согласно результатам международного валютного фонда [129] на октябрь 2021 года по номинальному валовому внутреннему продукту на душу населения Россия находилась на 63, а Казахстан на 65 месте среди представленных 185 стран [129], по уровню Индекса человеческого развития, который часто называют рейтингом стран мира по уровню жизни, представленного Организацией Объединенных Наций в Докладе о человеческом развитии – 2020 [140], Россия – на 52, а Казахстан – на 56 месте среди 185 стран. Согласно рейтингу Numbeo[4] [98] за 2021 г. по индексу качества жизни Казахстан находился на 72, а Россия на 67 месте, а по индексу демократии Казахстан находится на 128 месте, Россия на 124, исходя из этого Казахстан и Россия в 2021

[4] Numbeo — крупнейшая в мире база данных о стоимости и качестве жизни в разных странах.

году причислены к странам с авторитарным режимом правления [98]. Различия в культурных измерениях казахстанского и российского обществ объясняются превалированием в социуме ценностей, характерных этническому большинству Казахстана, то есть казахам (70,40 %) и этническому большинству России - русским (80,85 %).

Выводы по главе 1

1. В ходе комплексного анализа теоретических положений об общепсихологической (Д. Н. Узнадзе), о социальной (А. А. Девяткин, Г. Олпорт), миграционной (С. А. Кузнецова) установке мы пришли к выводу, что эмиграционная установка определяется как вид социальной установки и понимается как психологическое состояние готовности личности к проявлению активности в отношении социального объекта, а именно места жительства: потенциального и актуального. Эмиграционная установка организует, ориентирует действия человека, направленные на осуществление смены страны проживания, и его поведение, формируемые на основе эмоционально окрашенного оценочного отношения к месту жительства.

2. Согласно теоретическим положениям о миграционной установке С. А. Кузнецовой, установлено, что эмиграционная установка обладает отличительными особенностями: полиобъектностью и полисубъектностью. Где полиобъектность предполагает наличие двух объектов установки, в отношении которых направлено ее действие. Объектами эмиграционной установки выступают места жительства: актуальное и потенциальное, которые сравниваются между собой. Полисубъектность выражается в интериоризации индивидом установок на эмиграцию и ожиданий миграционного поведения от потенциального мигранта значимых других.

3. Определена и описана система социально-психологических факторов эмиграционной установки, включающая предикторы, представленные на трех

уровнях взаимодействия личности с социумом: *микроуровень, мезоуровень, макроуровень*. Микроуровень системы социально-психологических факторов эмиграционной установки отражает внутриличностные отношения, определяется отношениями к самому себе и представлен субъективным благополучием. На мезоуровне анализируются факторы в системе взаимодействия личности с группой и представлен институциональным доверием и ожиданием помощи от родных. Макроуровень взаимодействия личности с социумом, функционирующие в системе общественных отношений на макросоциальном уровне, в качестве фактора эмиграционных установок мы выделяем ценности, обусловленные культурными особенностями общества. Разноуровневые факторы имеют и внутренние связи между собой. Исследование факторов на разных уровнях взаимоотношения личности с социумом, обусловлено двойственной социально-психологической природой эмиграционных установок. Изучение факторов в системе дает нам наиболее полное и разностороннее понимание предикции направленности на переезд за границу потенциального мигранта.

4. Теоретический анализ предикторов устремлений сменить страну проживания позволяет предположить, что факторами эмиграционных установок выступают:

4.1. На макроуровне:

– ориентация на метаценность «Самоутверждение», означающее, что стремление к достижению личного успеха, материально-экономического благополучия, определенного социального статуса способствует усилению желания людей переехать за границу.

– следование метаценности «Открытость изменениям», а именно, молодые люди, отличающиеся свободой определять собственные действия, развивать личные идеи и способности, стремлением к новизне и переменам, ориентированы на смену страны проживания.

– снижение значимости метаценности «Сохранение». Люди, которые следуют традиционным ценностям, придерживаются норм общества, придают значимость безопасности, не стремятся эмигрировать.

4.2. На мезоуровне:

– снижение доверия институтам власти. Низкая степень доверия людей властям, представителям государственных институтов детерминирует их эмиграционные установки;

– выраженность надежды на получение помощи от родных. Люди с выраженными ожиданиями помощи от родных, которые надеются на их поддержку ориентированы на эмиграцию;

4.3. На микроуровне – ослабление ощущения субъективного благополучия. Люди, менее удовлетворенные своей жизнью и ее условиями, ощущающие в меньшей степени счастье выражают установки на эмиграцию.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ ЭМИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК КАЗАХСТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

С целью проверки выдвинутой гипотезы о связи эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи с социально-психологическими факторами, функционирующими на трех уровнях взаимодействия личности с социумом: на макроуровне – метаценностями, детерминированными культурой; на мезоуровне – институциональным доверием и надеждой на получение помоши со стророны близких на родине/ за границей, на микроуровне – субъективным благополучием и о наличии особенностей совокупности предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи было проведено эмпирическое исследование.

2.1. Описание методического инструментария и выборки исследования

Для решения эмпирических задач был разработан методический инструментарий (Приложение А), который по содержанию был идентичен для опроса молодежи как российской, так и для казахстанской. Для казахстанской молодежи методический инструментарий был представлен на двух языках: русском и казахском (Приложение А). Русскоязычные методики были переведены на казахский язык и адаптированы к казахоязычной выборке. Все методики, переведенные на казахский язык, были дополнительно проверены экспертами - носителями казахского языка, имеющими психологическое образование.

Надежность и достоверность полученных результатов обеспечивается теоретической и методологической обоснованностью использованных методов, а также корректным применением методов математико-статистической обработки данных исследования.

Методический инструментарий включает в себя:

– методику, направленную на изучение эмиграционных установок, «Шкала миграционных установок» С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко, модифицированную в «Шкалу эмиграционных установок» [57];

– PVQ-21–ESS7 версию опросника измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца [234; 68 (перевод)];

– методику диагностики субъективного благополучия личности Р. М. Шамионова, Т. В. Бесковой [160];

– опросник «Уровень институционального доверия», составленный на основе анкеты исследования доверия к власти Центром стратегических инициатив [87];

– вопросы, направленные на изучение выраженности надежды на получение помощи от родных за границей и на родине, которые составлены на основе анкеты исследования социальных связей за рубежом [228];

– вопросы, направленные на исследование социально-демографических характеристик респондентов.

Представим описание методического инструментария более подробно.

Эмиграционные установки. Анализ степени выраженности эмиграционных установок осуществлялся с использованием методики «Шкала миграционных установок» С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко [57], трансформированная в «Шкалу эмиграционных установок». Методика включает в себя 36 утверждений, отражающие отношение респондента к родной стране, где он проживает в настоящее время, и зарубежной стране, в которой он хотел бы жить. Утверждения структурированы в 4 шкалы. Определение меры солидарности с утверждениями применялась симметричная лайкертова шкала (3210123), где «3 означает, что респондент полностью разделяет утверждение; 2 – вполне согласен с утверждением; 1 – согласен с утверждением в малой степени; 0 – сомневается в выборе между утверждениями».

Показатели по отдельным шкалам: «установка субъекта», «установка близких», «ожидания близких» высчитывались с помощью суммирования всех баллов по утверждениям соответствующей шкалы и делением на количество

утверждений. Подсчет данных по интегративной шкале «Эмиграционная установка», производился на основе суммирования средних показателей по трем вышеназванным шкалам и деления на три.

Согласованность утверждений по шкалам, в том числе и по интегральной шкале была проверена с помощью коэффициента α- Кронбаха для каждой из выборок, коэффициенты приведены ниже.

Примеры утверждений:

«Я думаю, что для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Казахстан. – Для реализации моих целей и ценностей больше подходит другая страна»; шкала «Установка субъекта» (α = 0,94).

«Я думаю, что для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Россия. – Для реализации моих целей и ценностей больше подходит другая страна»; шкала «Установка субъекта» (α = 0,94).

«Для реализации целей и ценностей близких мне людей лучшим местом является Казахстан. – Для реализации целей и ценностей моих близких больше подходит другая страна»; шкала «Установка близких» (α = 0,90).

«Для реализации целей и ценностей близких мне людей лучшим местом является Россия. – Для реализации целей и ценностей моих близких больше подходит другая страна»; шкала «Установка близких» (α = 0,90).

«По мнению моих близких, для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Казахстан. – По мнению моих близких, для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является другая страна»; шкала «Ожидания близких» (α = 0,92).

«По мнению моих близких, для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Россия. – По мнению моих близких, для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является другая страна»; шкала «Ожидания близких» (α = 0,93).

Согласованность утверждений по интегративной шкале «Эмиграционная установка» (казахстанская выборка α = 0,97, российская выборка α = 0,97).

Индивидуальные ценности. Для исследования значимости индивидуальных ценностей молодых людей была использована PVQ-21 – ESS7 версия опросника измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца, включающая 21 утверждение [234; 69 (перевод)]. Каждая базовая ценность из 10 оценивается с помощью двух или трех утверждений, описывающих человека. Степень сходства предложенных портретов с респондентом определяется по 6-ти балльной шкале, где 1 – «Совсем не похож», 6 – «Очень похож». Подсчет индексов ценностей производился путем вычитания от средних значений ответов на 21 вопрос средних значений баллов по двум (трем для универсализма) утверждениям.

Ниже представляем примеры утверждений и их согласованность:

«Для него/неё важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он/она убежден(а), что у всех должны быть равные возможности в жизни» – пункт ценности «Универсализм», из блока «Самопреодоление» (казахстанская выборка α = 0,88, российская выборка α = 0,82).

«Для него/неё важно быть очень успешным. Он/она надеется, что люди признают его/её достижения» – пункт ценности «Достижение», из блока «Самоутверждение» (казахстанская выборка α = 0,83, российская выборка α = 0,76).

«Он/она ищет любую возможность повеселиться. Для него/неё важно заниматься тем, что доставляет ему/ей удовольствие» – пункт ценности «Стимуляция», из блока «Открытость изменениям» (казахстанская выборка α = 0,97, российская выборка α = 0,81).

«Для него/неё важно жить в безопасном окружении. Он/она избегает всего, что может угрожать его/её безопасности» – пункт ценности «Безопасность», из блока «Сохранение» (казахстанская выборка α = 0,83, российская выборка α = 0,66).

Субъективное благополучие. В качестве инструментария для исследования субъективного благополучия мы использовали «Методику диагностики субъективного благополучия личности» Р. М. Шамионова, Т. В. Бесковой [160], которая включает в себя пять шкал: эмоциональное благополучие, экзистенциально-деятельностное благополучие, эго-благополучие, гедонистическое благополучие, социально-нормативное благополучие,

отражающих его структуру, а также интегративную шкалу субъективного благополучия. Методика состоит из 34 утверждений, с которыми необходимо выразить степень согласия или несогласия, используя следующую шкалу: 1 – полностью не согласен; 2 – не согласен; 3 – нечто среднее; 4 – согласен; 5 – полностью согласен.

Выводы об уровне субъективного благополучия были сделаны с учетом величины среднего балла шкал. Максимальное количество баллов по каждой шкале – 5, минимальное – 1, что свидетельствует соответственно о высоком и низком уровне благополучия.

Примеры утверждений:

«Можно сказать, что по большому счету я счастлив» - шкала «Эмоциональное благополучие» (казахстанская выборка α = 0,96, российская выборка α = 0,94);

«Мне кажется, я делаю все для того, чтобы быть счастливым» - шкала «Экзистенциально-деятельностное благополучие» (казахстанская выборка α = 0,95, российская выборка α = 0,93);

«Я доволен тем, как я выгляжу (внешность, фигура)» - шкала «Эго-благополучие» (казахстанская выборка α = 0,89, российская выборка α = 0,84);

«Я доволен условиями безопасности в месте моего проживания» - шкала «Гедонистическое благополучие» (казахстанская выборка α = 0,84, российская выборка α = 0,76);

«В основном мои поступки согласуются с моими жизненными ориентирами» – шкала «Социально-нормативное благополучие» (казахстанская выборка α = 0,90, российская выборка α = 0,80).

Институциональное доверие. Для исследования уровня институционального доверия был составлен опросник на основе вопросов социологического опроса CSI центра стратегических инициатив [87]. Степень доверия выявляется с помощью шкалы от 1 до 5, где «1» означает «Совершенно не доверяю», а «5» – «Полностью доверяю». Уровень институционального доверия (казахстанская выборка α = 0,97, российская выборка α = 0,95)

вычисляется подсчетом средних значений доверия Президенту Республики Казахстан (далее РК)/Российской Федерации (далее РФ); Правительству РК/РФ; акиму/губернатору; местным властям; полиции; системе правосудия.

Примеры утверждений:

Скажите, насколько Вы доверяете Правительству РК/РФ;

Скажите, насколько Вы доверяете местным властям.

Надежда на получение помощи от близких за границей и на родине. Для выявления степени выраженности надежды респондентов на помощь от близких за границей и на родине были разработаны два вопроса на основе опросника М. Манчина и С. Оразбаева [228]: «Вы можете в случае необходимости рассчитывать на помощь родственников, друзей, находящихся в другой стране?» и «Вы можете в случае необходимости рассчитывать на помощь родственников, друзей, находящихся в Вашей стране проживания?». Степень выраженности надежды на помощь близких на родине / за границей оценивалась при помощи 5-ти бальной шкалы: «1 – нет, не рассчитываю на их помощь; 2 – скорее не рассчитываю, чем рассчитываю на их помощь; 3 – затрудняюсь ответить; 4 – скорее рассчитываю, чем не рассчитываю на их помощь; 5 – да, я могу рассчитывать на их помощь».

При этом, ответы на второй вопрос «Вы можете в случае необходимости рассчитывать на помощь родственников, друзей, находящихся в другой стране?» включали в себя вспомогательную шкалу («6 – у меня нет родственников и друзей в другой стране»), предназначенную для фильтрации респондентов в зависимости от наличия родственников за рубежом.

Данные об уровне ожиданий респондентами помощи от родных получены на основе средних показателей шкал, варьирующихся от 5 (максимальный балл) до 1 (минимальный балл), где 5 говорит о высокой степени, а 1 о низкой степени выраженности надежды на получение помощи от родственников и друзей.

Обработка данных производилась с помощью множественного линейного регрессионного анализа, t-критерий Стьюдента, описательных статистик. Анализ данных проведен посредством программного обеспечения IBM SPSS Statistics

26.00 Windows и IBM SPSS AMOS 26.00. Для определения огласованности утверждений опросников был использован коэффициент α-Кронбаха. Оценка характера связи метаценностей, институционального доверия и надежды на помощь близких на родине и за границей, субъективного благополучия с эмиграционными установками производилась при помощи метода моделирования структурными уравнениями (SEM).

Характеристика выборки исследования. Социально-демографические характеристики выборки преставлены ниже в таблице 1.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики выборки

	Казахстан (N=364)	**Россия (N=396)**
Пол	78 % девушек (N=285)	77 % девушек (N=303)
Средний возраст	20,7 (SD=4,08)	20,9 (SD=3,97)
Проживают в городах-миллионерах	38 % (N=139)	27 % (N=107)
Владеют иностранными языками	82 % (N=297)	81 % (N=320)
Доля обучающихся	95 % (347)	98 % (387)
Уровень образования		
Средне-специальное	15 % (N=54)	10 % (N=41)
Неоконченное высшее	37 % (N=135)	56 % (N=220)
Высшее	41 % (N=148)	31 % (N=123)
Послевузовское	7 % (N=27)	3 % (N=12)
Миграционный опыт		
Внутри страны	50 % (N=181)	43 % (N=170)
За пределами страны	51 % (N=186)	58 % (N=229)
Посещали страну, в которую планируют эмигрировать	21 % (N=44)	13 % (N=52)
Социальные связи за границей		
Имеют родственников или друзей за границей	57 % (N=206)	57 % (N=224)
Поддерживают с ними связь	78 % (N=161)	45 % (N=177)

Выборку исследования составили молодые люди Казахстана и России в возрасте от 17 до 35 лет. Чтобы исключить влияние различий в культурах представителей других этносов внутри каждой страны, к которым принадлежат респонденты, мы ограничились изучением установок к эмиграции и их предикторов только представителей национального большинства Казахстана и России. Так, в нашем исследовании приняли участие 760 респондентов, из них

364 казаха из Казахстана, в числе которых 78 % женщин (285), и 396 русских из России, в числе которых 77 % женщин (303). Средний возраст в казахстанской выборке составляет 20,7 лет (SD = 4,08), в российской выборке – 20,9 лет (SD = 3,97). И в Казахстане, и в России выборка представлена преимущественно обучающимися (95 % (347 чел.) в казахской выборке и 98 % (387 чел.) в русской выборке). По уровню образования респонденты были распределены следующим образом: в казахстанской выборке имеют средне-специальное образование 15 % (54 человека), неоконченное высшее – 37 % (135 человек), высшее – 41 % (148 человек), послевузовское – 7 % (27 человек); в российской выборке – средне-специальное образование – 10 % (41 человек), неоконченное высшее – 56 % (220 человек), высшее – 31 % (123 человека), послевузовское – 3 % (12 человек).

Казахстанская выборка представлена казахоговорящими 52 % (189 чел.) и русскоговорящими 48 % (175 чел.).

В исследовании приняли участие респонденты в Казахстане из Акмолинской, Актюбинской, Алматинской, Атырауской, Восточно-Казахстанской, Жамбылской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Костанайской, Кызылординской, Мангистауской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Туркестанской областей; городов-миллионеров: Алматы, Нур-Султан, Шымкент; в России из Московской, Нижегородской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Ульяновской, Челябинской областей; Краснодарского, Приморского, Хабаровского краев, республик Башкортостан, Калмыкия, Татарстан, Удмуртия; Ханты-Мансийского автономного округа; городов-миллионеров Екатеринбург, Казань, Краснодар, Москва, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург. Респонденты из городов-миллионеров среди казахов составляют 38 % (139 чел.), среди русских 27 % (107 чел.). Имеют миграционный опыт внутри страны 50 % (181 чел.) казахов, 43 % (170 чел.) русских.

Больше половины респондентов в прошлом имеют опыт пребывания за пределами своей страны. Так, выезжали за границу 51 % (186 чел.) казахов, из них 21 % (44 чел.) посещали страну, в которую планируют эмигрировать и 58 %

(229 чел.) русских, из них 13 % (52 чел.) посещали страну, в которую собираются переехать.

Большинство респондентов владеют иностранными языками: среди казахов 82 % (297 чел.), среди русских 81 % (320 чел.).

Имеют родственников или друзей за границей 57 % (206 чел.) казахов и 57 % (224 чел.) русских. А поддерживают с ними связь 78 % (161 чел.) казахов и 45 % (177 чел.) русских.

Поскольку опрос проводился в период пандемии короновирусной инфекции (COVID-19), респондентам был задан дополнительный вопрос, направленный на определение влияния действия ограничительных мер, введенных во время пандемии COVID-19, на установки молодых людей эмигрировать: «Как повлияли ограничения, связанные с пандемией, на Ваше намерение эмигрировать?». Предложено 5 вариантов ответа на данный вопрос, отражающие изменения намерений эмигрировать в зависимости от влияния, введеннных ограничений во время пандемии, на респондентов (Таблица 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос о влиянии пандемии на установки молодых людей эмигрировать

	Казахстан (N=364)	**Россия (N=396)**
1. До пандемии я не думал о переезде в другую страну, теперь – тем более	134	138
2. До пандемии я планировал переезд, сейчас отказался от этой мысли	29	16
3. Мое намерение переехать в другую страну стало слабее.	60	38
4. До пандемии я не планировал переезд в другую страну, сейчас же я задумываюсь об этом.	67	80
5. Мое намерение переехать в другую страну еще больше усилилось	74	124

Обнаружено, что 37 % (134 человека) казахстанцев и 35 % (138 человек) россиян до пандемии не планировали переезд за границу и во время пандемии их намерения не изменились. 8 % (29 человек) казахов и 4 % (16 человек) русских

планировали переехать за рубеж до пандемии, но после начала пандемии решили оставаться на родине. 17 % (60 человек) казахов и 10 % (38 человек) русских отметили снижение выраженности намерения эмигрировать во время пандемии. У 18 % (67 человек) казахов и 20 % (80 человек) русских до пандемии не было намерений эмигрировать, а во время пандемии молодые люди стали задумываться о переезде за границу. У 20 % (74 человека) казахов и 31 % (124 человека) русских наблюдается усиление выраженности намерения переехать за границу во время пандемии.

Процедура проведения исследования. Социально-психологический опрос проводился посредством онлайн-сервиса Google Forms. В опросе приняли участие в большинство своем студенты образовательных учреждений. Ссылку на прохождение онлайн-опроса респонденты получали в сообщениях по электронной почте или в социальных сетях. Период проведения опроса – декабрь 2020 г. по март 2021 г. Опрос был проведен в условиях анонимности, что способствовало повышению степени доверия и искренности репсондентов.

2.2. Сравнительный анализ эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи

На первом этапе эмпирического исследования мы провели сравнительный анализ показателей выраженности эмиграционных установок и его компонентов у казахстанской и российской молодежи с помощью t-критерия Стьюдента. Согласно полученным данным (Таблица 3), установлено, что у российской молодежи по сравнению с казахстанской молодежью более выражены установки к эмиграции (3,84 балла – у русских и 3,37 балла – у казахов, $p = 0,000$, $d = 0,3$) и ее компоненты: установка субъекта (4,06 против 3,54 балла, $p = 0,000$, $d = 0,3$), установка близких (3,67 против 3,27 балла, $p = 0,000$, $d = 0,3$), ожидания близких (3,79 против 3,31 балла, $p = 0,000$, $d = 0,3$).

Таблица 3. Средние значения эмиграционной установки и ее компонентов (N = 760)

Переменные	Казахи (N=364)			Русские (N=396)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Установка субъекта	3,54	1,57	1	**4,06**	1,60	1	**0,000**	**0,3**
Установка близких	3,27	1,32	3	**3,67**	1,34	3	**0,000**	**0,3**
Ожидания близких	3,31	1,40	2	**3,79**	1,44	2	**0,000**	**0,3**
Эмиграционная установка	3,37	1,36		**3,84**	1,35		**0,000**	**0,3**

Различия в степени выраженности стремлений переехать за рубеж между казахстанской и российской молодежью согласуются с результатами других исследований. Известно, что существенная доля молодых людей из России и Казахстана желают сменить страну проживания [1; 2; 165]. При этом, среди казахстанцев стремятся уехать из страны в основном представители нетитульных наций [52]. Так, по статистике 2020 года Казахстан покинули 20 313 человек русской национальности, и только лишь 1311 человек казахской национальности [52]. В то же время из России выезжают преимущественно представители титульной нации - русские [165]. Более сильное желание русской молодежи сменить страну проживания по сравнению с казахской, должно быть, обусловлено приверженностью молодых людей разным культурным ценностям [103; 107; 108; 110; 112]. Согласно результатам исследования Р. М. Шамионова [159] людям русской национальности в большей степени свойственны индивидуалистические ценности, которые отражаются в метаценностях «Самоутверждение» и «Открытость изменениям». В свою очередь, ориентация на метаценности «Самоутверждение» и «Открытость изменениям» способствует возникновению и развитию намерений эмигрировать [198; 200; 213]. В то же время, казахи в большей мере придерживаются коллективистских и традиционных ценностей [34; 103; 107; 108; 110; 112; 159; 162], соответствующие по Шварцу метаценностям «Сохранение» и «Самопреодоление», приверженность которым удерживает людей на родине [149; 252; 253].

Установлено, что обе выборки характеризуются одинаковым уровнем выраженности компонентов установки к эмиграции: в наибольшей степени

выражен компонент «установка субъекта» (3,54 балла у казахов, 4,06 балла у русских), далее – «ожидания близких» (3,31 балла у казахов, 3,79 балла у русских), и самые низкие показатели наблюдаются по компоненту «установка близких» (3,27 балла у казахов, 3,67 балла у русских). Так, независимо от высокой значимости мнения родителей и родственников, важности тесных и близких отношений с родными [48; 83; 84] и казахстанская, и российская молодежь в условиях планирования переезда предпочитают ориентироваться на свои личные эмиграционные установки, а не на установки к эмиграции близких людей. Это говорит о предпочтении молодых людей придерживаться индивидуалистических ценностей, что приводит к принятию решения молодежью исходя, в первую очередь, из собственных желаний и интересов [48; 83; 84; 123;138].

Для понимания имеются ли различия в зависимости от пола респондентов в уровне эмиграционных установок был проведен сравнительный анализ средних показателей выраженности эмиграционной установки и ее компонентов между юношами Казахстана и России, девушками Казахстана и России (Приложение Б, таблицы1, 2, 3).

Обнаружены различия в выраженности эмиграционной установки и ее компонентов между юношами из Казахстана и России (Приложение Б, таблица 1). Так, наблюдается среди юношей россиян по сравнению с юношами-казахстанцами большая выраженность эмиграционных установок (3,87 против 3,17 балла, $p = 0,001$, $d = 0,5$) и ее компонентов: установки субъекта (4,11 против 3,19 балла, $p = 0,000$, $d = 0,6$), установки близких (3,68 против 3,21 балла, $p = 0,030$, $d = 0,3$) и ожиданий близких (3,82 против 3,10 балла, $p = 0,001$, $d = 0,5$). Что говорит о большей направленности на переезд за границу молодых россиян, чем молодых казахстанцев. Иерархия выраженности компонентов эмиграционной установки казахстанской и российской молодежи показывает, что у юношей-казахстанцев наиболее выражена установка близких (3,21 балла), а у юношей-россиян – установка субъекта (4,11 балла). На втором месте по степени выраженности у казахстанцев расположен компонент установка субъекта (3,19 балла), у россиян – ожидания близких (3,82 балла). И наименьшей

выраженностью обладают компоненты эмиграционной установки ожидания близких (3,10 балла) у казахстанцев, и установка близких (3,68 балла) у россиян. Учитывая небольшую разницу в средних значениях переменных, установка близких и установка субъекта в выборке казахстанцев, можно говорить, что казахи при планировании переезда за границу в равной степени ориентируются как на установки ближайшего окружения, так и на собственные установки. А юноши россияне планируют эмиграцию, прежде всего исходя из личных установок.

Среди девушек так же, как и в выборке юношей, наблюдаются различия в выраженности эмиграционной установки и ее компонентов (Приложение Б, таблица 1). Среди девушек россиянок по сравнению с девушками казахстанками обнаружены более высокие показатели эмиграционной установки (3,83 против 3,43 балла, $p = 0,000$, $d = 0,3$) и ее компонентов: установки субъекта (4,05 против 3,64 балла, $p = 0,002$, $d = 0,3$), установки близких (3,66 против 3,29 балла, $p = 0,001$, $d = 0,3$) и ожиданий близких (3,78 против 3,37 балла, $p = 0,000$, $d = 0,3$). Что свидетельствует о более выраженных устремлениях сменить страну проживания россиянок, чем казахстанок. При этом иерархия выраженности эмиграционной установки и ее компонентов в обеих выборках одинакова. И русские, и казашки при планировании эмиграции, в первую очередь, ориентируются на собственные установки (4,05 балла у россиянок, 3,64 балла у казахстанок), после исходят из ожиданий эмиграционной активности близкого окружения (3,78 балла у россиянок, 3,37 балла у казахстанок), и в последнюю очередь – установок близких (3,66 балла у россиянок, 3,29 балла у казахстанок).

Было проведено дополнительное исследование различий в степени выраженности устновок к эмиграции девушек и юнош Казахстана (Приложение Б, таблица 2). Выявлено, что у девушек, по сравнению с юношами Казахстана, более выражены только установки субъекта (3,64 против 3,19 балла, $p = 0,024$, $d = 0,3$). То есть казахстанские девушки при планировании переезда за границу больше ориетируются на собственные установки на эмиграцию, чем юноши.

Подобное исследование проведение и на выборке российской молодежи (Приложение Б, таблица 3). Среди российской молодежи различий в степени выраженности эмиграционных установок и их компонентов между девушками и юношами не обнаружено. Исходя из рангов в иерархии выраженности компонентов эмиграционных установок девушек и юношей россиян, молодые люди в первую очередь ориентируются на собственные установки (4,05 балла у девушек, 4,11 баллов у юношей), после – на ожидания ближайшего окружения (3,78 балла у девушек, 3,82 балла у юношей) и в последнюю очередь – на установки близких (3,66 балла у девушек, 3,68 балла у юношей).

2.3. Сравнительный анализ факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи

Для выявления сходств и различий в выраженности метаценностей, субъективного благополучия, институционального доверия и надежды на помощь близких на родине и за границей был проведен сравнительный анализ средних значений этих переменных с применением t-критерия Стьюдента.

Сравнительный анализ метаценностей казахов и русских. Проведено сравнение средних значений метаценностей казахов и русских, результаты которого представлены ниже в таблице 4.

Таблица 4. Средние значения метаценностей казахов и русских (N = 760)

Переменные **Метаценности**	Казахи (N=364)			Русские (N=396)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Открытость изменениям	4,06	1,36	2	**4,32**	1,01	2	**0,002**	**0,20**
Сохранение	3,87	1,20	3	3,89	0,95	4	0,755	0,02
Самопреодоление	4,31	1,37	1	**4,61**	1,08	1	**0,001**	**0,20**
Самоутверждение	3,66	1,34	4	**4,26**	1,08	3	**0,000**	**0,50**

Согласно результатам исследования (Таблица 4) обнаружено, что для российской молодежи по сравнению с казахстанской более значимы

метаценности «Открытость изменениям» (4,32 против 4,06 балла, p = 0,002, d = 0,2), «Самопреодоление» (4,61 против 4,31 балла, p = 0,001, d = 0,2) и «Самоутверждение» (4,26 против 3,66 балла, p = 0,000, d = 0,5). Так выраженность метаценности «Открытость изменениям» свидетельствует о большем стремлении российской, чем казахстанской, молодежи к новому опыту, переменам, принимать решения и определять свои действия независимо от других, развивать свои способности и идеи. Подобные результаты получены в исследовании Р. М. Шамионова [159]. Большая выраженность метаценности «Самоутверждение» для русских по сравнению с казахами, демонстрирует большее стремление российской молодежи к достижению социального статуса, успеха, престижа и желание лидерства. Полученные нами результаты подтверждаются исследованиями других авторов [83; 84; 114; 159]. Так, Р. М. Шамионов выделяет, что русским в сравнении с казахами более характерен индивидуализм [159], соответствующий метаценностям «Открытость изменениям» и «Самоутверждение».

Большая выраженность метаценности «Самопреодоление» среди россиян в сравнении с казахстанцами говорит о большей значимости для российской молодежи заботы о природе, защиты благополучия других людей, в том числе родных и близких. Заметим, один из опросов [114] показал, что целью участия в общественной жизни страны российская молодежь выделила изменение общества, в то время как, казахстанская молодежь – стремление построить карьеру. Что свидетельствует о проявлении россиянами характеристик, соответствующие метаценности «Самопреодоление», большей заботы об окружающих и обществе в целом. Кроме того, русская национальная культура характеризуется фемининностью [152], в то время как казахская культура – маскулинностью [36], с чем, вероятно, связана большая направленность русских на метаценность «Самопреодоление» по сранению с казахами. В русском обществе преобладают такие феминные черты, как стремление к сотрудничеству, значимость межличностного общения, равные права мужчин и женщин, поддержка и оказание помощи окружающим [152].

Различий в степени выраженности метаценности «Сохранение» между казахстанцами и россиянами не выявлено (3,87 против 3,89 балла, p = 0,755). Что, вероятно, объясняется в некоторой степени общностью культур, определяемые недавней общей историей и географическим положением между Европой и Азией. Так в культуре Казахстана и России наблюдается наличие черт и Востока и Запада, обуславливающих схожие паттерны поведения. А также превалированием европейских или индивидуалистических ценностей среди современной молодежи. И казахстанская, и российская молодежь все больше стремится к ценностям, характеризующие открытость новому, свободу и независимость, предпочтение личных целей коллективным. Поскольку молодые люди в большинстве своем придерживаются индивидуалистических ценностей и следуют собственным интересам, интересы коллектива и традиционные ценности для них выступают менее важными.

Ранжирование ценностей по важности показало, что и казахи, и русские одинаково в первую очередь, ориентируются на метаценность «Самопреодоление», после – на метаценность «Открытость изменениям». На третьем месте по значимости для казахов оказалась метаценность «Сохранение», а для русских – «Самоутверждение». И наименее важной среди остальных метаценностей выступила у казахов метаценность «Самоутверждение», у русских – «Сохранение».

Наибольшая важность метаценности «Самопреодоление» для молодых людей и Казахстана, и России, говорит о значимости заботы о близком окружении, что подтверждается результатами ряда исследований [83; 84; 114; 115]. Согласно которым казахстанская и российская молодежь первостепенное значение отдают семье и родственным связям [107; 110]. А в период пандемии, в условиях угрозы здоровью и жизни человека особую важность преобретают ценности, выражающие заботу не только о близких, но и других окружающих людей [111]. Молодые люди выражали желание оказать помощь нуждающимся в ней во время действия ограничительных мер, что отразилось на росте волонтерских движений, благотворительности молодежи во время самоизоляции [67; 166].

Одинаковый ранг значимости метаценности «Открытость изменениям» для казахской и русской молодежи, характеризует их как представителей нового поколения, которые открыты новому опыту, проявляют гибкость при решении жизненных задач, самостоятельны и готовы развивать свои идеи [83; 84; 115]. Кроме того, по-видимому, самоизоляция и меры, принятые во время пандемии, ограничившие свободу, снизившие доходы людей, повлекшие за собой потерю работы [41; 67; 121; 166], подтолкнули молодежь к изменениям, а именно, к поиску новых способов решения старых задач, быстрому восприятию и усвоению новых идей, творческому подходу в решении возникших проблем.

Наблюдаются различия в рангах значимости метаценностей «Сохранение» и «Самоутверждение» среди казахстанской и российской молодежи. Если для казахстанцев более значима метаценность «Сохранение», то для россиян – метаценность «Самоутверждение». Что говорит о большей традиционности казахстанского общества по сравнению с российским [83; 84; 114; 159], о чем мы писали выше.

С целью выявить особенности выраженности метаценностей среди девушек и юношей, был проведен сравнительный анализ средних значений метаценностей между казахстанской и российской молодежью в зависимости от пола (Приложение В, таблица 1). По результатам сравнительного анализа обнаружено, что метаценность «Сохранение» более значима для казахстанских, чем российских юношей (4,06 против 3,75 балла, $p = 0,059$, $d = 0,3$) на уровне тенденции, а метаценности «Самоутверждение» в большей мере следуют юноши-россияне по сравнению с юношами-казахстанцами (4,13 против 3,76 балла, $p = 0,051$, $d = 0,3$). Среди девушек наблюдается большая приверженность россиянок, чем казахстанок метаценностям «Открытость изменениям» (4,39 против 4,09 балла, $p = 0,003$, $d = 0,3$), «Самопреодоление» (4,68 против 4,29 балла, $p = 0,000$, $d = 0,3$), «Самоутверждение» (4,30 против 3,63 балла, $p = 0,000$, $d = 0,6$).

Согласно иерархии метаценностей для всех респондентов: девушек и юношей из Казахстана и России наиболее значима метаценность «Самопреодоление» (Приложение В, таблица 1). А наименее важной для девушек

и юношей казахов оказались метаценность «Самоутверждение», для девушек и юношей русских метаценность «Сохранение».

Кроме того, произведено сравнение выраженнности определенных метаценностей у юношей и девушек в казахстанской и российской выборках по отдельности (Приложение В, таблицы 2, 3).

Различий в значимости метаценностей между девушками и юношами казахской национальности не обнаружено (Приложение В, таблица 2). При этом, в ранжировании метаценностей девушек казашек и юношей казахов есть некоторые различия. Так, в иерархии метаценностей на втором месте по выраженности у девушек находится метаценность «Открытости изменениям» (4,09 балла)), а у юношей – «Сохранение» (4,06 балла), на третьем месте, наоборот, у девушек – метаценность «Сохранение» (3,81 балла), а у юношей – «Открытость изменениям» (3,93 балла). И для девушек, и для юношей наиболее значима метаценность «Самопреодоление» (4,29 балла у девушек, 4,40 балла у юношей), а наименее значима метаценность «Самоутверждение» (3,63 балла у девушек, 3,76 балла у юношей).

В российской выборке обнаружены различия в значимости метаценностей «Открытость изменениям» и «Самопреодоление» для девушек и юношей россиян (Приложение В, таблица 3). Для девушек по сравнению с юношами более важны метаценности «Самопреодоление» (4,68 против 4,40 балла, $p = 0,031$, $d = 0,3$) и «Открытость изменениям» (4,39 против 4,10 балла, $p = 0,015$, $d = 0,3$). Согласно ранжированию метаценностей и для девушек, и для юношей наиболее значима метаценность «Самопреодоление» (4,68 балла у девушек, 4,40 балла у юношей), а наименее значима метаценность «Сохранение» (3,93 балла у девушек, 3,75 балла у юношей). Наблюдаются различия в приверженности молодых людей метаценностям «Открытость изменениям» и «Самоутверждение». Так, на втором месте по выраженности у девушек метаценность «Открытость изменениям» (4,39 балла), у юношей – «Самоутверждение» (4,13 балла), и на третьем месте – у девушек метаценность «Самоутверждение» (4,30 балла), а у юношей метаценность «Открытость изменениям» (4,10 балла).

С целью определения какие базовые ценности вносят вклад в выраженность метаценностей молодых людей было проведено сравнение средних показателей базовых ценностей между казахстанской и российской молодежью (Таблица 5).

Таблица 5. Средние значения ценностей казахов и русских (N = 760)

Переменные **Ценности**	Казахи (N=364)			Русские (N=396)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Безопасность	4,18	1,48	3	**4,75**	1,19	1	**0,000**	**0,40**
Конформизм	**3,53**	1,36	9	3,31	1,24	10	**0,020**	**0,20**
Традиция	**3,89**	1,43	8	3,61	1,25	9	**0,004**	**0,20**
Благожелательность	4,41	1,47	1	4,57	1,17	3	0,102	0,10
Универсализм	4,22	1,45	2	**4,65**	1,16	2	**0,000**	**0,30**
Самостоятельность	4,16	1,46	4	**4,48**	1,16	5	**0,001**	**0,20**
Стимуляция	3,97	1,52	6	4,05	1,29	7	0,454	0,05
Гедонизм	4,05	1,52	5	**4,43**	1,21	6	**0,000**	**0,30**
Достижение	3,91	1,49	7	**4,53**	1,19	4	**0,000**	**0,50**
Власть	3,40	1,41	10	**3,99**	1,19	8	**0,000**	**0,50**

Обнаружено, что для казахстанцев по сравнению с россиянами более значимы ценности конформизма (3,53 против 3,31 балла, p = 0,020, d = 0,2) и традиции (3,89 против 3,61 балла, p = 0,004, d = 0,2). А для российской молодежи по сравнению с казахстанской молодежью более значимы ценности безопасности (4,75 против 4,18 балла, p = 0,000, d = 0,4), универсализма (4,65 против 4,22 балла, p = 0,000, d = 0,3), самостоятельности (4,48 против 4,16 балла, p = 0,001, d = 0,2), гедонизма (4,43 против 4,05 балла, p = 0,000, d = 0,3), достижения (4,53 против 3,91 балла, p = 0,000, d = 0,5) и власти (3,99 против 3,40 балла, p = 0,000, d = 0,5). В значимости ценностей благожелательность и стимуляция различий не обнаружено.

Сравнение средних значений базовых ценностей казахстанцев и россиян в зависимости от пола, показало, что для юношей-казахов по сравнению с юношами-русскими более важны ценности конформизма (3,96 против 3,42 балла, p = 0,006, d = 0,4) и традиции (4,25 против 3,77 балла, p = 0,018, d = 0,4). В то время как для юношей-русских по сравнению с юношами-казахами более значимы ценности безопасности (4,58 против 3,97 балла, p = 0,001, d = 0,5),

самостоятельности (4,51 против 4,06 балла, p = 0,024, d = 0,4), стимуляции (4,23 против 3,73 балла, p = 0,012, d = 0,4), гедонизма (4,41 против 3,99 балла, p = 0,025, d = 0,4), достижения (4,46 против 4,06 балла, p = 0,037, d = 0,3) и власти (3,97 против 3,46 балла, p = 0,010, d = 0,4). Согласно ранжированию базовых ценностей по степени выраженности, установлено, что наиболее важна для казахов ценность благожелательности, а для русских – универсализма, наименее важна для казахов ценность власти, а для русских – конформизма.

В ходе сравнения базовых ценностей девушек казахстанской выборки с девушками российской выборки обнаружено (Приложение В, таблица 4), что более значимы для девушек-казашек ценности традиции (3,79 против 3,56 балла, p = 0,038, d = 0,2), а для русских девушек более важны ценности безопасности (4,81 против 4,23 балла, p = 0,000, d = 0,4), универсализма (4,68 против 4,18 балла, p = 0,000, d = 0,4), самостоятельности (4,48 против 4,18 балла, p = 0,007, d = 0,2), гедонизма (4,44 против 4,06 балла, p = 0,001, d = 0,3), достижения (4,55 против 3,87 балла, p = 0,000, d = 0,5), власти (3,99 против 3,38 балла, p = 0,000, d = 0,5). Согласно полученной иерархии ценностей в группе девушек, получено, что для казахстанских девушек, так же, как и для юношей, наиболее важны ценности благожелательности, а для российских девушек первостепенную роль играет ценность безопасности. Ценность власти наименее значима для казахстанских девушек, равно как и для юношей, а в российской выборке и девушки, и юноши наименее привержены ценностям конформизма.

Согласно результатам сравнительного анализа базовых ценностей, в казахстанской выборке между девушками и юношами (Приложение В, таблица 5) установлено, что юноши-казахи в большей степени чем девушки-казашки придерживаются ценностей конформизма (3,96 против 3,41 балла, p = 0,001, d = 0,4) и традиции (4,25 против 3,79 балла, p = 0,011, d = 0,3).

В российской выборке различий в выраженности ценностей девушек и юношей не обнаружено (Приложение В, таблица 6).

Сравнительный анализ уровня субъективного благополучия казахов и русских. Оценки сходств и различий в уровне субъективного благополучия казахстанской и российской молодежи представлены в таблице 6.

Таблица 6. Средние значения субъективного благополучия и его компонентов казахов и русских (N =760)

Переменные	Казахи (N=364)			Русские (N=396)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Эмоциональное благополучие	3,70	0,99	3	3,67	0,9	2	0,699	0,03
Экзистенциально-деятельностное благополучие	3,73	0,97	2	3,62	0,86	3	0,101	0,10
Эго-благополучие	**3,67**	0,10	4	3,41	0,9	4	**0,000**	**0,30**
Гедонистическое благополучие	**3,30**	1,00	5	2,91	1,00	5	**0,000**	**0,40**
Социально-нормативное благополучие	3,78	0,97	1	3,90	0,8	1	0,064	0,10
Интегративная шкала								
Субъективное благополучие	**3,63**	0,93		3,50	0,75		**0,031**	**0,20**

Для анализа уровня субъективного благополучия молодежи, мы *проранжировали средние значения* по шкалам, начиная с высоких показателей. Таким образом, мы получили следующую картину: и у казахстанцев, и у россиян наиболее высокие средние баллы получены по шкале социально-нормативное благополучие (3,78 балла у казахов; 3,90 балла у русских). На втором месте у казахов расположилось экзистенциально-деятельностное благополучие (3,73), у русских - эмоциональное благополучие (3,67). Менее выражено у казахов эмоциональное благополучие (3,70), а у русских экзистенциально-деятельностное (3,62). Эго-благополучие в обеих группах стоит на четвертом месте (3,67-казахи; 3,41-русские), и самые низкие показатели получены по шкале гедонистическое благополучие (3,30 балла у казахов; 2,91 балла у русских).

Одинаково *высокие показатели по социально-нормативному* благополучию и у казахов, и у русских, свидетельствует о согласованности личных ценностей молодых людей с социальными нормами. В условиях рыночной экономики

социум диктует отличные от традиционных ценности и нормы. На сегодняшний день на первый план выходят достижение успеха, саморазвитие, реализация своего внутреннего потенциала [103; 104; 108; 110; 210]. Так, ценности нынешней молодежи: продуктивность жизни, наиболее полное использование своих возможностей, сил и способностей соответствуют нормам, диктуемым современным обществом.

Самые *низкие значения по шкале «гедонистическое благополучие»* в обеих группах свидетельствует о неудовлетворенности базовых потребностей, что связано с нынешним статусом респондентов. Поскольку основная их часть приходилась на студентов, которые при значимости ценностей в материально обеспеченной жизни [210], не могут в полной мере обеспечить себя финансово, создать для себя желаемые условия. Наряду с этим неудовлетворенность базовых потребностей также может быть вызвана сложившейся ситуацией, связанной с распространением коронавирусной инфекции [101; 106]. Оказавшись в условиях карантина, многие молодые люди столкнулись с множеством негативных переживаний, сопряженных с ситуацией пандемии и самоизоляции: потеря своих рабочих мест, что привело к существенному сокращению доходов; переживание страха заражения коронавирусной инфекцией себя и своих близких, неизвестности проявления и последствий этого заболевания; сокращение «живого общения» с близкими людьми. В данной обстановке возможной угрозы здоровью и материальному благосостоянию люди оказались сосредоточены на базовых потребностях, вынуждены беспокоиться об удовлетворении физиологических потребностей, в частности, обеспечении безопасности.

Обнаружены *различия* на достоверно значимом уровне по следующим шкалам: *эго- и гедонистичекое благополучие*.

Как мы видим в таблице 6, средние значения *эго-благополучия* у казахов выше, чем у русских (3,67 против 3,41 балла, $p = 0{,}000$, $d = 0{,}3$), что свидетельствует о более высокой степени удовлетворенности собой у казахов по сравнению с русскими, в том числе, удовлетворенности своим характером, внешностью, а также о большей уверенности в себе, самосогласованности

личности. Это, возможно, объясняется выраженным этническим самосознанием казахов [131], когда усвоение традиций, норм и ценностей этноса способствует принятию своих этнических и личностных особенностей через позитивное отношение к своему этносу. Стоит отметить, что удовлетворенность собой – феномен, рассматриваемый преимущественно в аспекте самоотношения [161], поэтому для нас представляется вполне логичным сопоставить наши результаты исследования эго-благополучия с результатами исследований самоотношения. Так, наши данные, с одной стороны, разнятся с результатами исследования Л. Е. Тарасовой [134], в котором были изучены психологические аспекты самоотношения как компонента субъективного благополучия личности русской и казахской молодежи города Саратов, где автор делает вывод об общем позитивном самоотношении всех респондентов, независимо от их этнической принадлежности. С другой стороны, наши данные соответствуют результатам этого же исследования, согласно которым, в группе этнических казахов выше показатель принятия себя, а в группе русских выше показатель непринятия себя.

Несмотря на одинаково низкий ранг *гедонистического благополучия* в структуре субъективного благополучия обеих групп, тем не менее у казахов получен более высокий балл по данной шкале по сравнению с русскими (3,30 против 2,91 балла, $p = 0,000$, $d = 0,4$). Это означает, что у казахов выше степень удовлетворения базовых потребностей – в безопасности, приемлемых жилищных условиях, доходе и экологических условиях проживания, чем у русских. В науке уже известны данные о культурной обусловленности таких параметров субъективного благополучия, как удовлетворенность условиями жизни и удовлетворенность жизнью в целом [131; 132]. А именно, доказано, что орентация на коллективистские ценности способствуют усилению ощущения собственного благополучия и удовлетворенности условиями жизни [132]. Исходя из этого, мы предполагаем, что более высокий уровнь гедонистического благополучия у казахстанской, чем российской молодежи, объясняется приверженностью казахов групповым ценностям [36; 103; 107; 108; 110; 112]. Так, при возникновении финансовых проблем, проблем с жильем у молодых казахов

родственники, родители, близкие люди приходят на помощь. Часто студенты, приезжающие из сел или других городов на учебу, живут не в общежитиях или съемных квартирах, а у родственников. Все это работает как негласное правило среди казахов, оказывать взаимопомощь, взаимовыручку друг другу. В культуре же русских преобладают индивидуалистические ценности [103; 107; 108; 110; 159; 162], что предполагает полную личную ответственность за себя, за свои действия. Соответственно молодые люди в большинстве случаев самостоятельно справляются с возникающими проблемами, в том числе и материального плана.

В то же время, как подчеркивает М. В. Григорьева [24] удовлетворенность жилищными условиями и материальным положением представителей и казахского, и русского этноса одинаково низкая. Вероятно, это расхождение связано с тем, что в исследовании автора респондентами были казахи, проживающие в инокультурном окружении на территории России, тогда как в нашем исследовании – казахи, проживающие среди представителей своей культуры, на территории Казахстана. Кроме этого, М. В. Григорьева [24] исследовала только удовлетворенность потребностями в благоприятных жилищных условиях и материальном благополучии. Тогда как, помимо удовлетворенности этих потребностей, в гедонистическое благополучие входят еще удовлетворенность потребности в безопасности и потребность в благоприятных экологических условиях.

Можно выделить различия на уровне тенденции в ощущении *социально-нормативного благополучия* между казахстанской и российской молодежью (3,78 против 3,90 балла, $p = 0,064$). Российская молодежь по сравнению с казахстанской более удовлетворена результатами своих действий, направленных на достижение собственного благополучия, в большей мере ощущает насыщенность событиями и наполненность смыслами жизни.

Стоит отметить, что различия в средних значениях по *интегративной шкале* у казахов и русских статистически значимы (3,63 против 3,50 балла, $p = 0,031$, $d = 0,3$) и свидетельствуют об ощущении субъективного благополучия в большей степени казахами, чем русскими. Наши результаты подтверждаются данными

исследований других авторов. Так, Н. П. Нарбут, И. В. Троцук [83; 84;] доказали, что казахстанская молодежь по сравнению с российской молодежью более оптимистично смотрит в будущее, довольна жизнью, менее тревожна. В то же время среди российской молодежи наблюдаются одновременное снижение жизнеутверждающих настроений и увеличение депрессивных состояний [20]. Объяснения различиям в ощущении субъективного благополучия мы находим в полученных нами данных о большей значимости ценностей конформизма и традиции, составляющие метаценность Сохранения, для представителей титульной нации Казахстана по сравнению с представителями титульной нации России. Известно, что большая направленность на коллективистские ценности, проявляющаяся в поддержке родными, друзьями друг друга, тесных семейно-родственных связях, больший традиционализм дают чувство стабильности, спокойствия, меньшей тревоги и обуславливают ощущение субъективного благополучия [131; 132].

Для анализа уровня субъективного благополучия и его компонентов казахстанской и российской молодежи в зависимости от пола, мы проранжировали средние значения по всем шкалам, начиная с высоких показателей (Приложение В, таблица 7). Обнаружены наиболее высокие значения по шкале социально-нормативное благополучие среди девушек и юношей из Казахстана и России, а самые низкие – по шкале гедонистическое благополучие. При этом, обнаружены различия между юношами Казахстана и России, девушками Казахстана и России в ощущении гедонистического благополучия (юноши: 3,54 против 3,03 балла, $p = 0,002$, $d = 0,5$; девушки: 3,24 против 2,88 балла, $p = 0,000$, $d = 0,4$), эго-благополучия (юноши: 3,78 против 3,51 балла, $p = 0,057$, $d = 0,3$; девушки: 3,64 против 3,38 балла, $p = 0,001$, $d = 0,3$). Так, девушки и юноши казахской национальности в большей степени ощущают удовлетворенность базовых потребностей, более уверенны в себе, удовлетворены своей внешностью и собственным характером по сравнению с девушками и юношами русской национальности. Более того, в группе юношей наблюдаются различия в средних значениях экзистенциально-деятельностного благополучия

(3,81 против 3,54 балла, p = 0,052, d = 0,3) и по интегративной шкале – субъективному благополучию (3,77 против 3,51 балла, p = 0,048, d = 0,3). Согласно данным результатам, юноши-казахстанцы в большей степени, чем юноши-россияне, удовлетворены результатами прилагаемых ими усилий для достижения собственного благополучия, насыщенностью событиями жизни и чувствуют себя более благополучными. А в выборке девушек, обнаружено, что у девушек россиянок более выражено социально-нормативное благополучие по сравнению с девушками казашками (3,92 против 3,75 балла, p = 0,023, d = 0,2), свидетельствующее об ощущении большей согласованности поведения и поступков с социальными нормами российскими, чем казахстанскими девушками.

При сравнении средних значений субъективного благополучия и его компонентов между казахстанскими девушками и юношами (Приложение В, таблица 8), установлено, что гедонистическое благополучие более выражено у юношей-казахов, по сравнению с девушками-казашками (3,54 против 3,24 балла, p = 0,029, d = 0,3), свидетельствующее о большей удовлетворенности юношей, чем девушек, условиями жизни, получаемыми доходами и безопасностью. И у девушек, и у юношей из всех компонентов субъективного благополучия наиболее выражено социально-нормативное благополучие (3,75 балла у девушек, 3,88 балла у юношей), а наименее – гедонистическое благополучие (3,24 балла у девушек, 3,54 балла у юношей).

В российской выборке различий в ощущении субъективного благополучия между юношами и девушками не обнаружено (Приложение В, таблица 9). Согласно ранжированию выраженности компонентов субъективного благополучия, получены наиболее высокие показатели социально-нормативного благополучия одинаково у девушек и юношей (3,92 балла у девушек, 3,84 балла у юношей), и самые низкие показатели по компоненту гедонистическое благополучие (2,88 балла у девушек, 3,03 балла у юношей).

Сравнительный анализ институционального доверия казахов и русских. В таблице 7 представлены результаты исследования институционального доверия

казахстанской и российской молодежи, дан сравнительный анализ степени доверия институтам власти у казахстанцев и россиян.

Таблица 7. Средние значения институционального доверия и его компонентов казахов и русских (N = 760)

Переменные	Казахи (N=364)			Русские (N=396)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Доверие президенту	**3,42**	1,44	1	2,42	1,42	2	**0,000**	**0,7**
Доверие правительству	**3,20**	1,43	4	2,33	1,28	6	**0,000**	**0,6**
Доверие акиму/губернатору	**3,17**	1,41	5,5	2,37	1,24	5	**0,000**	**0,6**
Доверие местным властям	**3,17**	1,45	5,5	2,39	1,24	4	**0,000**	**0,6**
Доверие полиции	**3,26**	1,41	3	2,47	1,26	1	**0,000**	**0,6**
Доверие правосудию	**3,28**	1,43	2	2,41	1,29	3	**0,000**	**0,6**
Интегративная шкала								
Институциональное доверие	**3,25**	1,32		2,40	1,16		**0,000**	**0,7**

Согласно результатам проведенного исследования уровень институционального доверия казахстанцев и россиян различен (Таблица 7). Так, доверие казахской молодежи властям выше в сопоставлении с доверием русской молодежи (3,25 против 2,40 балла, $p = 0,000$, $d = 0,7$). Ряд проведенных исследований [83; 84; 11; 131] подтверждает полученные нами данные. В частности, Д. Ф. Терин отмечает несоответствие «состояния российской политической системы ожиданиям граждан, что снижает уровень доверия в обществе» [135, с. 95].

Большее доверие институтам власти казахстанцев, вероятно, объясняется их большей приверженностью ценностям коллективизма (Таблица 5) по сравнению с россиянами [159]. Установлено, что люди, для которых значимы традиционные ценности, отражающие инетересы коллектива, проявляют доверительное отношение к властям [176]. Кроме того, колебания в показателях доверия к институтам власти могут быть обусловлены и степенью значимости метаценности «Самопреодоление». А именно, большая ориентированность русских на

метаценность «Самопреодоление» по сравнению с казахами (4,61 против 4,31 балла, $p = 0,001$, $d = 0,2$) приводит к снижению их доверия властям. Так, значимость для россиян заботы об окружающих, о благополучии общества порождает высокие ожидания оказания поддержки и помощи россиянам со стороны государственных учреждений, которые чаще всего не оправдываются. В совокупности неоправдавшиеся ожидания, важность заботы об обществе россиян и отсутствие поддержки со стороны властей приводят к ослаблению их институционального доверия [70; 99; 100; 144; 255; 261]. Кроме того, доверие властям связано с ощущением субъективного благополучия [40; 133; 141; 264]. Так, низкие показатели субъективного благополучия, выражающиеся в отсутствии ощущения счастья и удовлетворенности жизненными условиями, в некоторой степени, отражают малую вовлеченность государственных органов в работу по улучшению качества жизни населения, что приводит к ослаблению институционального доверия людей [97; 99; 100; 174]. Русская молодежь по сравнению с казахской молодежью ощущает себя менее благополучными (3,50 против 3,63 балла, $p = 0,031$, $d = 0,2$), в том числе стоит обратить внимание на один из компонентов субъективного благополучия – гедонистическое благополучие. Согласно полученным нами данным (Таблица 6), молодые россияне испытывают меньшую удовлетворенность жилищными условиями, материальным обеспечением, что вероятно, выступает одним из факторов снижения доверия институтам власти.

Согласно ранжированию показателей доверия определенным институтам власти (Таблица 7), обнаружено, что казахская молодежь больше всего доверяет президенту (3,42 балла), эти данные согласуются с результатами других проведенных исследований, где выделяют доверительное отношение населения к президенту страны [33]. А российская молодежь больше всего доверяет полиции (2,47 балла). Действительно в последние годы наблюдается рост доверия россиян органам полиции [113], что подтверждает полученные нами данные.

В наименьшей степени казахская молодежь доверяет акиму и местным властям (3,17 балла), что, вероятно, связано с приближенностью представителей

данных институтов к народу. Результаты деятельности местных органов власти наиболее ощутимы и видны для населения. Имеющиеся локальные проблемы в регионах местные жители чаще всего связывают с неэффективностью выполнения функциональных обязанностей, пассивностью и коррупцией местных органов власти [99; 100; 147; 148]. Именно акимы и представители местной власти приближены к народу и вступают в непосредственное общение с жителями региона, имеют представление об их социальных ожиданиях и интересах. У представителей местной власти, в том числе и акима имеются большие возможности к формированию базиса социального доверия [148]. Согласно выводам зарубежных авторов, доверие населения к местной власти формируется и укрепляется в условиях эффективной работы муниципалитетов, открытости и прозрачности их деятельности [261], а также проведения действенной экономической политики в регионе [263].

Русская молодежь в наименьшей степени доверяет правительству (2,33 балла) (Таблица 7). Правительство представляет собой важный исполнительный орган власти, и имеющиеся проблемы страны молодые люди связывают с неэффективностью работы данного органа власти. Вероятно, этим обусловлено наименьшее доверие к правительству. Кроме того, установлено, что правительству не доверяют менее богатые слои населения, а наши респонденты представлены студентами, которые в силу своего социального статуса еще не имеют устойчивого материального положения [135].

Результаты сравнения средних показателей институционального доверия казахстанской и российской молодежи в зависимости от пола (Приложение В, таблица 10), показали, что казахстанские юноши и девушки больше доверяют институтами власти по сравнению с россиийскими юношами и девушками (юноши: 3,35 против 2,32 балла, $p = 0,000$, $d = 0,9$; девушки: 3,22 против 2,43 балла, $p = 0,000$, $d = 0,6$). Согласно рангам показателей компонентов институционального доверия, казахстанские юноши и девушки, а также юноши-россияне больше всего доверяют президенту. Что согласуется с выводами О. А. Александровой, указавшая на наличие двух полюсов доверия среди

населения «ближнему кругу и Главе государства» [4]. А наименьшее доверие российские юноши и девушки и казахстанские юноши выражают к правительству. Кроме того, казахстанские юноши и девушки меньше всего доверяют акиму, а казашки девушки – и местным властям.

Проведенный анализ степени выраженности институционального доверия девушек и юношей в казахстанской выборке (Приложение В, таблица 11), показал, что различий в доверии представителям власти девушек казашек и юнош казахов нет. Установлено, что казахстанские как юноши, так и девушки больше всего доверяют президенту страны (3,54 балла у юношей, 3,38 балла у девушек), а меньше всего девушки доверяют акиму (3,13 балла) и местным властям (3,13 балла), а юноши – полиции (3,27 балла).

В степени институционального доверия девушек-россиянок и юнош-россиян различий не обнаружено (Приложение В, таблица 12). При этом, ранжирование средних показателей доверия отдельным институтам власти, получено, что больше всего девушки-россиянки доверяют полиции (2,52 балла), а юноши-россияне – президенту (2,41 балла). А наименьшее доверие молодые россияне испытывают к правительству страны (2,36 балла у девушек, 2,25 балла у юношей).

Сравнительный анализ степени выраженности надежды казахов и русских на помощь близких за границей и на родине. С целью определения степени выраженности надежды казахстанской и российской молодежи на получение помощи от родственников и друзей, проживающих на родине и за границей, был проведен сравнительный анализ ее средних показателей (Таблица 8).

Надежда на получение помощи и поддержки со стороны родителей и близкого окружения в нынешней стране проживания у казахской и русской молодежи выражена в одинаковой степени (Таблица 8). К тому же выраженность надежды на помощь родных достигает высоких значений и в казахстанской, и в российской выборках (3,98 балла у казахов, 4,09 балла у русских из 5).

Таблица 8. Сравнение средних значений выраженности надежды на получение помощи от близких казахов и русских

Переменные	**M**	**SD**	**M**	**SD**	Уровень значимости	d Коэна
	Казахи (N=206)		Русские (N=224)			
Надежда на помощь близких за границей	3,38	1,90	3,13	1,88	0,075	0,2
	Казахи (N=364)		Русские (N=396)			
Надежда на помощь близких на родине	3,98	1,33	4,09	1,22	0,222	0,1

Объяснение полученным результатам мы находим в том, что и в Казахстане, и в России среди родственников выстраиваются достаточно близкие и тесные семейно-родственные отношения, которые важны и ценны для молодых казахстанцев и россиян [83; 84; 91; 102; 104; 105; 109; 114]. И в случае необходимости помощи, испытания затруднительной ситуации в жизни казахская и русская молодежь ожидает поддержки со стороны, прежде всего, близкого окружения: семьи, родственников, близких друзей [83; 84]. Кроме того, достаточно сильная выраженность надежды молодежи Казахстана и Росии на получение поддержки от их близких и родственников объясняется и возрастом молодых казахстанцев и россиян. Известно, что люди в молодом возрасте в сравнении с людьми в среднем и старшем возрастах чаще нуждаются в помощи от родственников, семьи и выражают веру на ее получение [123]. Ведь, молодежь в большинстве своем в силу своего возраста, социального положения частично зависима от родителей, так как еще не имеет стабильности в финансово-материальном, социальном плане и не в полной мере самостоятельна [51; 86].

Сравнительный анализ средних показателей надежды на помощь родственников из-за рубежа показал, что степень выраженности надежды на получение поддержки от близких за границей казахской и русской молодежи без значимых различий (Приложение В, таблица 13). Вместе с тем степень выраженности надежды на получение помощи от родственников и друзей из-за рубежа превышает средние значения (3,38 балла у казахов, 3,13 балла у русских из 5). Так, для молодых казастанцев и россиян важно понимать, что близкие

люди, находящиеся за границей в необходимый для них момент придут на помощь, посодействуют в решении вопросов, касающиеся эмиграции. Выраженность надежды молодых казахов и русских на получение поддержки от родственников из-за границы обусловлено, во-первых, особенностями возраста молодых людей и их социального положения, о чем мы говорили ранее. Во-вторых, молодым людям в условиях планирования переезда за границу важно и необходимо ощущать эмоциональную поддержку и знать, что в сложный момент в эмиграции будут люди, на которых можно положиться [154]. Ведь, эмиграция трудоемкий процесс, влекущий за собой изменение образа жизни и требующий не только материальной и информационной, но и эмоционально-психологической подготовки.

Сравнительный анализ степени выраженности надежды на оказание помощи за границей и на родине в зависмости от пола показал (Приложение В, таблицы 13, 14, 15), что как казахстанские, так и российские девушки и юноши в одинаковой мере надеются на помощь ростенников, близких друзей как внутри своих стран, так и за их пределами.

2.4. Эмпирическая проверка теоретической модели системы социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи

В соответствии с теоретической моделью исследования факторов эмиграционной установки была построена эмпирическая модель и проверена с помощью мультигруппового моделирования структурными уравнениями (MGSEM) посредством программы AMOS 26.00. В качестве детерминант эмиграционной установки мы представляем систему факторов, включающую метаценности «Сохранение», «Открытость изменениям», «Самопреодоление», «Самоутверждение»; институциональное доверие; надежду на помощь близких; субъективное благополучие.

При тестировании модели социально-психологических факторов эмиграционных установок производился контроль социально-демографических переменных. На первом этапе был выполнен множественный регрессионный анализ отдельно на каждой выборке, в котором возраст, пол и уровень образования представлены как независимые переменные, а 4 метаценности, субъективное благополучие, институциональное доверие и их компоненты, надежда на помощь близких на родине и за границей, эмиграционная установка – как независимые переменные (Приложение Г, таблица 1).

Данные таблицы 1 из приложения Г показывают наличие ряда значимых связей социально-демографических параметров с эмиграционной установкой и ее предикторами. Выделены схожие связи **возраста** *казахстанцев и россиян* с одними и теми же предикторами эмиграционных установок. Так, с возрастом и казахстанских, и российских респондентов отрицательно связана ценность стимуляции (казахи: $\beta = -0{,}107$, $p = 0{,}042$; русские: $\beta = -0{,}101$, $p = 0{,}044$), что говорит о снижении стремления к новизне, полноте переживаний жизненных ощущений по мере повышения возраста респондентов. Кроме того, возраст казахстанцев и россиян предопределяет доверие президенту (казахи: $\beta = -0{,}141$, $p = 0{,}007$; русские: $\beta = -0{,}176$, $p = 0{,}000$), а именно, прослеживается утрата доверия президенту по мере повышения возраста респондентов. Эго-благополучие тоже связано с возрастом и казахстанцев ($\beta = -0{,}112$, $p = 0{,}033$) и россиян ($\beta = 0{,}134$, $p = 0{,}008$), однако характер этих связей различен. Если с увеличением своего возраста казахи теряют уверенность в себе, не удовлетворены своей внешностью и проявлением своего характера, то русские, напротив, – чувствуют самосогласованность и удовлетворенность собой. Помимо этого, возраст казахов и русских обуславливает ощущение гедонистического благополучия. Отрицательная связь гедонистическое благополучия казахов ($\beta = -0{,}190$, $p = 0{,}000$) с возрастом, говорит о снижении степени удовлетворенности казахстанцев условиями проживания, уровнем дохода, экологической ситуацией в месте жительства, в безопасности по мере повышения их возраста. Обратное явление наблюдается у русских, конкретнее, увеличение возраста способствует

ощущению удовлетворенности условиями жизни, получаемым доходом и чувством безопасности, о чем свидетельствует обнаруженная положительная связь гедонистического благополучия россиян с их возрастом (β = 0,140, p = 0,005). Так, изменения в ощущении субъективного благополучия связаны с увеличением возраста респондентов, которые выражаются у казахстанцев в ухудшении ощущения субъективного благополучия (β = -0,112, p = 0,032), а у россиян, напротив, в чувстве удовлетворенности собственным благополучием (β = 0,148, p = 0,003).

Только в *казахстанской выборке* обнаружены отрицательные связи возраста казахов с доверием правительству (β = -0,118, p = 0,024), местным властям (β = -0,174, p = 0,001), полиции (β = -0,220, p = 0,000), правосудию (β = -0,269, p = 0,000), и в целом институтам власти (β = -0,197, p = 0,000), свидетельствующие о снижении доверия правительству, местным властям, полиции, правосудию, институтам власти по мере увеличения возраста респондентов. А доверие акиму, напротив, укрепляется по мере повышения возраста казахстанцев, на что указывает выявленная положительная связь возраста с доверием казахов акиму (β = -0,167, p = 0,001). Подобных связей в российской выборке не обнаружено.

У респонденов только *российской выборки* обнаружена положительная связь возраста с ценностью самостоятельности (β = 0,105, p = 0,036), свидетельствующая, что россияне с увеличением возраста предпочитают быть независимыми и выделяют значимость свободы в мыслях и действиях. Кроме того, по мере увеличения возраста россияне все меньше надеются на оказание помощи родными и близким их окружением, на что указывает обнаруженная отрицательная связь возраста с надеждой на помощь близких за границей (β = -0,108, p=0,032) и на родине (β = -0,107, p = 0,033). Положительная связь возраста респондентов российской выборки с их эмоциональным благополучием, (β = 0,121, p = 0,016), экзистенционально-деятельностным благополучием (β = 0,112, p = 0,025) и социально-нормативным благополучием (β = 0,113, p = 0,025) показывает, что по мере повышения возраста русская молодежь

чувствуют себя счастливой, прибывает в хорошем расположении духа и испытывает эмоциональное воодушевление, их жизнь наполнена смыслами и событиями. Кроме того, она испытывает чувство согласованности своих поступков с социальными и собственными нормами. Касательно связи возраста с эмиграционными установками российской молодежи (β = -0,189, p = 0,000), определено что по мере повышения возраста респондентов выраженность установок на эмиграцию снижается.

Далее представлены результаты регрессионного анализа, отражающие изменения выраженности эмиграционной установки и ее предикторов в зависимости от **пола**. В выборке *казахстанцев* обнаружено, что юноши более привержены ценностям конформизма (β = -0,166, p = 0,001) и традиции (β = -0,133, p = 0,011) по сравнению с девушками, о чем свидетельствуют, полученные отрицательные связи вышеупомянутых ценностей с полом респондентов. А обнаруженная в выборке казахстанской молодежи отрицательная связь пола с гедонистическим благополучием (β = -0,115, p = 0,029), указывает на меньшую удовлетворенность безопасностью, условиями проживания, уровнем дохода, экологической ситуацией в месте жительства девушек по сравнению с юношами.

В *российской выборке* обнаружена положительная связь пола с метаценностями «Открытость изменениям» (β = 0,122, p = 0,015) и «Самопреодоление» (β = 0,108, p = 0,031), которая говорит о большем стремлении к независимости, получению нового опыта и заботе о благе окружающего мира русских девушек по сравнению с юношами.

При эмпирической проверке влияния **уровня образования** на выраженность эмиграцонной установки и ее прдикторов, в *казахстанской выборке* подобных корреляций не обнаружено.

В *российской выборке* с уровнем образования респондентов положительно связаны субъективное благополучие (β = 0,117, p = 0,020), в частности, эмоциональное благополучие (β = 0,121, p = 0,016), экзистенционально-деятельностное благополучие (β = 0,108, p = 0,032). То есть с повышением уровня образования у русской молодежи усиливается ощущение благополучия, в

частности, молодые люди смотрят на жизнь более оптимистично, чувствуют воодушевление, испытывают счастье, наряду с чем, жизнь воспринимается молодыми людьми как более насыщенная событиями и смыслами. Обнаруженная отрицательная связь уровня образования русских с надеждой на помощь близких на родине ($\beta = -0{,}114$, $p = 0{,}024$), означает, что с повышением уровня образования молодых людей снижается выраженность надежы на получение помощи от близких и друзей, проживающих на родине.

С целью контроля дисперсии, определяемой переменными в модели, был проведен второй этап тестирования модели. На данном этапе выполнен множественный регрессионный анализ, где в качестве зависимых переменных поочередно представлены метаценности, субъективное благополучие, институциональное доверие, надежды субъекта на помощь близких и, собственно, эмиграционная установка, а независимыми переменными выступили социально-демографические характеристики выборки – пол, возраст и уровень образования. После чего отдельно были сохранены нестандартизированные регрессионные остатки всех переменных, использованных в модели, представляющие собой переменные, очищенные от дисперсии, определяемой полом, возрастом и уровнем образования респондентов. Данные переменные были использованы в последующих расчетах.

Была построена универсальная модель для обеих стран: Казахстана и России (Рисунок 4), согласованность которой проверена с помощью мультигруппового моделирования структурными уравнениями (MGSEM) посредством программы AMOS 26.00.

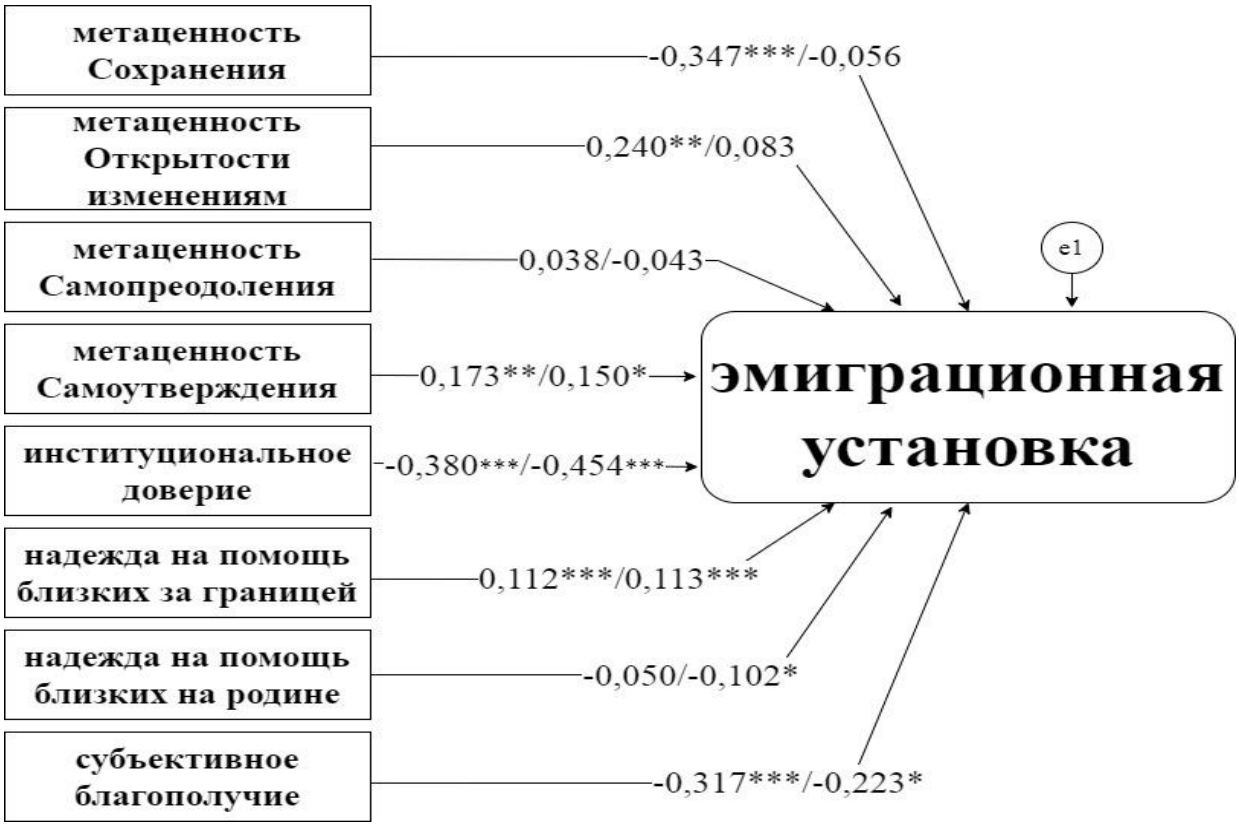

Рисунок 4. Модель системы факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи (казахстанская молодежь / российская молодежь): «*» – p < 0,05; «**» – p < 0,01; «***» – p < 0,001

Оценка приемлемости модели производилась в соответствии с требуемыми критериями: CMIN/DF, отражающий адекватность значения χ2, который в нашей модели равен 18,854. CMIN/DF = 1,885 и находится в диапазоне от 1 до 3, что считается хорошим значением [211]. Значение критерия CFI (Comparative Fit Index) равное 0,997 свидетельствует об отличном соответствии, согласно исследователям максимальное значение CFI может достигать 1 [205]; RMSEA = 0,034, что говорит о хорошем соответствии, считается, что чем меньше значения критерия RMSEA (Root Mean Square Error of Approximation), тем лучше согласие оцениваемой модели эмпирическим данным; значение PCLOSE выше 0,05 и равен 0,854 (p of Close Fit) – из чего делается вывод, что теоретическая модель близка к эмпирической.

С учетом вышеописанных критериев, модель, разработанная с учетом влияния социально-демографических характеристик респондентов, имеет

хорошие показатели пригодности (Таблица 9): $\chi 2 = 18,854$; $df = 10$; $CMIN/DF = 1,885$; $p = 0,042$; $CFI = 0,997$; $RMSEA = 0,034$; $PCLOSE = 0,854$. Что свидетельствует о соответствии эмпирической модели теоретической ($1 < CMIN/DF < 3$; $CFI > 0,90$; $RMSEA < 0,05$; $PCLOSE > 0,50$).

Таблица 9. Показатели пригодности модели в оответствии с требуемыми критериями

CMIN/df	CFI	RMSEA	PCLOSE
Требуемые критерии			
1 < CMIN/DF < 3	CFI > 0,90	RMSEA < 0,05	PCLOSE > 0,50
Полученные показатели			
1,885	0,997	0,034	0,854

Перед сравнением связей изучаемых факторов с эмиграционными установками казахов и русских, необходимо убедиться, что используемые нами методики обладают измерительной инвариативностью. Так как общие показатели тестируемой модели хорошие, мы можем говорить о наличии конфигуральной инвариативности модели (Таблица 10). Что указывает на идентичность структуры измерительного конструкта в казахстанской и российской выборках.

Таблица 10. Результаты мультигруппового моделирования структурными уравнениями

Группы	Инвариантность	CMIN/df	RMSEA	CFI	ΔCFI	TLI	AIC	PCLOSE
(казахи, русские)	Configural	1,885	0,034	0,997		0,970	214,854	0,854
	Metric	1,461	0,025	0,997	0,000	0,985	206,298	0,988
	Scalar	1,384	0,022	0,997	0,000	0,987	204,298	0,994

Примечание: χ^2 – хи-квадрат, df – степень свободы, RMSEA – среднеквадратичная ошибка, CFI – сравнительный индекс соответствия, TLI – индекс Такера – Льюиса, SRMR – стандартизованный среднеквадратичный остаток.

Иными словами, респонденты обеих групп вкладывают одинаковое содержание в измеряемый конструкт. Однако оценка только конфигуральной инвариативности недостаточна, чтобы говорить о корректности сравнения показателей между разными группами. Помимо конфигуральной, нами

представлены (Таблица 10) значения метрической и скалярной инвариативности. О наличии метрической и скалярной инвариативности можно говорить, если Δ CFA не превышает 0,01. Так, имеющаяся метрическая инвариативность свидетельствует о том, что все вопросы в анкете респондентами из Казахстана и из России понимались одинаково.

Наличие измерительной инвариативности показывает, что методический инструментарий одинаково работает на обеих выборках. Значит сравнение связей метаценностей, субъективного благополучия, институционального доверия, выраженность надежды на получение помощи от родственников на родине и за границей с эмиграционными установками казахской и русской молодежи обоснованно.

Поскольку тестируемая модель соответствует требуемым эмпирическим показателям, исходное предположение о предикции эмиграционных установок системой социально-психологических факторов, функционирующих на трех уровнях взаимодействия личности с социумом, считается верным. Опираясь на полученные эмпирические данные, мы утверждаем, что комплекс факторов эмиграционных установок казахской и русской молодежи, включает в себя на макроуровне метаценности «Сохранение», «Открытость изменениям», «Самоутверждение», на мезоуровне – инситуциональное доверие и надежда на помощь близких на родине/за границей, на микроуровне – субъективное благополучие (Рисунок 4). При этом, факторами эмиграционных установок ***казахской молодежи*** выступают (Рисунок 4, приложение Д, таблица 1) на макроуровне – направленность на метаценности «Самоутверждение» (β = 0,173, p = 0,009) и «Открытость изменениям» (β = 0,240, p = 0,006), снижение значимости метаценности «Сохранение» (β = -0,347, p = 0,000), на мезоуровне - снижение уровня институционального доверия (β = -0,380, p = 0,000) и выраженность надежды на помощь близких за границей (β = 0,112, p = 0,000), на микроуровне – снижение уровня субъективного благополучия (β = -0,317, p = 0,000). Факторами эмиграционных установок ***русской молодежи*** выступают (Рисунок 4, приложение Д, таблица 1) на макроуровне направленность на

метаценность «Самоутверждение» (β = 0,150, p = 0,038), на мезоуровне – снижение уровня институционального доверия (β = -0,454, p = 0,000), снижение выраженности надежды на помощь близких на родине (β = -0,102, p = 0,044) и повышение выраженности надежды на получение поддержки от родных и друзей за границей (β = 0,113, p = 0,000), на микроурвоне – снижение уровня субъективного благополучия (β = -0,223, p = 0,016). Подробная и полная интепретация полученных результатов представлена в параграфе 2.5.

Эмпирическая проверка модели системы социально-психологических факторов компонентов эмиграционной установки. Обнаруженные различия в комплексе факторов эмиграционных установок казахской и русской молодежи, побудили нас провести дополнительное исследование связей метаценностей, институционального доверия, надежды на помощь близких, субъективного благополучия не только с интегральным показателем «эмиграционной установкой», но и с ее компонентами: установкой субъекта, установкой близких и ожиданий близких. Что будет способствовать более полному и глубокому пониманию особенностей соотношения факторов эмиграционных установок казахской и русской молодежи.

Разработанная модель системы факторов компонентов эмиграционных установок была протестирована с учетом влияния социально-демографических характеристик респондентов: возраста, пола и уровня образования. На первом этапе был проведен множественный регрессионный анализ отдельно на каждой выборке, в котором независимыми переменными выступили возраст, пол и уровень образования, а зависимыми – поочередно компоненты эмиграционной установки: установка субъекта, установка близких, ожидания близких. Так как регерессионный анализ социально-демографических параметров с предкиторами эмиграционных установок проведен ранее (Приложение Г, таблица 1) и его результаты описаны выше, ниже представлены результаты обнаруженных связей возраста, пола и уровня образования только с компонентами эмиграционной установки.

При анализе влияния социально-демографических характеристик молодежи на компоненты эмиграционной установки (Приложение Г, таблица 2), в казахстанской выборке обнаружена единственная связь: установка субъекта ($\beta = 0{,}118$, $p = 0{,}024$) коррелирует с полом респондентов. Это свидетельствует о большей выраженности устремлений сменить страну проживания среди казахстанских юношей, чем девушек. А в российской выборке выраженность компонентов эмиграционной установки не зависит от пола молодых людей. В то время как с возрастом российской молодежи связаны все компоненты эмиграционной установки. А именно, по мере увеличения возраста респондентов наблюдается снижение выраженности установок субъекта ($\beta = -0{,}264$, $p = 0{,}000$) и близких ($\beta = -0{,}106$, $p = 0{,}035$) на эмиграцию и ожиданий ближайшего окружения от респондентов переезда за границу ($\beta = -0{,}139$, $p = 0{,}006$). Кроме того, обнаружена связь установки субъекта с уровнем образования молодых россиян ($\beta = -0{,}142$, $p = 0{,}005$), означающая, что повышение уровня образования российской молодежи приводит к снижению их собственных установок на переезд за пределы родной страны проживания.

С целью контроля дисперсии, определяемой переменными, включенными в модель, был проведен второй этап тестирования модели. На данном этапе выполнен множественный регрессионный анализ, где в качестве зависимых переменных поочередно представлены метаценности, субъективное благополучие, институциональное доверие, надежды субъекта на помощь близких и, собственно, компоненты эмиграционной установки: установка субъекта, установка близких, ожидания близких, а независимыми переменными выступили социально-демографические характеристики выборки – пол, возраст и уровень образования. После чего отдельно были сохранены нестандартизированные регрессионные остатки всех переменных, очищенные от дисперсии, определяемой полом, возрастом и уровнем образования респондентов. Данные переменные были использованы в последующих расчетах.

Была разработана модель для обеих стран: Казахстана и России (Рисунок 5), согласованность которой проверена с помощью мультигруппового

моделирования структурными уравнениями (MGSEM) посредством программы AMOS 26.00.

Рисунок 5. Модель системы социально-психологических факторов компонентов эмиграционной установки казахстанской и российской молодежи (казахстанская молодежь / российская молодежь):
«*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$; «***» – $p < 0,001$

Модель, разработанная с учетом контроля влияния социально-демографических характеристик респондентов: пола, возраста, уровня образования, имеет хорошие показатели пригодности (Таблица 11): $\chi 2 = 22,158$, $df = 10$, CMIN/DF = 2,216; $p = 0,014$; CFI = 0,997; RMSEA = 0,040; PCLOSE = 0,741. Что свидетельствует о соответствии эмпирической модели теоретической ($1 < CMIN/DF < 3$; $CFI > 0,90$; $RMSEA < 0,05$; $PCLOSE > 0,50$).

Таблица 11. Показатели пригодности модели в соответствии с требуемыми критериями

CMIN/df	CFI	RMSEA	PCLOSE
Требуемые критерии			
1 < CMIN/DF < 3	CFI > 0,90	RMSEA < 0,05	PCLOSE > 0,50
Полученные показатели			
2,216	0,997	0,040	0,741

Перед сравнением полученных связей социально-психологических факторов с компонентами эмиграционных установок казахстанцев и россиян, необходимо удостовериться, что использованные нами методики обладают измерительной инвариативностью. Исходя из хороших общих показателей проверяемой модели, мы делаем вывод о наличии конфигуральной инвариативности модели (Таблица 12). О роли и значении конфигуральной инвариативности в сравнительном анализе мы писали выше. Однако для сравнения связей переменных между разными группами недостаточно оценки только конфигуральной инвариативности, поэтому дополнительно представлены значения (Таблица 12) метрической инвариативности. Δ CFA не превышает 0,000, что говорит о наличии метрической инвариативности, свидетельствующей об одинаковом понимании смысла вопросов в анкете респондентами из Казахстана и из России.

Таблица 12. Результаты мультигруппового моделирования структурными уравнениями

Группы	Инвариантность	CMIN/df	RMSEA	CFI	ΔCFI	TLI	AIC	PCLOSE
(казахи, русские)	Configural	2,216	0,040	0,997		0,966	310,158	0,741
	Metric	1,381	0,022	0,997	0,000	0,989	286,941	1,000

Опираясь на наличие измерительной инвариативности, считаем, что сравнение связей метаценностей, субъективного благополучия, институционального доверия, надежды на помощь близких с компонентами эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи обоснованно.

В ходе сравнительного мультигруппового анализа были получены факторы, коррелирующие с выраженностью определенных компонентов эмиграционных

установок молодежи: установкой субъекта, установкой близких, ожиданиями близких (Рисунок 5).

Обнаружено, что доверие казахстанской и российской молодежи представителям власти связано со всеми компонентами установок к эмиграции: установкой субъекта (казахи: β = -0,460, p = 0,000; русские: β = -0,546, p = 0,000), установкой близких (казахи: β = -0,330, p = 0,000; русские: β = -0,401, p = 0,000), ожиданиями близких (казахи: β = -0,351, p = 0,000; русские: β = -0,415, p = 0,000) (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2). Надежда казахстанской и российской молодежи на помощь близких за границей тоже связана со всеми компонентами их установок к эмиграции: установкой субъекта (казахи: β = 0,090, p = 0,007; русские: β = 0,084, p = 0,015), установкой близких (казахи: β = 0,130, p = 0,000; русские: β = 0,134, p = 0,000), ожиданиями близких (казахи: β = 0,115, p = 0,000; русские: β = 0,121, p = 0,000) (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2).

Метаценности «Сохранение» и «Самоутверждение», субъективное благополучие связаны со всеми компонентами эмиграционных установок ***казахской молодежи*** (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2). Метаценность «Открытость изменениям» связана только с собственными установками казахов и ожиданиями близких эмиграционной активности от молодых казахов.

Метаценность «Самоутверждение» и субъективное благополучие ***русской молодежи*** связаны только с их собственными установками на эмигрцию. А выраженность надежды на помощь близких на родине снижают эмиграционные установки ближайшего окружения молодых русских и ожидания эмиграции от потенциального мигранта (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2). Полное описание результатов сравнительного мультигруппового анализа социально-психологических факторов компонентов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи дано в параграфе 2.5.

Регрессионный анализ компонентов социально-психологических факторов эмиграционных установок молодежи. Для глубокого понимания особенностей факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи, с помощью множественного регрессионного анализа определен вклад

компонентов метаценностей (Таблица 13), институционального доверия (Таблица 14) и субъективного благополучия (Таблица 15) в связь данных факторов с установками на эмиграцию молодых людей.

Таблица 13. Регрессионный анализ ценностей как факторов эмиграционных установок казахов и русских (N = 760)

Независимые переменные **Ценности**	Зависимая переменная – **эмиграционная установка**			
	Казахи (N=364)		Русские (N=396)	
	β	**p**	**β**	**p**
Безопасность	0,039	0,733	-0,041	0,590
Конформизм	**-0,159**	**0,023**	0,008	0,894
Традиция	**-0,264**	**0,001**	0,013	0,834
Благожелательность	**-0,218**	**0,024**	0,064	0,443
Универсализм	0,157	0,107	-0,037	0,665
Самостоятельность	0,040	0,680	0,072	0,335
Стимуляция	0,027	0,794	-0,038	0,551
Гедонизм	0,105	0,260	-0,082	0,268
Достижение	0,129	0,144	-0,078	0,330
Власть	**0,164**	**0,029**	0,110	0,123
R^2	0,146		0,017	

По результатам регрессионого анализа обнаружены связи эмиграционных установок с базовыми ценностями только *в казахстанской выборке* (Таблица 13). В частности, приверженность ценностям конформизма ($\beta = -0,159$, $p = 0,023$, $R^2 = 0,146$) и традиции ($\beta = -0,264$, $p = 0,001$, $R^2 = 0,146$), составляющие метаценность «Сохранение», благожелательности ($\beta = -0,218$, $p = 0,024$, $R^2 = 0,146$), входящей в метаценность «Самопреодоление» удерживает молодых казахстанцев на родине. При этом, следование ценности власти ($\beta = 0,164$, $p = 0,029$, $R^2 = 0,146$), составляющей метаценность «Самоутверждение», побуждает молодых казахов задумываться о смене страны проживания.

Определен вклад компонентов институционального доверия в связь представленного фактора с эмиграционными установками казахстанской и российской молодежи (Таблица 14).

Таблица 14. Регрессионный анализ компонентов институционального доверия как факторов эмиграционных установок казахов и русских (N = 760)

Независимые переменные **Компоненты институционального**	Зависимая переменная – **эмиграционная установка**			
	Казахи (N=364)		Русские (N=396)	
	β	**p**	**β**	**p**
Доверие президенту	**-0,225**	**0,020**	**-0,324**	**0,001**
Доверие правительству	-0,029	0,812	0,045	0,661
Доверие акиму/губернатору	**-0,256**	**0,020**	0,099	0,382
Доверие местным властям	0,137	0,249	**-0,228**	**0,021**
Доверие полиции	0,027	0,810	-0,110	0,221
Доверие правосудию	-0,229	0,065	-0,029	0,751
R^2	0,294		0,246	

Установлено (Таблица 14), что утрата доверия президенту страны *казахской* ($\beta = -0,225$, $p = 0,020$, $R^2 = 0,294$) и *русской* ($\beta = -0,324$, $p = 0,001$, $R^2 = 0,246$) молодежью усиливает выраженность их эмиграционных устремлений. Так, недоверяющая президенту молодежь ориентирована на переезд за границу. Помимо этого, эмиграционные установки *казахской молодежи* детерминированы недоверием акиму ($\beta = -0,256$, $p = 0,020$, $R^2 = 0,294$), а *русской молодежи* – недоверием местной власти ($\beta = -0,228$, $p = 0,021$, $R^2 = 0,246$).

Таблица 15. Регрессионный анализ компонентов субъективного благополучия как факторов эмиграционных установок казахов и русских (N = 760)

Независимые переменные **Компоненты субъективного благополучия**	Зависимая переменная – **эмиграционная установка**			
	Казахи (N=364)		Русские (N=396)	
	β	**p**	**β**	**p**
Эмоциональное благополучие	**-0,388**	**0,009**	**-0,208**	**0,041**
Экзистенциально-деятельностное	**0,336**	**0,035**	0,074	0,474
Эго-благополучие	0,014	0,902	**0,272**	**0,001**
Гедонистическое благополучие	**-0,546**	**0,000**	**-0,417**	**0,000**
Социально-нормативное благополучие	0,187	0,116	-0,106	0,148
R^2	0,220		0,191	

Обнаружено (Таблица 15), что среди как *казахстанской*, так и *российской молодежи* снижение ощущения эмоционального (казахи: $\beta = -0,388$, $p = 0,009$, $R^2 = 0,220$; русские: $\beta = -0,208$, $p = 0,041$, $R^2 = 0,191$) и гедонистического

благополучия (казахи: β = -0,546, p = 0,000, R^2 = 0,220; русские: β = -0,417, p = 0,000, R^2 = 0,191) усиливает выраженность их эмиграционных установок. Означающее, что, стремление эмигрировать молодых казахстанцев и россиян обусловлено падением эмоционального воодушевления и неудовлетворенностью их базовых потребностей. Кроме того, выраженность установок на эмиграцию определяет повышения уровня экзистенциально-деятельностного благополучия *казахстанцев* (β = 0,336, p = 0,035, R^2 = 0,220) и эго-благополучия *россиян* (β = 0,272, p = 0,001, R^2 = 0,191). То есть, устремления сменить страну проживания поддерживается состоянием довольства результатами своих поступков и наполненностью жизни смыслом казахов и уверенностью в себе, ощущением внутренней гармонии русских.

2.5. Интерпретация результатов эмпирического исследования факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи

2.5.1. Анализ системы социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской молодежи

На основе данных проведенного эмпирического исследования была получена система социально-психологических факторов эмиграционных установок казахской молодежи (Рисунок 4, приложение Д, таблица 1)**,** который представлен на макроуровне – ориентацией на метаценности «Открытость изменениям» (β = 0,240, p = 0,006) и «Самоутверждение» (β = 0,173, p = 0,009), снижением значимости метаценности «Сохранение» (β = -0,347, p = 0,000), на мезоуровне – снижением степени инситуционального доверия (β = -0,380, p = 0,000), выраженностью надежды на помощь близких за границей (β = 0,112, p = 0,000), на микроуровне – снижением степени ощущения субъективного благополучия (β = -0,317, p = 0,000).

Обнаружены наиболее сильные отрицательные связи эмиграционных установок с ***институциональным доверием*** (Рисунок 4). Более того, этот фактор

связан со всеми компонентами эмиграционных установок казахской молодежи: установкой субъекта, установкой близких, ожиданиями близких (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2). Так снижение доверия институтам власти ведет к повышению выраженности не только собственных установок (β = -0,460, p = 0,000) респондента, но и – установок его ближайшего окружения (β = -0,330, p = 0,000) и их ожиданий переезда от потенциального мигранта (β = -0,351, p = 0,000). Вероятно, институциональное доверие молодых казахов выступает посредническим фактором установок к эмиграции его ближайшего окружения. То есть низкий уровень институционального доверия самого респондента, отражает не только его позицию по отношению к институтам власти, но и отношение его ближайшего окружения, которое коррелирует с их установками на переезд за границу. Усугибило ситуацию с недоверием населения Казахстана представителям власти распространение коронавирусной инфекции, так введение карантинных мер во время пандемии привело к снижению уровня жизни, доходов большинства населения, дефициту необходимых лекарств, что отражается в снижении институционального доверия общества вдвое, по сравнению с допандемийными временами [16]. На фоне общего недоверия населения институтам власти, логично, что близкие и родные будут ожидать от молодых казахов эмиграционной активности. По-видимому, родственники, семья молодых людей желают им лучшего будущего, повышения их доверия властям, посредством повышения качества и уровня жизни в другой стране.

Обнаружено, что вклад в связь эмиграционных установок молодых казахов с институциональным доверием вносят такие его компоненты, как низкий уровень доверия президенту (β = -0,225, p = 0,020) и акиму (β = -0,256, p = 0,020) (Таблица 14). Так, молодежь, недоверяющая президенту страны и акиму определенного населенного пункта, ориентирована на переезд за границу. Из всех представленных в нашей анкете иститутов власти, только институт президента и акима персонифицированнны и представлены отдельными личностями, что делает их наиболее узнаваемыми среди населения. Более того, аким из всех институтов власти максимально приближен к народу и часто вступает в

непосредственное общение с населением. Такое персонифицированное восприятие президента и акима порождет более требовательное отношение к ним со стороны молодежи и накладывает на эти ступени власти большую ответственность за результаты их деятельности. Вероятно, этим объясняется, что недоверие именно к президенту и акиму сработали как факторы эмиграционных установок казахстанской молодежи. Обычно наибольшей прогностической силой возникновения эмиграционных установок обладает степень недоверия к верхним ступеням власти [37]. Нами же получено, что желание эмигрировать побуждают недоверие не только высшим институтам власти, но и представителям местной власти – акиму. Вероятно, это обусловлено взаимозависимостью принятия решений на уровне президента и исполнением этих решений акимом. Так, казахская молодежь, по результатам неэффективной работы местной власти в лице акима, отражающаяся в неудовлетворенности условиями проживания, делает выводы о несовершенстве и несостоятельности деятельности наивысшего должностного органа – президента. Целостное восприятие работы президента и акима казахской молодежью создает общий образ функционирования всей системы власти Казахстана, недоверие к которой возможно преодолеть, эмигрировав в другую с страну с иным режимом государственного управления.

Отрицательная связь ***субъективного благополучия*** с эмиграционными установками казахстанской молодежи, указывает на то, что неудовлетворенность качеством жизни, внешними и внутренними условиями жизни побуждает молодых казахов к переезду за границу (Рисунок 4). Субъективное благополучие связано со всеми компонентами эмиграционных установок казахстанской молодежи: установкой субъекта (β = -0,364, p=0,000), установкой близких (β = -0,271, p = 0,000), ожиданиями близких (β = -0,316, p=0,000) (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2). Снижение ощущения собственного благополучия молодых казахов приводит к повышению его личных эмиграционных установок. Так, посредством эмиграции, молодые казахи желают достичь повышения качества жизни, улучшить условия проживания, достичь психологического и эмоционального благополучия. Кроме, того, ухудшение ощущения собственного

благополучия молодых казахов стимулирует к возникновению устремлений к переезду за границу его родственников и близких.

Для полного понимания обусловленности связи субъективного благополучия с эмиграционными установками казахстанской молодежи, проанализируем данные регрессионного анализа компонентов субъективного благополучия респондентов как факторов эмиграционных установок. Получено, что вклад в связь субъективного благополучия с эмиграционными установками казахстанской молодежи вносят эмоциональное (β = -0,388, p = 0,009), экзистенциально-деятельностное (β = 0,336, p = 0,035) и гедонистическое благополучие (β = -0,546, p = 0,000) (Таблица 15). Проанализаруем каждый из компонентов по отдельности в связи с установками на эмиграцию молодых казахов. Установлено, что эмиграционные установки молодых казахов отрицательно связаны с эмоциональным благополучием, это говорит о направленности на переезд за границу той части казахстанской молодежи, у которой наблюдается низкий уровень эмоционального благополучия, отражающийся в отсутствии воодушевления и оптимизма в жизни, понижении ощущения радости и счастья. Отрицательная связь эмиграционных установок казахстанской молодежи с гединистическм благополучием, свидетельствует о том, что на эмиграцию ориентированны молодые люди, у которых не удовлетворены базовые потребности – в уровне дохода, приемлемых условиях проживания, экологических условиях жизни, в чувстве безопасности. А с экзистенциально-деятельностным благополучием получена положительная связь, показывающая, что готовы к переезду за границу молодые казахи, которые удовлетворены результатами прилагаемых ими усилий для достижения собственного благополучия и событийно-смысловой насыщенностью жизни. Положительное оценивание своего экзистенциально-деятельностного благополучия характеризует молодых казахов как личностей, удовлетворенных результатами своих действий, что непременно представляет благоприятную среду для осуществления конкретных шагов при планировании эмиграции.

Вероятно, «неблагоприятные» условия жизни, неудовлетворенность в безопасности молодых казахов влечет за собой снижение оптимизма и радости в жизни, все это в комплексе с положительным оцениванием своих сил и возможностей, стремлением к насыщению жизни событиями и смыслами побуждает в казахстанской молодежи желание изменить нынешние условия жизни, которое может реализоваться в смене места жительства.

Из вышеописанного следует, что основным и запускающим фактором (среди компонентов субъективного благополучия) эмиграционных установок казахстанской молодежи выступает гедонистическое благополучие. Подтверждающееся и тем, что наиболее сильные связи установок на эмиграцию среди компонентов субъективного благополучия получены с гедонистическим благополучием ($\beta = -0{,}546$, $p = 0{,}000$) (Таблица 15). Анализируя ощущение гедонистического благополучия респондентов, мы говорим об условиях их проживания, в которых так или иначе находится и их ближайшее окружение. Вероятно, снижение уровня гедонистического благополучия молодых казахов отражает общее недовольство и неудовлетворенность условиями жизни, которые в определенной степени связаны с ограничительными мерами в период распространения коронавирусной инфекции [9]. По этой причине мы наблюдаем детерминированность повышения выраженности эмиграционных установок ближайшего окружения казахстанской молодежи снижением субъективного благополучия молодых людей. Кроме того, ослабление ощущения субъективного благополучия казахстанской молодежи усиливает выраженность ожидания близких и родных эмиграции от молодых казахов (Рисунок 5).

На макроуровне взаимодействия личности с социумом снижение выраженности ***метаценности «Сохранение»*** ($\beta = -0{,}347$, $p = 0{,}000$) повышает эмиграционные установки казахстанской молодежи (Рисунок 4). В частности, уменьшение значимости ценностей конформизма ($\beta = -0{,}159$, $p = 0{,}023$) и традиции ($\beta = -0{,}264$, $p = 0{,}001$) приводят к выраженности установок на эмиграцию молодых казахов (Таблица 13). Так, казахи, для которых менее

значимы самоограничение, следование нормам и традициям, декларируемыми обществом, поддержание стабильности ориентированны на переезд за границу.

Снижение важности метаценности «Сохранение» для казахской молодежи способствует повышению выраженности как собственных эмиграционных установок молодых казахов (β = -0,447, p = 0,000), так и установок (β = -0,226, p = 0,022) и ожиданий (β = -0,367, p = 0,000) их близких и родных (Рисунок 5).

Противопоставлением метаценности «Сохранение» служит ***метаценность «Открытость изменениям»***, выраженность которой, как правило, сочетается со снижением значимости метаценности «Сохранение». Так, одновременное уменьшение важности метаценности «Сохранение» (β = -0,347, p = 0,000) и увеличение выраженности метаценности «Открытость изменениям» (β = 0,240, p = 0,006) казахской молодежи усиливают их эмиграционные установки (Рисунок 4). Означающее, что молодые казахи, открытые новому опыту, стремящиеся к самостоятельности, к получению новых эмоций и наслаждению готовы сменить место жительства. Актуализация ценностей Открытости изменениям (Таблица 4) с одновременным ослаблением значимости ценностей конформизма и традиции (Таблица 5) при планировании эмиграции казахстанской молодежью указывает на их желание сепарироваться от самоограничительных норм общества, проявив самостоятельность и стремление к получению новых знаний и впечатлений. Скорее всего этим и объяснется намерение этнических казахов эмигрировать преимущественно в страны дальнего зарубежья [52], в которых общество существенно отличается казахстанского общества культурными особенностями и превалирующими ценностями. Вероятно, молодые казахи будут выбирать индивидуалистические страны, где можно беспрепятственно реализовать свои ценности Открытости изменениям. Кроме того, приверженность данным ценностям молодых людей будет способствать их благополучной, позитивной и безболезненной интеграции в новое общество.

Значимость метаценности «Открытость изменениям» молодых казахов детерминируют не только их собственные эмиграционные установки (β = 0,418, p = 0,000), но и ожидания эмиграционной активности от казахской молодежи их

близкого окружения (β = 0,232, p = 0,014) (Рисунок 5). По мнению респондента, его родственники и близкие друзья считают, что за пределами Казахстана потенциальному мигранту легче реализовать свои ценности, отражающие стремление к самостоятельности, желание получить новый опыт и впечателния, чем на родине.

Обратим внимание, что по результатам регрессионного анализа связей эмиграционых установок казахстанской молодежи с ценностями самостоятельности, стимуляции, гедонизма, составляющие метаценность «Открытость изменениям», не обнаружено (Таблица 13). А при анализе связей эмиграционных установок с социально-психологическими факторами в целостной системе получено, что метаценность «Открытость изменениям» детерминирует эмиграционнные установки казахстанской молодежи (Рисунок 4). Иными словами, метаценность «Открытость изменениям» изолировано от других предикторов не срабатывает в качестве детерминанты эмиграционных установок. Это указывает на то, что действие других детерминант актуализирует метаценность «Открытость изменениям» в связи с эмиграционными установками. Мы предполагаем, что в ситуации неудовлетворенности условиями проживания, безопасностью в Казахстане и недоверия представителям власти у казахстанской молодежи просыпается желание улучшить качество жизни в родной стране с помощью новых знаний, которые будут получены в предполагаемой эмиграции. Иначе говоря, ухудшение условий жизни в родной стране, недоверие властям запускает стремление казахстанской молодежи к исследованию новшеств за рубежом с целью дальнейшего внедрения новых технологий в Казахстане для повышения качества жизни населения. Наше умозаключение подтверждается результатами исследования казахстанских студентов, обучавшихся в Соединенных Штатах Америки, которые продемонстрировали открытость к модернистскому образованию штатов и выразили намерение использовать полученный опыт для развития родной страны в будущем [12].

Метаценность «Самоутверждение» (β = 0,173, p = 0,009) (Рисунок 4), в частности, ценность власти (β = 0,164, p = 0,029) (Таблица 13) детерминирует

эмиграционные установки казахской молодежи. В то же время, ценность власти казахская молодежь определяет для себя как наименее важную (Таблица 5), означающее, что молодые казахи в меньшей степени руководствуются в жизни данной ценностью. При этом, в контексте эмиграции ценность власти приобретает особую важность. Вероятно, это определено ухудшением социально-экономического положения казахской молодежи в условиях пандемии. Повышение значимости ценности власти усиливает выраженность установок на переезд за границу молодых казахов, указывающее на то, что молодые казахи, стремящиеся к приобретению богатства, престижа, повышения социального статуса, обрести авторитет, желают переехать за рубеж. Материалистическая мотивация казахской молодежи побуждает их к поиску перспектив достижения финансового успеха, определенного авторитета за рубежом. Должно быть, молодые люди воспринимают возможности для достижения материального благополучия в Казахстане как ограниченные или недостаточные для реализации их целей, поэтому решаются на переезд за границу.

Кроме того, метаценность «Самоутверждение» детерминирует помимо собственных установок ($\beta = 0{,}186$, $p = 0{,}013$) на эмиграцию и возникновение установок близких ($\beta = 0{,}174$, $p = 0{,}010$) и родных и их ожидания ($\beta = 0{,}158$, $p = 0{,}029$) по отношению к планам молодых казахов эмигрировать (Рисунок 5). То есть родственники и друзья молодых казахстанцев солидарны с ними в том, что за рубежом для молодежи открывается больше перспектив для реализации своего потенциала и улучшения своего материального положения.

Обнаруженная связь эмиграционных установок казахской молодежи с ***надеждой на помощь близких за границей*** ($\beta = 0{,}112$, $p = 0{,}000$), означает, что молодые казахи с выраженной надеждой на оказание помощи родственниками или друзьями за границей ориентированны на переезд за рубеж (Рисунок 4). Нами установлено, что более 50 % (Таблица 1) молодых казахов имеют близких людей, проживающих за границей, из которых превалирующее большинство (78 %) поддерживает связь со своими родственниками и друзьями из-за рубежа. Кроме того, 35 % молодых казахов когда-либо получали денежные переводы от родных

или друзей, проживающих за рубежом. Все перечисленные факторы, несомненно, подкрепляют ощущение надежды казахской молодежи на получение помощи при планировании или осуществлении эмиграции от близких, проживающих за границей. Так, родные и близкие, находящиеся за рубежом, представляют собой источник проверенной и достоверной информации об эмиграции. Известно, что люди, планирующие переезд в другую страну проживания, чаще всего ориентируются на информацию о потенциальной стране жительства, полученную из проверенных источников, а именно, от знакомых или родственников, проживающих за рубежом. Помимо этого, наличие родственников или друзей в предполагаемой стране эмиграции придает некоторую уверенность и чувство веры в то, что по приезду в новую страну молодые казахстанцы могут получить поддержку и помощь в поиске работы и жилья, установлении связей с новыми людьми, и в целом интеграции в новое общество.

Выраженность надежды на помощь близких за границей детерминирует не только установки самого потенциального мигранта ($\beta = 0{,}090$, $p = 0{,}007$), но и установки на эмиграцию ближайшего окружения молодых казахстанцев ($\beta = 0{,}130$, $p = 0{,}000$), а также и ожидания близких и родных от молодых людей переезда за рубеж ($\beta = 0{,}115$, $p = 0{,}000$) (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2). Вероятно, наличие родственников или друзей, проживающих за границей, дает уверенность и снижает беспокойство и тревогу со стороны близких родственников на родине за молодых казахов, поэтому они ожидают от них эмиграционной активности, тем самым поддерживая намерения казахской молодежи переехать за границу.

Таким образом, компекс факторов эмиграционных установок казахской молодежи представлен снижением значимости метаценности «Сохранение», выраженностью метаценностей «Открытость изменениям» и «Самоутверждение», снижением уровня институционального доверия и субъективного благополучия и выраженностью надежды на помощь близких за границей. В условиях угрозы жизни и здоровью, снижения доходов, вследствие распространения коронавируской инфекции, запускающим и основным фактором эмиграционных

установок молодых казахов выступает субъективное благополучие, в частности, снижение гедонистического благополучия. Негативное восприятие условий проживания, отсутствие ощущения безопасности, неудовлетворенность уровнем дохода, в целом, некое ощущение незащищенности в нынешнем месте проживания приводит к снижению доверия властям. Одновременно с чем молодые казахи желают достичь материально-финансового благополучия и определенного авторитета. Неудовлетворенность условиями жизни, недоверие к властям и потребность в повышении своего уровня дохода и авторитета в комплексе со стремлением к автономности и получению нового опыта побуждают желание молодых казахов к кардинальной смене условий проживания, которое возможно реализовать в эмиграции. Кроме того, устремления молодых казахстанцев сменить место жительства подкрепляются надеждой на получение помощи от близких, проживающих за рубежом, что дает эмоциональную поддержку при планировании эмиграции. Действие выделенного взимосвязанного комплекса факторов эмиграционных установок казахстанкой молодежи объясняется, с одной стороны, объективными причинами – это ухудшение социаьно-экономичеких условий потенциальных мигрантов, что усугубляет введение карантинных мер, связанных с пандемией, с другой стороны, – культурными особенностями казахстанского общества. В силу превалирования казахского этноса, в обществе доминируют ценности, отражающие групповые интересы.

2.5.2. Анализ системы социально-психологических факторов эмиграционных установок российской молодежи

По результатам проведенного эмпирического исследования установлено, что факторами эмиграционных установок русской молодежи выступают на макроуровне взаимодействия личности с социумом - ориентация на метаценность «Самоутверждение» ($\beta = 0{,}150$, $p = 0{,}038$), на мезоуровне - низкий уровень доверия властям ($\beta = -0{,}454$, $p = 0{,}000$), высокая степень выраженности надежды

на получение поддержки от родных за рубежом (β = 0,113, p = 0,000) и низкая степень выраженности надежды на оказание помощи близкими на родине (β = -0,102, p = 0,044), на микроуровне – снижение ощущения субъективного благополучия (β = -0,223, p = 0,016) (Рисунок 4, приложение Д, таблица 1). Так молодые люди, стремящиеся к власти, богатству и достижению личного успеха, при этом не доверяющие институтам власти, ощущающие неудовлетворенность субъективным внутренним состоянием и внешними условиями жизни, надеющиеся на оказание помощи и поддержки близкими за границей и не рассчитывающие на помощь близкого окружения на родине ориентированы на переезд за рубеж.

Стоит, учитывать, что наше исследование проводилось в период пандемии из-за распространения коронавирусной инфекции, который непременно оказал влияние и на возникновение установок к переезду за границу, в частности на характер связей факторов с эмиграционными установками. Нами установлено, что пандемия повлияла на эмиграционные установки молодых россиян, а именно у 31% русских наблюдается усиление выраженности установок на переезд за границу, у 20 % – возникновение эмиграционных установок, и напротив, у 10 % – снижение выраженности установок на эмиграцию, а 4 % молодых людей и вовсе отказались от мысли переезда (Таблица 2). Должно быть, распространение коронавирусной инфекции и ограничительные меры оказали опосредованное влияние на намерения русской молодежи сменить место жительства. Так, ситуация неопределенности и социальной напряженности во время пандемии обострила имеющиеся проблемы в стране, на фоне чего наблюдается снижение уровня субъективного благополучия молодых людей и их доверия властям (Таблицы 6, 7), а ведь именно эти факторы обладают наибольшей предсказательной силой эмиграционных установок российской молодежи (Рисунок 4). При этом снижение степени ***институционального доверия*** молодых людей ведет к повышению всех трех компонентов эмиграционной установки российской молодежи (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2): установки субъекта (β = -0,546, p = 0,000), установки близких (β = -0,401, p = 0,000) и ожиданий

близких (β = -0,415, p = 0,000). Недоверие российской молодежи к представителям власти побуждает не только молодых россиян задумываться о переезде за границу, но и их ближайшее окружение. Вероятно, утрата доверия молодых россиян институтам власти выражает помимо их личной позиции по отношению к властной структуре и позицию близких им людей, которое способствует усилению выраженности установок на эмиграцию не только собственно молодых россиян, но и его родных и друзей.

Кроме того, вследствие утраты доверия институтам власти российской молодежи наблюдается повышение ожидания близкими и родными молодых россиян их переезда за пределы родной страны (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2). Что говорит, судя по всему, о солидарности ближайшего окружения российской молодежи с их мнением касательно неэффективности и нерезультативности работы властей, приводящее к снижению институционального доверия. Ситуацию с падением уровня доверия населения России институтам власти осложнили последствия, введенных карантинных мер в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), в частности, ухудшение материально-финансового положения части населения [47; 71; 92], качества жизни, дефицит лекарств, необходимых для борьбы с коронавирусной инфекцией, некоторая дезинформация в средствах массовой информации о текущей ситуации со смертностью и заболеваемостью коронавирусной инфекцией. В условиях утраты доверия представителям власти значительной части населения страны вполне объяснимо, что родственники и близкие друзья молодых россиян ожидают от них переезда за пределы своей родины. Надо полагать, что ближайшее окружение молодых россиян желают повышения их качества жизни осуществление которго видят в эмиграции российской молодежи.

Связь институционального недоверия с эмиграционными установками российской молодежи определена его компонентами: недоверием президенту (β = -0,324, p = 0,001) и местной власти (β = -0,228, p = 0,021) (Таблица 14). Институт президентства и местной власти олицетворяют в себе всю систему власти, если президент выступает ключевой фигурой и законодателем всех норм и

правил в стране, то местная власть – их исполнителем. Кроме того, институт местной власти представляет собой один из немногих институтов, который наиболее приближен к населению, с представителями местной власти люди могут вступать в непосредственную коммуникацию, и возможно, для некоторой части населения это основной и единственный опыт общения с властью [128]. Приближенность местной власти к населению и возможность общества непосредственно оценить состоятельность и эффективность их деятельности, накладывают на их представителей повышенную ответственность и влекут за собой более критичное отношение со стороны населения. Восприятие россиянами местных чиновников как наиболее коррумпированных среди всех представителей остальных ветвей власти в совокупности с недовольством результативностью их деятельности, неудовлетворенностью условиями проживания приводят к утрате доверия к властям, способствующее развитию устремлений переехать за пределы родной страны. Действие факторов недоверия президенту и местной власти в совокупности в отношении возникновения эмиграционных устнановок закономерно, поскольку нерешенные проблемы на местах заставляют задуматься население о состоятельности и эффективности принятых мер сверху.

Эффект институционального недоверия на эмиграционные установки российской молодежи подкрепляется действием фактора субъективное благополучие. Так, снижение ощущения ***субъективного благополучия*** усиливает выраженность устремлений российской молодежи переехать за пределы своей родной страны проживания ($\beta = -0{,}023$, $p = 0{,}016$) (Рисунок 4, приложение Д, таблица 1). В частности, неудовлетворенность благополучием молодых россиян усиливает выраженность только их собственных установок (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2). А в связь субъективного благополучия с эмиграционными установками основной вклад вносят его 3 компонента: гедонистическое благополучие ($\beta = -0{,}417$, $p = 0{,}000$), эмоциональное благополучие ($\beta = -0{,}208$, $p = 0{,}041$) и эго-благополучие ($\beta = 0{,}272$, $p = 0{,}001$) (Таблица 15). Снижение доходов, подрыв чувства личной безопасности молодых россиян, которые, должно быть, связаны с действовавшими ограничительными

мерами во время пандемии, неудовлетворенность условиями жизни в России наряду с потерей жизненого воодушевления и радости побуждают российскую молодежь искать комфортные условия проживания за пределами родной страны. При этом уехать из страны планируют уверенные в себе, чувствующие внутреннюю самосогласованность молодые россияне, что вполне объяснимо. Ведь эмиграция – это сложный и длительный процесс, осуществление которого требует не только материальных затрат, но и внутренней силы и уверенности потенциального мигранта.

Одновременно с понижением степени доверия властям и снижением меры ощущения субъективного благополучия русской молодежи наблюдается повышение значимости для них ценности безопасности (Таблицы 5, 6, 7). При этом потребность в безопасности российской молодежи не удовлетворена в полной мере, молодые люди чувствуют себя незащищенными в своей стране [40; 137; 147; 148], что усугубляет ситуацию недоверия властям и порождает стресогенную ситуацию для личности. Сильное и продолжительное напряжение, выражающееся в недоверии властям и снижении субъективного благополучия, побуждает молодых россиян к поиску путей совладания с ситуацией неопределенности. Так, в условиях неудовлетворенности деятельностью властей на родине, нынешним местом жительства, русская молодежь задумывается о смене места жительства. Молодые люди посредством эмиграции, вероятно, желают с одной стороны выйти из своего негативного состояния недоверия и неблагополучия, получить доступ к среде, которая кажется более безопасной и ресурсной, а с другой стороны, стремятся самореализоваться, достичь личного успеха и материального благополучия в новом месте жительства, на что указывает обнаруженная связь установок к эмиграциии с ***метаценностью «Самоутверждение»*** ($\beta = 0{,}150$, $p = 0{,}038$) (Рисунок 4)**.** Мотивация саморазвития молодых людей совместима с задачами развития молодого взросления [252]. Так, активная современная молодежь России стремится расширить свой круг возможностей и начинает поиски перспектив достижения личных целей за рубежом. Что отражается в возраставшей тенденции утечки мозгов из России до

закрытия границ [10; 69; 120]. Обнаруженная связь эмиграционных установок русской молодежи только с метаценностью «Самоутверждение» (связей эмиграционных установок с метаценностями «Открытость изменениям», «Сохранение» и «Самопреодоление» не обнаружено) (Рисунок 4, приложение Д, таблица 1), скорее, обусловлено ухудшением социально-экономического положения российской молодежи во время пандемии. Снижение или вовсе потеря доходов у значительной части молодых работников России в период самоизоляции [47; 71; 92] привели к снижению значимости постматериалистических ценностей [20; 26; 71; 121], наряду с чем на первый план выходят ценности материального благополучия (96 %) [92; 146]. Видимо, ухудшение материального положения российского населения способствовало еще большему усилению устремлений переехать за гарницу русской молодежи, где можно реализовать свой потенциал, достичь личного успеха, который соотносится с обретением финансового достатка.

В комплексе с группой выталкивающих из страны факторов (низкий уровень институционального доверия и субъективного благополучия) эмиграционных установок русской молодежи срабатывает притягивающий фактор – ***надежда на оказание помощи близкими за границей*** (Рисунок 4, приложение Д, таблица 1). По результатам проведенного исследования обнаружена положительная связь желания русской молодежи покинуть страну с надеждой на помощь друзей и родственников за рубежом ($\beta = 0{,}113$, $p = 0{,}000$) (Рисунок 4). Так, молодые люди, ориентированные на эмиграцию, надеются на получение содействия со стороны родных, друзей или знакомых, проживающих за границей. Иначе говоря, потенциальные эмигранты выражают надежду на финансовую, моральную или информационную поддержку близких за рубежом в случае возникновения проблем в месте будущего проживания. Большая часть респондентов (224 человека) отметила, что имеют родственников или друзей за рубежом, при этом большинство из молодых россиян (177 человек) поддерживают с ними вазимоотношения (Таблица 1). Так, близкие люди росийской молодежи, проживающие за границей, представляют собой важный

канал получения достоверной информации, которая необходима при планировании смены страны проживания. Известно, что люди, желающие эмигрировать, принимают решение о переезде за границу, опираясь чаще на проверенные источники, которыми являются близкие люди. К тому же, осознание того, что за рубежом молодым россиянам будет оказана поддержка родственниками или друзьями в адаптации к новым условиям жини за границей, к иной культуре и в вопросах миграционного, жилищного характера, стимулирует к принятию положительного решения об эмиграции.

Кроме того, российская молодежь, которая поддерживает общение с родными, проживающими за границей, получали от них подарки или помощь в денежном эквиваленте (52 человека из 177 человек) (Таблица 1), что формирует образ успешной жизни за рубежом в глазах молодых россиян. Подобная финансово-материальная поддержка от заграничных родственников благоприятно сказывается на представлениях молодежи о жизни за пределами своей страны и стимулирует возникновение устремлений к эмиграции.

Надежда на помощь близких на родине с эмиграционными установками русских ($\beta = -0{,}102$, $p = 0{,}044$) связана отрицательно (Рисунок 4, приложение Д, таблица 1), что говорит о выраженности стремлений на эмиграцию молодых россиян, которые не ожидают помощи от родственников в родной стране проживания. Однако, для объяснения представленной корреляции, мы проанализировали связь выраженности надежды на помощь близких с компонентами эмиграционной установки. Обнаружено, что надежда на получение поддержки со стороны родственников и друзей на родине связана только с компонентами эмиграционных установок, отражающие отношение ближайшего окружения к эмиграции русской молодежи (установка близких: $\beta = -0{,}105$, $p = 0{,}048$; ожидания близких: $\beta = -0{,}113$, $p = 0{,}048$) (Рисунок 5, приложение Д, таблица 2). Означающее, по мнению респондентов, что выраженность их надежды на помощь близких и родных в нынешней стране проживания снижает эмиграционные устремления ближайшего окружения молодых людей и их ожидания от молодых россиян перезда за границу. При высокой значимости

ценностей семьи и семейно-родственных связей русской молодежи [83; 84; 102; 104; 105; 107; 108; 109; 110], отношения молодых людей с родными, в частности с родителями выстраиваются достаточно дружественные и близкие. Это выражается и в получении молодыми русскими, как правило, на регулярной основе не только эмоционально-психологической, но и материальной поддержки со стороны семьи и родителей [163], что особенно важно при планировании и осуществлении эмиграции. Так как эмиграция, будучи сложным и затратным процессом, требует немалых как психологических, так и финансовых вложений. Перенаправление семьей и родными своих ресурсов на создание условий переезда в другую страну для молодых русских, вероятно, приведет к уменьшению возможностей эмигрировать родных, что негативно сказывается на их желании переехать за границу, а также ожиданий эмиграции от российской молодежи.

Таким образом, комплекс социально-психологических факторов эмиграционных установок русской молодежи представлен значимостью метаценности Самоутверждения, низким уровнем институционального доверия и субъективного благополучия, выраженностью надежды на помощь близких за границей и на родине. Вероятно, данное сочетание факторов обусловлено в некоторой степени сложной ситуацией в стране и в мире, угрозы здоровью и жизни человека, ухудшением соцаильно-экономического положения многих россиян.

2.5.3. Сравнительный анализ соотношения предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи

Согласно полученным результатам проведенного исследования, можно выделить универсальные надкультурные связи социально-психологических факторов казахской и русской молодежи. Так, выраженность эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи детерминирована на макроуровне следованием метаценности «Самоутверждение», на мезоуровне – снижением институционального доверия и выраженностью надежды на оказание помощи

близкими за границей, на микроуровне – снижением ощущения субъективного благополучия (Рисунок 4). Подобное сочетание социально-психологических факторов будет стимулировать к эмиграции молодежь вне зависимости от их этнической принадлежности и ценностей, превалирующих в обществе, где они социализировались. Вероятно, действие приведенных выше факторов будет усиливаться с ухудшением условий проживания, социально-экономической ситуации в стране проживания, подрывом ощущения личной безопасности.

Помимо универсальных связей устремлений эмигрировать молодежи Казахстана и России с социально-психологическими факторами, обнаружены и культурно-специфичные связи: на макроуровне эмиграционные установки только казахстанской молодежи детерминированы метаценностями «Открытость изменениям» и «Сохранение», в российской выборке подобная предикция не установлена (Рисунок 4).

Полученная на макроуровне отрицательная связь ***метаценности «Сохранение»*** (Рисунок 4), в частности ценностей конформизма и традиции (Таблица 13), с эмиграционными установками только казахов, свидетельствует о меньшей направленности на эмиграцию молодых казахов, которые следуют ценностям, отражающиеся в приверженности традициям, обычаям и нормам общества, соответствии социальным ожиданиям, согласии с мнением группы, подчинении большинству. В то время как, метаценность «Сохранение» не детерминирует эмиграционные установки русской молодежи (Рисунок 4). Мы предполагаем, что различия в связях эмиграционных установок казахов и русских с метаценностью «Сохранение» обусловлены приверженностью к ценностям, отражающие культурные особенности соответствующего общества. В таблице 4, где отражены средние показатели метаценностей казахов и русских, мы видим, что различий в значимости метаценности «Сохранение» для казахов и русских нет, это говорит об одинаковой важности этой метаценности для молодых людей из обеих стран. Однако для полного понимания обусловленности различий в связях метаценности «Сохранение» с эмиграционными установками казахов и русских необходимо рассмотреть средние показатели ценностей традиции,

конформности и безопасности, которые составляют метаценность «Сохранение». Обнаружено, что ценностям традиции и конформизма более привержены казахи по сравнению с русскими, а ценность безопасности более значима для русских по сравнению с казахами (Таблица 5). Согласно исследованиям Ш. Шварца и У. Билски (1990) ценности традиции и конформизма выражают только групповые интересы, а ценность безопасности выражает интересы как групповые, так и индивидуальные. Исходя из этого, мы делаем вывод, что казахи более привержены коллективистским ценностям, придерживаются групповых норм, действуют в соответствии с ожиданиями общества по сравнению с русскими. И в ситуации планирования эмиграции ценности, отражающие интересы коллектива, в силу их большей значимости для казахской молодежи по сравнению с русской, будут оказывать большее влияние на установки казахов, чем – русских.

Обнаруженная положительная связь ***метаценности «Открытость изменениям»*** с эмиграционными установками только казахов (Рисунок 4), свидетельствует об ориентированности на эмиграцию молодых людей, открытых новому опыту, стремящихся к самостоятельности, к получению новых эмоций и наслаждению. Метаценность «Открытость изменениям» не предсказывает возникновение желания переехать за границу русских (Рисунок 4), что обусловлено, вероятно, большей приверженностью русской молодежи по сравнению с казахской молодежью метаценности «Открытость изменениям» (Таблица 4). В частности, ценности самостоятельности и гедонизма составляющие метаценность «Открытость изменениям», также более значимы для русских, по сравнению с казахами (Таблица 5). Из чего следует, что русское общество более открыто новому, по сравнению с казахским, и поддерживает ценности, отражающие интересы индивида. В силу чего русской молодежи легче, чем казахской молодежи, реализовать свои ценности, отражающие стремление к независимости, свободе действий, творчеству, чувственному наслаждению на родине. Чем, вероятно, и обусловлено отсутствие корреляции метаценности «Открытость изменениям» с установкамии уехать из страны русских. Напротив, казахское общество по сравнению с русским обществом характеризуется меньшей

направленностью на ценности «Открытость изменениям» (Таблица 4). Казахскую культуру можно определить, как коллективисткую, в которой понятие «мы» в большинстве случаев стоит превыше понятия «я» [3; 15; 34; 36; 45; 48; 49; 103; 107; 108; 110; 112; 159]. В казахском социуме прослеживается направленность на сохранение установленного порядка и люди избегают действий, которые могли бы идти вразрез с групповыми нормами. В таких условиях молодые казахи, которые стремятся к независимости, самостоятельности, новизне и раскрытию творческого потенциала, не могут в полной мере реализовать свои ценности, что побуждает казахскую молодежь задумываться уехать из страны.

На мезоуровне ***надежда на помощь близких на родине*** отрицательно связана с установками эмигрировать только русских (Рисунок 4). На первый взгляд, это говорит о меньшей направленности на эмиграцию русской молодежи, которая рассчитывает на оказание помощи близкими и родными в нынешней стране проживания. Однако, мы выяснили, что выраженность надежды на получение помощи от близких и родных снижает установки и ожидания, только ближайшего окружения молодых россиян, в то время как на собственные установки молодежи не оказывает никакого влияния (Рисунок 5).

Ожидание поддержки от близких людей на родине не связана со стремлениями казахов переехать за границу (Рисунок 4). Так, надежда казахской молодежи на помощь близких на родине, несмотря на ее достаточно высокие показатели (3,98 из 5 (Таблица 8), не выступает значимым фактором при планировании эмиграции, что вероятно связано с конфликтом ценностей, превалирующих в обществе (групповые), с ценностями молодых казахов (индивидуальные). Как мы уже писали выше, казахское общество по сравнению с русским обществом более традиционно и ориентировано на ценности, отражающие интересы группы. В казахском обществе существует незримое групповое давление и выражены социальные ожидания определенного поведения от молодого поколения, что препятствует личностной самореализации казахской молодежи вне устоявшихся в социуме норм и традиций. При этом, помощь и поддержка близких на родине не оказывает никакого влияния на реализацию

индивидуалистических ценностей молодых казахов, отражающиеся в открытости новому, самостоятельности, стремлении к чувственному наслаждению, которые очень важны для них (2 место после метаценности «Самопреодоление») (Таблица 4). Помимо этого, отсутствие связи эмиграционных установок казахской молодежи с надеждой на помощь близких на родине отчасти обусловлено и возможностью в современном мире поддерживать связь с родными практически из любой точки мира, благодаря развитию интернет-инфраструктуры.

Отдельно стоит выделить отсутствие связи установок к смене страны проживания казахской и русской молодежи с ***метаценностью «Самопреодоление»*** (Рисунок 4). Метаценность «Самопреодоление» очень важна для казахской и русской молодежи, и по значимости находится на первом месте (Таблица 4). Метаценность «Самопреодоление» составляют ценности универсализма и благожелательности, которые направлены на выражение заботы об окружающей среде и окружающих людях, защиты животных и природы, взаимопомощи, идеи равноправия и справедливости. Вероятно, отсутствие связи обусловлено тем, что метаценность «Самопреодоление» включает в себя «универсальные» ценности, которые можно реализовать, находясь и за границей, и на родине, в обществе с превалирующими ценностями как индивидуалистическими, так и групповыми. И скорее всего эти ценности, составляющие метаценность «Самопреодоление», реализованы в нынешней жизни казахской и русской молодежи, подтверждение тому мы находим в исследованиях Н. П. Нарбут, И. В. Троцук (2018), где казахстанская и российская молодежь выделила отношения с родителями как теплые, дружеские и отметила наличие взаимопонимания в таких отношениях. Круг близких людей составляют не только родители и члены семьи, но и те, кто может оказать помощь и поддержку в трудной ситуации, как правило, это друзья. Российские и казахстанские студенты также выделили, что обладают широким кругом друзей, среди которых выделяют несколько близких [83; 84], во взаимоотношениях с которыми важная роль отводится взаимопощи и заботе друг о друге. Кроме того, релизацию метаценности «Самопреодоление» молодежи актуализировала

пандемия, вызванная распространением коронавирусной инфекции (COVID–19). Известно, что во время самоизоляции произошел значительный рост волонтерских движений, благотворительных акций среди казахстанской и российской молодежи [6; 166], свидетельствующий о желании молодых людей оказать помощь нуждающимся в ней во время действия ограничительных мер.

Таким образом, определен общий комплекс факторов эмиграционных установок молодежи, представленный на макроуровне повышением значимости метаценности «Самоутверждение», на мезоуровне – снижением уровня институционального доверия и выраженностью надежды на помощь близких за границей, на микроуровне – снижением ощущения субъективного благополучия. Полученное сочетание факторов, скорее всего, срабатывает в условиях ухудшения социально-экономического положения молодых людей. Пандемия COVID–19 обнажила, существовашие и прежде социальные проблемы населения Казахстана и России, которые впоследствии отразились и на психологическом самочувствии молодых людей. Так, основными выталкивающими факторами из родной страны оказались неудовлетворенность условиями проживания молодых людей и утрата доверия представителям власти. Наряду с чем молодежь желает достичь собственного успеха, финансового благополучия и обретения определенного авторитета в обществе, что, по их мнению, можно реализовать в эмиграции. Выезд молодого населения за пределы родины – это потеря ценного человеческого капитала страны, от сохранения и развития которого зависит будущее благососотояние населения страны. Предотвратить отток молодых казахстанцев и россиян в зарубежные страны можно, создавая для них комфортные условия жизни на родине. Особенность социального статуса группы «молодежь» требует повышенного внимания к ней со стороны государственных институтов и общественных организаций. Государству необходимо акцентировать внимание на социальном, культурном, нравственном развитии молодых людей, создавать условия для реализации их креативного потенциала и поддерживать инициативные идеи молодежи. Считаем, что при первом трудоустройстве казахстанской и российской молодежи целесообразно оказывать

им материальную поддержку вне зависимости от региона проживания, а молодым специалистам предоставлять возможность повышения квалификации на безвозмездной основе. Кроме того, представителям власти необходимо выстроить с молодежью взаимодоверительные отношения, посредством организации непосредственных встреч с обсуждением актуальных проблем для молодых казахстанцев и россиян, а также реагирования на их запросы.

Выводы по главе 2

Результаты представленного эмпирического исследования обобщены и изложены в следующих выводах:

1. На эмиграцию более ориентирована российская молодежь по сравнению с казахстанской молодежью. В частности, у российской молодежи по сравнению с казахстанской молодежью более выражены собственная установка на переезд за границу, установка близких на эмиграцию и ожидания ближайшего окружения от потенциального мигранта смены страны проживания. И казахстанская, и российская молодежь при планировании эмиграции прежде всего ориентируются на собственные установки, после - на ожидания близких от молодых казахстанцев и россиян эмиграционного поведения и в последнюю очередь на установки ближайшего окружения.

2. Выраженность эмиграционных установок девушек и юношей Казахстана одинакова. При этом, наблюдаются различия в выраженности компонента установка субъекта между девушками и юношами Казахстана. Казахстанские девушки в большей мере ориентируются на собственные установки по сравнению с юношами казахстанцами. В выраженности эмиграционных установок и их компонентов девушек и юношей России различий нет.

3. Обнаружены различия в выраженности основных предикторов эмиграционных установок молодежи. Метаценностям «Открытость изменениям», «Самоутверждение», «Самопреодоление» в большей мере привержена российская

молодежь, чем казахстанская. Значимость метаценности «Сохранение» одинакова как для казахстанцев, так и для россиян. В большей степени доверяет институтам власти и ощущает себя более благополучными казахстанская молодежь по сравнению с российской молодежью. На оказание помощи близкими надеется в одинаковой мере и казахстанская, и российская молодежь.

4. Различия в выраженности метаценностей «Открытость изменениям», «Самоутверждение», «Сохранение», «Самопреодоление», институционального доверия, субъективного благополучия казахстанской и российской молодежи определяют отдельные компоненты представленных факторов. Установлено, что казахстанская молодежь по сравнению с российской молодежью более ориентирована на ценности конформизма и традиции (метаценность «Сохранение»), отражающие групповые интересы. В частности, данные ценности более значимы для юношей по сравнению с девушками Казахстана. Российская молодежь в большей мере, чем казахстанская ориентируется на ценности самостоятельности, гедонизма (метаценность «Открытость изменениям»), достижения, власти (метаценность «Самоутверждение»), выражающие индивидуальные интересы. Кроме того, молодые россияне в большей степени, чем молодые казахстанцы, следуют ценностям безопасности (метаценность «Сохранение») и универсализма (метаценность «Самопреодоление»), отражающим как индивидуальные, так и групповые интересы. Доверие институтам власти казахстанской молодежи определяется их более высоким уровнем доверия президенту, правительству, акиму/губернатору, местной власти, полиции по сравнению с уровнем доверия российской молодежи перечисленным институтам. Казахстанская молодежь по сравнению с российской молодежью чувствует большую самосогласованность, удовлетворенность собой, чаще проявляет ассертивность (эго-благополучие), в большей мере удовлетворена условиями проживания и безопасностью места жительства (гедонистическое благополучие). При этом, большая удовлетворенность базовых потребностей (гедонистическое благополучие) наблюдается у юношей, чем у девушек Казахстана. Установлено, что российская молодежь проявляет большую

конгруэнтность поступков и поведения с их собственными нравственными ценностями и социальными нормами (социально-нормативное благополучие) по сравнению с социальной согласованностью казахстанской молодежи.

5. Эмиграционные установки казахстанской молодежи детерминированы на макроуровне следованием метаценностям «Открытость изменениям» и «Самоутверждение», снижением важности метаценности «Сохранение», на мезоуровне – недоверием институтам власти и выраженностью надежды на помощь близких, проживающих за границей, на микроуровне – снижением ощущения субъективного благополучия.

6. Эмиграционные установки российской молодежи детерминированны на макроуровне – следованием метаценности «Самоутверждение»; на мезоуровне – недоверием институтам власти, выраженностью надежды на помощь близких; на микроуровне – снижением ощущения субъективного благополучия.

7. Связь эмиграционных установок молодых людей с метаценностями, институциональным доверием и субъективным благополучием определяют их отдельные компоненты: 1) связь эмиграционных установок казахстанской молодежи с метаценностью «Самоутверждение» определяет ценность власти; – с институциональным доверием – недоверие президенту и акиму; – с субъективным благополучием – ослабление ощущения гедонистического и эмоционального благополучия, усиление ощущения экзистенциально-деятельностного благополучия; 2) связь эмиграционных установок российской молодежи с институциональным доверием определяет недоверие президенту и местной власти, – с субъективным благополучием – ослабление ощущения гедонистического и эмоционального благополучия, усиление ощущения эго-благополучия.

8. Установлены универсальные и специфичные связи факторов в системе с эмиграционными установками казахстанской и российской молодежи; 1) эмиграционные установки казахстанской и российской молодежи связаны с ориентацией на метаценность «Самоутверждение», институциональным недоверием, выраженностью чувства надежды на получение помощи от близких,

проживающих за границей и снижением ощущения субъективного благополучия. Совокупность данных социально-психологических факторов прогнозирует эмиграционные установки молодежи вне зависимости от их этнической принадлежности и ценностей, превалирующих в обществе, где они социализировались, а их действие обусловлено ухудшением условий проживания, социально-экономической ситуации в стране проживания, подрывом ощущения личной безопасности молодых людей; 2) эмиграционные установки только казахстанской молодежи связаны с ориентацией на метаценность «Открытость изменениям» и снижением значимости метаценности «Сохранение», в то время как на российской выборке представленные детерминанты не срабатывают. Это обусловлено следованием казахстанцев ценностям (традиция, конформизм), выражающие интересы группы, что затрудняет реализацию индивидуалистических ценностей молодых казахстанцев на родине. А россияне, напротив, ориентированы преимущественно на ценности, выражающие индивидуалистические (самостоятельность, гедонизм, достижение, власть) и индивидуально-групповые (безопасность, универсализм) интересы, которые соотносятся с ценностями молодого поколения.

9. Установлено, что представленные социально-психологические факторы связаны со всеми компонентами эмиграционных установок молодежи: 1) снижение значимости метаценности «Сохранение», ориентация на метаценность «Самоутверждение», утрата доверия властям, выраженность надежды на помощь близких, проживающих за границей, и ослабление ощущения субъективного благополучия прогнозируют возникновение установок к смене страны проживания не только *казахстанской молодежи*, но и ее ближайшего окружения, кроме того, усиливают ожидания родных от молодых казахстанцев эмиграции; 2) ориентация на метаценность «Открытость изменениям» *казахстанской молодежи* повышает выраженность их собственных установок и ожиданий близких и родных от молодых казахстанцев эмиграционной активности; 3) снижение доверия институтам власти и усиление выраженности надежды на получение помощи от родных, проживающих за границей, повышает

выраженность как собственных эмиграционных установок *российской молодежи*, так и установок близких, ожиданий бижайшего окружения от молодых россиян эмиграционной активности; 4) ориентация на метаценность «Самоутверждение» и ослабление ощущения субъективного благополучия повышает выраженность только собственных эмиграционных установок *российской молодежи*; 5) усиление выраженности надежды *российской молодежи* на получение поддержки от родных в актуальной стране проживания понижает выраженность устремлений эмигрировать ближайшего окружения и их ожиданий от молодых россиян эмиграционной активности.

10. Получены новые связи эмиграционных установок с отдельными факторами в системе, которые не были обнаружены ранее при анализе эффекта предикторов на эмиграционные установки вне системы факторов: 1) при анализе детерминации эмиграционных установок казахстанской молодежи только базовыми ценностями установлено, что ценности, составляющие метаценность «Открытость изменениям», не выступают предикторами их эмиграционных установок. При этом, в системе детерминант метаценность «Открытость изменениям» оказывает эффект на эмиграционные установки казахстанцев; 2) при анализе детерминации эмиграционных установок российской молодежи только базовыми ценностями установлено, что ценности, составляющие метаценность «Самоутверждение», не выступают предикторами их эмиграционных установок. При этом, в системе детерминант метаценность «Самоутверждение» срабатывает как предиктор эмиграционных установок россиян.

11. Метаценность «Самопреодоление» не детерминирует эмиграционные установки казахстанской и российской молодежи, так как включает в себя «универсальные» ценности, которые возможно реализовать, находясь и за границей, и на родине, в обществе с превалирующими ценностями как индивидуалистическими, так и групповыми.

ВЫВОДЫ

1. Опираясь на исследования С. А. Кузнецовой, определено психологическое содержание понятия «эмиграционная установка». Эмиграционная установка представляет собой вид социальной установки и выражает психическое состояние готовности к проявлению определенной активности в отношении места жительства как социального объекта, направленной на смену страны проживания. Эмиграционная установка включает в себя отношение к месту проживания, формируемое на основе сравнения нынешней страны проживания с планируемой страной жительства, и интериоризацию отношения ближайшего окружения потенциального мигранта к переезду за границу и их ожиданий от потенциального мигранта смены страны проживания. Эмиграционная установка содержит в себе знания о месте проживания как социальном объекте и эмоционально-оценочное отношение к нынешней и планируемой стране проживания, которые регулируют и ориентируют поведенческие акты потенциального мигранта при планировании переезда за границу.

2. Действие социально-психологических факторов эмиграционных установок молодых людей проанализировано в единой целостной системе, что дает полное и глубокое понимание мотивации молодежи к эмиграционной активности. Детерминанты эмиграционной установки, с учетом ее социально-психологической природы, рассматриваются на трех уровнях взаимодействия личности с социумом: на *макроуровне*, определяющем взаимоотношения индивида с обществом, в качестве детерминанты эмиграционных установок выделены метаценности, обусловленные культурными характеристиками социума. На *мезоуровне*, отражающем взаимоотношения личности с группой, детерминанты эмиграционных установок представлены институциональным доверием и надеждой на помощь близких на родине и за границей. На *микроуровне*, определяющем отношения к самому себе, детерминантой

эмиграционных установок выступает субъективное благополучие. Разноуровневые факторы имеют и внутренние связи между собой.

3. Эмпирически подтверждена состоятельность теоретической модели системы социально-психологических факторов эмиграционных установок молодежи, включающей на макроуровне – метаценности «Открытость изменениям», «Сохранение», «Самоутверждение», «Самопреодоление»; на мезоуровне – институциональное доверие и надежду на помощь близких на родине и за границей; на микроуровне – субъективное благополучие.

4. Выделены универсальные надкультурные связи социально-психологических факторов с эмиграционными установками казахстанской и российской молодежи. Выраженность эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи детерминирована на макроуровне следованием метаценности «Самоутверждение», на мезоуровне – снижением институционального доверия, в частности, недоверием президенту и выраженностью надежды на оказание помощи близкими за границей, на микроуровне – снижением ощущения субъективного благополучия, а конкретнее, ослаблением ощущения гедонистического и эмоционального благополучия. Подобное сочетание социально-психологических факторов будет стимулировать к эмиграции молодежь вне зависимости от их этнической принадлежности и ценностей, превалирующих в обществе, где они социализировались. Действие приведенных выше факторов будет усиливаться с ухудшением условий проживания, социально-экономической ситуации в стране проживания, подрывом ощущения безопасности.

5. Эмпирически доказано, что разноуровневая система социально-психологических факторов эмиграционных установок универсальна и применима при прогнозировании возникновения эмиграционных установок молодых людей разных этнических групп.

6. Установлены особенности сочетания предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи. 1) Эмиграционные установки *казахстанской молодежи*

детерминируют на макроуровне взаимодействия личности с социумом – следование метаценностям «Открытость изменениям» и «Самоутверждение», в частности усиление значимости ценности власть, снижение важности метаценности «Сохранение», а точнее ослабление значимости ценностей конформизма и традиции; на мезоуровне – недоверие институтам власти, в частности, акиму и президенту, а также выраженность чувства надежды на оказание помощи близкими, проживающих за границей; на микроуровне – субъективное благополучие, в частности, снижение ощущения гедонистического и эмоционального благополучия и повышение ощущения экзистенциально-деятельностного благополучия. 2) Эмиграционные установки *российской молодежи* детерминируют на макроуровне взаимодействия личности с социумом – направленность на метаценность «Самоутверждение»; на мезоуровне – недоверие институтам власти, в частности, местной власти и президенту, а также выраженность чувства надежды на оказание помощи близкими, проживающих за границей и на родине; на микроуровне – субъективное благополучие, в частности, снижение ощущения гедонистического и эмоционального благополучия и повышение ощущения эго-благополучия.

7. Особенности сочетания предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи определяются специфичными связями отдельных факторов и их компонентов с установками на эмиграцию молодых казахстанцев и россиян. Ориентация на метаценность «Открытость изменениям» и снижение важности метаценности «Сохранение», в частности ослабление значимости ценностей конформизма и традиции, усиливают выраженность эмиграционных установок только казахстанской молодежи, а эффекта на эмиграционные установки российской молодежи данные детерминанты не оказывают. Выраженность надежды на получение помощи от близких, находящихся на родине, выступает детерминантой эмиграционных установок только российской молодежи, а при прогнозировании эмиграции казахстанской молодежи данный фактор не значим. Увеличение выраженности эмиграционных установок казахстанской молодежи

наблюдается по мере усиления их ощущения экзистенциально-деятельностного благополучия, а российской молодежи – по мере усиления их ощущения эго-благополучия. Устремления к смене страны проживания казахстанской молодежи детерминирует утрата доверия акиму, а российской молодежи – падение доверия местной власти. Особенности действия некоторых предикторов в системе социально-психологических факторов на развитие эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи определена большей направленностью казахстанцев на ценности, отражающие лишь групповые интересы (конформизм и традиция), а россиян – преимущественно на ценности, отражающие индивидуальные (самостоятельность, гедонизм, достижение, власть) и индивидульно-групповые интересы (безопасность, универсализм).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нарастающие темпы эмиграционной подвижности молодежи как из стран с низким, так и с высоким уровнем жизни показывает недостаточность изучения только экономических факторов эмиграции и побудило нас к исследованию социально-психологических предикторов возникновения эмиграционных установок молодежи.

Настоящее исследование построено на основе понимания эмиграционной установки как вида социальной установки, характеризуемой как психологическое состояние готовности к определенным действиям в отношении социального объекта, представленного актуальным и потенциальным местом проживания. Эмиграционная установка возникает в ходе сравнения нынешнего и будущего мест проживания и предполагает интериоризацию потенциальным мигрантом отношения ближайшего социального окружения к эмиграции.

Установлено, что эмиграционная установка включает в себя характеристики общепсихологической, социальной и миграционной установки и имеет двойственную социально-психологическую природу, что предполагает рассмотрение ее предикторов с учетом соотношения социального и психологического в личности. Опираясь на концепцию отношений В. Н. Мясищева, подразумевающей изучение взаимоотношения личности с окружающим миром на трех уровнях в зависимости от влияния социального фактора, нами определена единая, целостная разноуровневая система социально-психологических факторов эмиграционных установок. Факторы эмиграционных установок анализируются на трех уровнях взаимодействия личности с социумом: микроуровень отражает внутриличностные отношения, определяется отношениями к самому себе и представлен субъективным благополучием; мезоуровень характеризуется отношениями личности с группой и представлен институциональным доверием, надеждой на помощь близких, проживающих в родной стране потенциального мигранта и за границей; макроуровень характеризуется отношениями, функционирующими в системе общественных

взаимодействий на макросоциальном уровне и представлен ценностями, обусловленными культурными особенностями общества. Представленная нами система социально-психологических факторов эмиграционных установок предполагает исследование всех предикторов в единстве и целостности, которые ранее изучались по отдельности.

Выявленная система социально-психологических факторов эмиграционных установок применима для прогнозирования эмиграционной активности молодых людей различной этнической принадлежности и людей из разных культур, что проверено эмпирически на группах молодежи из Казахстана и России. При этом, сочетание предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи имеет свои особенности, что обусловлено ориентацией казахстанцев на ценности, отражающие преимущественно групповые интересы, а россиян – ориентацией на ценности, выражающие преимущественно интересы индивида. Так, эмиграционные установки *казахстанской молодежи* детерминируют на макроуровне следование метаценностям «Открытость изменениям» и «Самоутверждение», ослабление приверженности метаценности «Сохранение», на мезоуровне – недоверие институтам власти и выраженность надежды на оказание помощи и поддержки родными, проживающими за рубежом, на микроуровне – понижение ощущения субъективного благополучия. Эмиграционные установки *российской молодежи* детерминированы на макроуровне ориентацией на метаценность «Самоутверждение», на мезоуровне – недоверием институтам власти и выраженностью чувства надежды на помощь близких, проживающих в нынешней стране и за границей, на микроуровне – снижением ощущения субъективного благополучия.

На основе полученной совокупности предикторов в системе факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи были определены психологические портреты потенциальных эмигрантов из Казахстана и России среди молодежи. Так, казахстанская молодежь, устремленная эмигрировать из родной страны, прежде всего, не удовлетворена условиями

проживания в Казахстане, обеспечиваемой государством безопасностью и уровнем дохода, и как следствие не доверяет президенту и акиму. Проживание в некомфортных условиях жизни и сокращение общего уровня благосостояния казахстанской молодежи сопровождается снижением их ощущения эмоционального благополучия, в частности, молодые казахстанцы не чувствуют радости и воодушевления, что наряду с неудовлетворенностью базовых потребностей и утратой доверия президенту и акиму подталкивает молодежь к смене страны проживания. Выталкивающие из родной страны факторы подкрепляются ощущением удовлетворенности результатами прилагаемых ими усилий для достижения личного благополучия, насыщенностью жизни смыслами, открытостью к получению нового опыта, свежих впечатлений, желанием проявить свою автономность, а также и стремлением казахстанской молодежи повысить свой авторитет и улучшить материально-финансовое положение. Молодые казахстанцы, ориентированные на эмиграцию, не привержены традиционным ценностям, преобладающим в казахстанском обществе, и не желают подстраиваться под нормы, сложившиеся среди населения родной страны. Подобное несоответствие ценностей потенциальных эмигрантов с культивируемыми ценностями в казахстанском обществе побуждают их задумываться о переезде в другую страну. Кроме того, стремления казахстанской молодежи к переезду за рубеж поддерживаются их чувством надежды на получение помощи со стороны близких людей, проживающих за границей.

Мотивация российской молодежи в некоторой степени схожа с мотивацией казахстанской молодежи, однако у россиян не так ярко выражен ценностный аспект. Так же, как и у молодых казахстанцев, мотивы сменить страну проживания молодых россиян исходят из неудовлетворенности условиями проживания в родной стране, утратой чувства безопасности, падением доверия президенту и представителям местной власти. Негативное восприятие жизненных условий российской молодежи сопровождается ослаблением ощущения положительных эмоций, в частности, понижением оптимистического настроя, отсутствием радости и воодушевления в жизни, способствующее развитию

стремлений покинуть страну проживания. Российская молодежь, которая намерена переехать за пределы своей страны проживания, уверенна в себе, удовлетворена своими внутренними и внешними характеристиками и ощущает самосогласованность личности. Молодые россияне посредством переезда за пределы родной страны желают, с одной стороны, выйти из своего негативного состояния недоверия и неблагополучия, получить доступ к среде, которая представляется им более безопасной и ресурсной по сравнению с нынешней средой, а с другой стороны, они стремятся реализовать свой потенциал, достичь собственного успеха за рубежом и улучшить свое финансово-материальное благосостояние. Устремления российской молодежи на эмиграцию подкрепляются их чувством надежды на получение поддержки со стороны близких, родственников и друзей.

Таким образом, поставленная цель в настоящей работе выявить систему социально-психологических факторов эмиграционных установок молодежи достигнута. А выдвинутая гипотеза о связи эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи с системой социально-психологических факторов, функционирующих на трех уровнях взаимодействия личности с социумом: на макроуровне – метаценностями, детерминированными культурой; на мезоуровне – институциональным доверием и надеждой на оказание помощи близких на родине и за границей, на микроуровне – субъективным благополучием, нашла свое подтверждение.

При всех имеющихся достоинствах проведенного исследования, имеется и ряд его ограничений, заключающиеся в том, что:

• выборки не сбалансированы по полу, а именно, в казахстанской и российской выборках большинство представлено респондентами женского пола (78 % и 77 % соответственно), и не выравнены по социально-профессиональному параметру, выражающаяся в преобладании студентов в выборке казахстанцев 95 % (347), в выборке россиян 98 % (387);

• при изучении установок молодых людей на переезд за границу не учтены их цели планируемого выезда из страны, которые указывали бы на вид предполагаемой эмиграции (образовательная, трудовая, временная, постоянная и т.п.);

• в анкету не включен вопрос о предполагаемой стране переезда молодых людей. Имея знания о потенциальной стране проживания молодежи, можно найти объяснение обусловленности действия определенных факторов в отношении эмиграционных установок молодежи.

С учетом выделенных ограничений представленного исследования в перспективе планируется изучение эмиграционной мотивации молодежи в зависимости от вида предполагаемой эмиграции (образовательная, трудовая, временная, постоянная т.п.) и с учетом потенциальной страны для проживания, что послужит основанием для структуризации мотивов переезда за границу образовательных, трудовых и т.п. мигрантов. Ввиду неоднородности казахского и русского этносов, отражающееся в следовании разным ценностям в зависимости от региона проживания, от использования преимущественно казахского или русского языка в речи (касательно казахстанской выборки) планируется дополнить и расширить нынешнее исследование анализом данных казахоговорящих и русскоговорящих казахов, жителей северных и южных регионов Казахстана, мегаполисов и регионов Казахстана и России, восточной (азиатской) и западной (европейской) части России. Подобная классификация поможет нам определить какие регионы Казахстана и России обладают высоким потенциалом к эмиграции молодежи, установить их ценностный профиль, который, скорее всего, предопределит выталкивающие из страны и удерживающие на родине факторы установок к переезду за рубеж молодых людей.

Данное диссертационное исследование расширило не только теоретические знания в сфере изучения проблем миграции, но и внесло определенный практический вклад. Полученные результаты исследования возможно применять при составлении программ учебных курсов в образовательных учреждениях, посвященных межэтнической психологии и психологии миграционной активности населения. Кроме того, данные, представленные в работе, можно

использовать при оценке миграционных настроений молодежи. Знания о кросскультурных особенностях мотивации потенциальных мигрантов могут быть полезны в работе психолога по оказанию психологической поддержки людям, которые намереваются переехать за пределы родной страны. Опираться на полученные данные можно при разработке психодиагностического инструментария, направленного на исследование эмиграционных установок людей, мотивов или факторов эмиграционной активности населения, также при составлении программ государственной молодежной политики.

Список сокращений и условных обозначений

ВВП – валовой внутренний продукт

ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения

ООН – организация объединённых наций

РК – республика Казахстан

CFI (Comparative Fit Index) – сравнительный индекс соответствия

COVID-19 – аббр. от англ. COronaVIrus Disease 2019 — коронавирусная инфекция 2019 года, рус. Ковид

CSI (Center for Strategic Initiatives) – центр стратегических инициатив.

GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness – глобальное лидерство и эффективность организационного поведения) – крупномасштабное исследование культурных практик, идеалов лидерства, общественного и межличностного доверия.

PCLOSE (p of Close Fit) – вероятность близости RMSEA к 0,05

RMSEA (Root Mean Square Error of Approximation) – среднеквадратичная ошибка

SEM (Structural equation modeling) – метод моделирования структурными уравнениями

Список литературы

1. 42% молодых казахстанцев хотят уехать из страны / А. Сыздыкбаев // Исследование Коммунистической народной партии Казахстана 2020. – URL: https://forbes.kz/process/expertise/42_molodyih_kazahstantsev_hotyat_uehat_iz_stranyi (дата обращения: 10.12.2020). – Текст : электронный.

2. Абетова, З. Т. Предикторы образовательной и трудовой миграции молодежи по результатам анкетного опроса выпускников школ и вузов / З. Т. Абетова, Д. Б. Искакова // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – 2022. –Т. 81, № 2. – С. 113–122.

3. Акижанова, Д. М. Культурные ценности казахского народа и деловые переговоры в Казахстане / Д. М. Акижанова, С. К. Сатенова // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 5 (5). – С. 195–201.

4. Александрова, О. А. Обеспечение атмосферы доверия как условие экономического развития / О. А. Александрова // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 3 (61). – С. 71–81.

5. Алишев, Б. С. Ценности и социальные установки современных студентов: структура и динамика: коллективная монография / Б. С. Алишев, О. А. Аникеенок, В. И. Атагунов, В. В. Васина, Г. И. Кашапова, Е. Р. Сагеева, Ю. М. Фисин; отв. ред. Б. С. Алишев. – Казань : «Данис» ИПП ПО РАО, 2010. – 240 с.

6. Альперович, В. Д. "Свои" люди, "чужие" люди и "образ мира" взрослой личности / В. Д. Альперович // Психология и психотехника. – 2020. – № 3. – С. 54–68. – DOI: 10.7256/2454-0722.2020.3.33852 – Текст : электронный

7. Ананьев, Б. Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность / Б. Г. Ананьев – М. : Директ-Медиа, 2008. – 134 с.

8. Андреева, Г. М. Психология социального познания: учеб. пособие, 3-е изд., перераб. и доп. / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 303 с.

9. Ашилова, М. С. Влияние пандемии COVID-19 на самочувствие студенческой молодежи в Казахстане / М. С. Ашилова, А. С. Бегалинов, К. К. Бегалинова // Вестник НАН РК. – 2021. – № 5. – С. 214–221.

10. Байков, А. А. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия / А. А. Байков, А. С. Лукьянец, Е. Е. Письменная [и др.] // Социологические исследования. – 2018. – № 11 (415). – С. 75–84.

11. Барановский, М. В. Кросснациональные социологические исследования межличностного и институционального доверия / М. В. Барановский, А. В. Борисов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2020. – Т. 6 (72), № 2. – С. 3–14.

12. Бокаев, Б. Н. Интеллектуальная миграция молодежи Казахстана в США: причины и риски / Б. Н. Бокаев, З. Т. Торебекова, Ж. Ж. Давлетбаева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2019. – № 8. – С. 189–194.

13. Борытко, Н. М. Становление субъектной позиции учащегося в гуманитарном пространстве урока : монография / Н. М. Борытко, О. А. Мацкайлова ; под ред. Н. К. Сергеев. – Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2002. – 131 с.

14. Брушлинский, А. В. Проблемы психологии субъекта / А. В. Брушлинский. – М. : Институт психологии РАН, 1994. – 109 с.

15. Бурова, Е. Е. Светскость и религия в современном Казахстане: модернизация духовно-культурных смыслов и стратегий : коллективная монография / Е. Е. Бурова, З. К. Шаукенова, А. Г. Косиченко, А. М. Амребаев, А. К. Назарбетова [и др.] – Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК 2020. – 278 с.

16. В период пандемии уровень доверия казахстанцев к власти снизился вдвое / С. Цой // Бюро экспресс-мониторинга общественного мнения DEMOSCOPE. – URL: https://factcheck.kz/health/v-period-pandemii-uroven-doveriya-kazaxstancev-k-vlasti-snizilsya-vdvoe/ (дата обращения: 26.12.2020). – Текст : электронный.

17. Веселова, Е. К. Социальная поддержка как ресурс обеспечения субъективного благополучия студенческой молодежи / Е. К. Веселова, Е. Ю. Коржова, О. В. Рудыхина, Т. В. Анисимова // Социальная психология и общество. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 44–58.

18. Возраст молодежи повышают до 35 лет включительно / Т. Замахина // Законопроект о молодежной политике в РФ. – URL: https://rg.ru/2020/12/22/vozrast-molodezhi-povyshaiut-do-35-let-vkliuchitelno.html (дата обращения: 10.01.2021). – Текст : электронный.

19. ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://www.znak.com/20200908/vciom_kazhdyy_shestoy_rossiyanin_hochet_emigrirovat (дата обращения: 15.01.2021). – Текст : электронный.

20. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / В. К. Левашов [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. – М. : ФНИСЦ РАН, 2021. – 558 с.

21. Ганзен, В. А. Системные описания в психологии / В. А. Ганзен. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.

22. Гордеева, С. С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии / С. С. Гордеева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 3 (27). – С. 135–140.

23. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – № 10. – С. 31–50.

24. Григорьева, М. В. Этнопсихологические особенности удовлетворенности личности жизнедеятельностью / М. В. Григорьева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 10. – С. 48–51.

25. Гриценко, В. В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов из стран Средней Азии и Казахстана в России / В. В. Гриценко // Этническая психология и общество / Отв.ред. Н. М. Лебедева. – М. : Старый сад, 1997. – С. 306–315.

26. Гриценко, В. В. Ценности как психологический ресурс студентов России и Казахстана при совладании со страхом перед COVID-19 / В. В. Гриценко, А. Д. Резник, Р. Израйловиц, В. В. Константинов, И. В. Гужва // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 119–135.

27. Гриценко, В. В. Ценностная структура личности соотечественников в условиях возвращения их на историческую родину / В. В. Гриценко, Ю. В. Ковалева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2018. – Т.7, №1 (25). – С. 49–55.

28. Гришин, Е. Е. Концепция понятия «Студенчество» в социологии / Е. Е. Гришин // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – № 4. – С. 112–116.

29. Гудков, Л. Российское «Поколение Z»: установки и ценности, 2019-2020 / Л. Гудков [и др.]. М. : Фонд имени Фридриха Эберта, 2020. –148 с.

30. Данилова, З. А. Миграционные настроения населения байкальского региона (по материалам социологического исследования) / З. А. Данилова // Проблема прогнозирования. – 2010. – № 3. – С. 115–118.

31. Девяткин, А. А. Явление социальной установки в психологии XX века: монография / А. А. Девяткин. – Калининград : Калинингр. ун-т., 1999. – 309 с.

32. Джидарьян, И. А. Психология счастья и оптимизма / И. А. Джидарьян— М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2019. – 272 с.

33. Доверие Президенту, индивидуализм, семейные ценности: Каковы результаты исследования о молодежи РК / А. Мурат, 2021. – URL: https://www.inform.kz/ru/doverie-prezidentu-individualizm-semeynye-cennosti-kakovy-rezul-taty-issledovaniya-o-molodezhi-rk_a3855309 (дата обращения: 20.11.2021). – Текст : электронный.

34. Ержанова, А. Ж. Концепт согласия: опыт традиционной казахской культуры / А. Ж. Ержанова, Ж. К. Мадалиева // Credo New. – 2021. – № 2 (106). – С. 110–124.

35. Ефременкова, М. Н. Представления о настоящем и будущем страны как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи: кросс-культурный анализ / М. Н. Ефременкова, Н. В. Муращенкова, В. В. Гриценко, С. А. Стельмах, Е. И. Бурдина // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 111–131.

36. Жаркынбекова, Ш. К. Теория измерений Хофстеде для развития межкультурной компетенции (на примере Казахстана) / Ш. К. Жаркынбекова, Р. Ф. Жусупова // Язык в национально-культурном ракурсе: теория и практика: сб. статей, под общ. ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной. – Казань. – 2019. – С. 65–73.

37. Жигарева, П. Стратегии мобильности и сети доверия: анализ современных тенденций / П. Жигарева // Социология власти. – 2015. – Т. 27, № 4. – С. 177–194.

38. Журавлев, А. Л. Социально-психологическое пространство личности / А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. – М. : Институт психологии РАН, 2012. – 496 с.

39. Завьялова, М. П. Полидетерминизм как методологический принцип анализа / М. П. Завьялова // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 2 (22). – С. 126–131.

40. Зеленев, И. А. Субъективное благополучие и доверие в контексте психологической безопасности в современной России и других европейских странах / И. А. Зеленев, В. А. Прохода // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 340–367.

41. Землянухина, С. Г. Трансформация ценностных ориентаций населения России в условиях пандемии / С. Г. Землянухина // Гуманитарный научный журнал. – 2021. – №1. – С. 33–41.

42. Зотова, О. Ю. Психологические особенности россиянок с различным уровнем миграционных намерений / О. Ю. Зотова, С. В. Мостиков // Современное образовательное пространство: Психологическое благополучие и культура безопасности: материалы межрегиональной конференции с международным участием. – Екатеринбург, 2017. – С. 74–77.

43. Зотова, О. Ю. Психологическое благополучие личности : монография. / О. Ю. Зотова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 312 с.

44. Ильин, Е. П. Психология надежды. Оптимизм и пессимизм / Е. П. Ильин. – М. : Санкт-Петербург: Питер, 2021. – 288 с.

45. Исмуханова, Г. Ценности казахстанского общества в социологическом измерении / Г. Исмуханова, Д. Шарипова и др. – Алматы : изд. ТОО «DELUXE Printery», 2020. – 143 с.

46. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / М. С. Каган. – 2-е изд., стер. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 310 с.

47. Каждый пятый в России заявил о значительном падении дохода из-за пандемии / О. Агеева // СК «Росгосстрах Жизнь». – URL: https://www.rbc.ru/economics/07/07/2020/5eff14959a794725e351de43 (дата обращения: 07.08.2021). – Текст : электронный.

48. Калдыбаева, О. В. Традиции vs глобализация: ценностные ориентации населения современного Казахстана / О. В. Калдыбаева, М. С. Калдыбаев // Society and security insights. – 2018. – № 2. – С. 113–138.

49. Калиев, Т. Б. Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2018» (на трех языках: англ., каз., рус.) / Т. Б. Калиев [и др.]. – Астана, 2018. – 410 с.

50. Клецина, И. С. Гендерные нормы как социально-психологический феномен : монография / И. С. Клецина, Е. В. Иоффе. – М. : Проспект, 2019. – 142 с.

51. Кон, И. С. Психология юношеского возраста / И. С. Кон – М. : Книга по Требованию, 2013. – 176 с.

52. Кто уезжает из Казахстана: в прошлом году страну покинули около 30 тысяч человек / Бюро национальной статистики Казахстана. – URL: https://ratel.kz/raw/kto_uezzhaet_iz_kazahstana_v_proshlom_godu_stranu_pokinuli_okolo_30_tysjach_chelovek#:~:text=По%20регионам.%20Казахстанцы%20из%20разных,256%20и%20Шымкента%20–%20533 (дата обращения: 11.02.2021). – Текст : электронный.

53. Кузнецов, И. Ю. Самоопределение личности на жизненном пути / И. Ю. Кузнецов, С. А. Кузнецова. – Магадан : Кордис, 2003. – 216 с.

54. Кузнецова, С. А. Влияние родителей на миграционные образовательные намерения старшеклассников / С. А. Кузнецова // European Social Science Journal. – 2017. – № 5. – С. 529–537.

55. Кузнецова, С. А. Временные перспективы и миграционные установки магаданских студентов на разных этапах обучения / С. А. Кузнецова // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 67–78.

56. Кузнецова, С. А. Миграционные установки как специфический вид социальных установок / С. А. Кузнецова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2012. – № 4. – С. 61–65.

57. Кузнецова, С. А. Разработка шкалы миграционных установок личности / С. А. Кузнецова, И. Ю. Кузнецов, А. В. Фещенко // Вестник РУДН. Серия : Психология и педагогика. – 2014. – № 1. – С. 83–90.

58. Купрейченко, А. Б. Психология доверия и недоверия / А. Б. Купрейченко. – М. : Институт психологии РАН, 2008. – 576 с.

59. Курманова, Г. К. Эмиграция из Казахстана и ее воздействие на изменение интеллектуального потенциала страны / Г. К. Курманова, Б. А. Уразова, А. А. Ким, Б. Б. Суханбердина // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2021. – № 3 (31). – С. 89–98.

60. Лабунская, В. А. Надежда как условие психологической безопасности личности и общества / В. А. Лабунская // Социальная психология и общество. – 2011. – № 4. – С. 15–26.

61. Латова, Н. В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) / Н. В. Латова // Вестник «Институт социологии». – 2016. – № 4 (19). – С. 155–179.

62. Лебедева, Н. М. Ценности культуры и развитие общества / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 527 с.

63. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколова. – М. : Смысл; Академия, 2005. – 431 с.

64. Лепшокова, З. Х. Удовлетворенность работой государственных институтов и субъективное благополучие россиян / З. Х. Лепшокова // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: материалы IV международной научной конференции. Т. 1. – Смоленск : Смоленский гуманитарный университет, 2014. – С. 198–201.

65. Лисовский, В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб : СПбГУП, 2000. – 519 с.

66. Ломов, Б. Ф. Системность в психологии: Избранные психологические труды / под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. – М. : Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЕК», 2003. – 424 с.

67. Лункин, Р. Н. Неформальная солидарность на фоне пандемии / Р. Н. Лукин // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 4 (16). – С. 122–128.

68. Магун, В. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами / В. Магун, М. Руднев // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2008. – № 1 (93). – С. 33–58.

69. Максимова, С. Г. Миграционная активность граждан России: факторы и условия миграции / С. Г. Максимова, А. Г. Морковкина, Д. А. Омельченко [и др.] // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2018. – № 10. – С. 107–121.

70. Макушева, М. О. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии / М. О. Макушева, Т. А. Нестик // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 427–447.

71. Мартиросян, О. А. Молодежная занятость и безработица в условиях пандемии COVID-19 / О. А. Мартиросян // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2020. – № 3 (48). – С. 69–74.

72. Массей, Д. Синтетическая теория международной миграции / Д. Массей; гл. ред. В. А. Ионцев // Мир в зеркале международной миграции. – М. : МАКС-Пресс, 2002. – Вып. 10. – С. 162–174.

73. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб. : Прайм Еврознак, 2003. – 718 с.

74. Медведева, Н. В. Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью / Н. В. Медведева, Е. В. Фролова, О. В. Рогач // Социологические исследования. – 2021. – № 10. – С. 132–137.

75. Муращенкова, Н. В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска / Н. В. Муращенкова // Социальная психология и общество. – 2021. – № 12 (1). – С. 77–93.

76. Муращенкова, Н. В. Эмиграционные интенции молодежи: теоретические основы изучения и категориальное разнообразие (обзор зарубежных исследований) / Н. В. Муращенкова // Современная зарубежная психология. – 2021. – Том 10, № 3. – С. 57–67.

77. Муращенкова, Н. В. Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России / Н. В. Муращенкова, В. В. Гриценко, М. Н. Ефременкова, Н. В. Калинина, Е. В. Кулеш, В. В. Константинов, С. Д. Гуриева, А. Ю. Маленова // Культурно-историческая психология. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 113–123.

78. Мухаметов, Р. Почему граждане доверяют правительству? Истоки политического доверия в современной России / Р. Мухаметов // Социологическое обозрение. – 2023. – Т. 2, № 3. – С. 196–218.

79. Мясищев, В. Н. О соотношении биологического и социального в психике человека / В. Н. Мясищев; под ред. А. А. Бодалева. Психология отношений. – М. : Изд-во «Ин-ститут практической психологии»; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.

80. Мясищев, В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды / В. Н. Мясищев; под ред. А. А. Бодалева. – М. : Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т, 2011. – 153 с.

81. Надирашвили, Ш. А. Понятие установки в общей и социальной психологии / Ш. А. Надирашвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1974. – 170 с.

82. Налчаджян, А. А. Этнопсихология / А. А. Налчаджян. 2-е изд. – СПб. ; М. ; Харьков : Питер, 2004. – 381 с.

83. Нарбут, Н. П. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) / Н. П. Нарбут, И. В. Троцук // Вестник РУДН. Серия : Социология. – 2018. – № 18 (1). – С. 131–155.

84. Нарбут, Н. П. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): Сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) / Н. П. Нарбут, И. В. Троцук // Вестник РУДН. Серия : Социология. – 2018. – № 18 (2). – С. 284–302.

85. Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2021: 30 лет Независимости» (на трех языках англ, каз., рус.) / А. Д. Азербаев, Д. Э. Ашимханова, Г. Б. Нашенова, Ж. Е. Нурбаев [и др.] // Научно-исследовательский центр «Молодежь». – 2021. – 320 с.

86. Обухова Л. Ф. Возрастная психология. — М. : Юрайт, 2024. – 412 с.

87. Общество неверующих. Почему казахстанцы не доверяют институтам власти / Центр стратегических инициатив. – URL: https://forbes.kz/stats/obschestvo_neveruyuschih_pochemu_kazahstantsyi_ne_doveryayut_institutam_vlasti (дата обращения: 19.08.2020). – Текст : электронный.

88. Одинцов, А. В. Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) / А. В. Одинцов, А. И. Шипицин, А. Ю. Марченко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 335–354.

89. Охота к перемене мест: зачем и почему? // ВЦИОМ. – № 4091. – URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9976 (дата обращения: 30.10.2019). – Текст : электронный.

90. Пешкова, В. М. Роль родственных и земляческих связей в развитии предпринимательства иностранных мигрантов в России / В. М. Пешкова // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9, № 5. – С. 135–149.

91. Пищик, В. И. Тренды коллективизма и индивидуализма в ментальности представителей молодых поколений / В. И. Пищик, Д. С. Жолдасов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 1–12.

92. Плотников, В. А. Пандемия COVID-19 и поведение россиян: некоторые наблюдения / В. А. Плотников // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2020. – № 2 (44). – С. 19–23.

93. Повышение возраста молодежи обсуждают в Казахстане / Р. Дюсенгулова, 2021. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/povyishenie-vozrasta-molodeji-obsujdayut-v-kazahstane-454637/ (дата обращения: 15.03.2021). – Текст : электронный.

94. Погонцева, Д. В. Красивый внешний облик - представления молодежи / Д. В. Погонцева // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – Т. 8, № 4 (29). – С. 348–350.

95. Почебут, Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология / Л. Г. Почебут. – СПб. : Питер, 2012. – 336 с.

96. Протасова, Т. Н. Оценка места жительства как фактор формирования миграционных установок жителей Кузбасса / Т. Н. Протасова // Вестник КемГУ. Серия : Политические, социологические. – 2019. – № 4 (4). – С. 367–375.

97. Пушкарева, Г. В. Политические ориентации российского студенчества: региональный срез / Г. В. Пушкарева, О. В. Михайлова, Е. В. Батоврина // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22, № 1. – С. 19–33.

98. Рейтинг стран мира по уровню жизни 2021 / И. Захаров. – URL: https://basetop.ru/rejting-stran-mira-po-urovnyu-zhizni-2021/ (дата обращения: 07.01.2022). – Текст : электронный.

99. Ромашева, Ж. Ж. Институциональное доверие казахской и русской молодежи / Ж. Ж. Ромашева // Социальная психология: вопросы теории и практики. – М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – С. 379–382.

100. Ромашева, Ж. Ж. Институциональное доверие как медиатор связи метаценностей с эмиграционной установкой российской молодежи / Ж. Ж. Ромашева // Известия Саратовского университета. Новая серия.

Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 64–69. – DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-1-64-69 – Текст : электронный

101. Ромашева, Ж. Ж. Особенности субъективного благополучия казахской и русской молодежи в условиях пандемии / Ж. Ж. Ромашева // Евразийская психологическая наука и практика: междисциплинарные тенденции / Отв. ред. Е. И. Барабанова. – Усть-Каменогорск : изд. «Берел», 2021. – С. 49–56.

102. Ромашева, Ж. Ж. Роль социальных связей в формировании эмиграционных намерений / Ж. Ж. Ромашева // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире; отв. ред. В. В. Константинов. – Пенза, 2020. – С. 196–201.

103. Ромашева, Ж. Ж. Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи / Ж. Ж. Ромашева, О. В. Калиниченко, И. В. Малышев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Акмеология образования. Психология развития. – 2021. – Т. 10, № 4 (40). – С. 323–333. – DOI: 10.18500/2304-9790-2021-10-4-323-333 – Текст : электронный

104. Ромашева, Ж. Ж. Связь личностных черт с эмиграционными установками молодёжи / Ж. Ж. Ромашева // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2024. – № 4. – С. 1–16. – DOI: 10.18384/2224-0209-2024-4-1515– Текст : электронный

105. Ромашева, Ж. Ж. Связь надежды на оказание помощи близкими людьми с эмиграционными установками молодежи / Ж. Ж. Ромашева // Человеческий капитал. – 2022. – Т. 1, № 12 (168). – С. 328–336. – DOI: 10.25629/HC.2022.12.36. – Текст : электронный

106. Ромашева, Ж. Ж. Связь субъективного благополучия с эмиграционными установками российской молодежи / Ж. Ж. Ромашева // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук; отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юревич, И. И. Ветрова. – М. : изд. «ИПРАН», 2022. – С. 377–379.

107. Ромашева, Ж. Ж. Связь эмиграционных установок с ценностями российской молодежи из больших и малых городов / Ж. Ж. Ромашева // Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение); отв. ред. Б. Б. Айсмонтас, Л. А. Александрова, В. В. Барцалкина, Е. В. Гурова. – М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – С. 386–390.

108. Ромашева, Ж. Ж. Сравнительный анализ культурных ценностей России и Казахстана / Ж. Ж. Ромашева // Социальная психология: вопросы теории и практики. – М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. – С. 470–473.

109. Ромашева, Ж. Ж. Степень выраженности надежды на получение помощи от близких казахской и русской молодежи в контексте эмиграции / Ж. Ж. Ромашева // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире; отв. ред. В. В. Константинов. – Пенза, 2022. – С. 233–240.

110. Ромашева, Ж. Ж. Ценности казахстанской и российской молодежи в условиях пандемии / Ж. Ж. Ромашева // Социальная психология: вопросы теории и практики. – М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. – С.700–703.

111. Ромашева, Ж. Ж. Эмиграционные установки молодежи Казахстана и России / Ж. Ж. Ромашева // «Иннова 2022»; отв. ред. Е. М. Исакаев, Г. С. Исмаилова, С. Н. Айткужинова. – Костанай, 2022. – С. 225–228.

112. Ромашева, Ж. Ж. Эмиграционные установки молодежи северных и южных регионов Казахстана в зависимости от индивидуальных ценностей / Ж. Ж. Ромашева // Minbar. Islamic Studies. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 703–730. – DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-3-703-730 – Текст : электронный

113. Россияне стали больше доверять полиции / Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/news/2021/11/10/1128365.html (дата обращения: 20.09.2021). – Текст : электронный.

114. Ростовская, Т. К. Мир ценностей молодого поколения россиян и казахстанцев / Т. К. Ростовская, Т. Б. Калиев // Ценности и смыслы. – 2018. – № 1 (53). – С. 78–89.

115. Ростовская, Т. К. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции / монография / Т. К. Ростовская, Т. Б. Калиев. – М. : Русайнс, 2019. – 228 с.

116. Рощин, С. К. Западная психология как инструмент идеологии и политики: научное издание / С. К. Рощин; Акад. наук СССР, Ин-т психологии. – М. : Наука, 1980. – 303 с.

117. Рыбаковский, Л. Л. К уточнению понятия «миграция населения» / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2016. – № 12. – С. 78–83.

118. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения: учеб. пособие / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Юрайт, 2019. – 480 с.

119. Рязанцев, И. П. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества / И. П. Рязанцев, М. А. Подлесная, И. В. Богдан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. – 2021. – Т. 21, №1. – С. 97–109.

120. Рязанцев, С. В. Уехать или остаться? миграционные установки участников программы «глобальное образование» / С. В. Рязанцев [и др.] // Социологические исследования. – 2020. – № 12. – С. 65–74.

121. Салихова, А. Б. Личностные ценности и изменения ценностных приоритетов в ситуации неопределенности (на примере пандемии COVID-19) / А. Б. Салихова, М. В. Алашеева, Н. Р. Салихова // Психология. Психофизиология. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 69–79.

122. Секач, М. Ф. Готовность к риску и психологическая безопасность как предикты миграционных намерений / М. Ф. Секач, С. В. Мостиков // Человеческий капитал. – 2017. – № 1 (97). – С. 11–13.

123. Селезнева, Е. В. Психологический портрет современной молодежи: культурно-инвариантные характеристики / Е. В. Селезнева, И. Галлере // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2019. – № 2. – С. 141–155.

124. Семенова, О. В. Связь родственной помощи бабушек и дедушек с удаленностью домохозяйств на примере России, США и Бразилии / О. В. Семенова, М. Л. Бутовская // Человек и культура. – 2021. – № 4. – С. 10–33.

125. Скрипник, Е. О. Миграционные намерения городского населения Хабаровского края / Е. О. Скрипник // Пространственная экономика. – 2010. – № 4. – С. 42–57.

126. Слободчиков, В. И. / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. – 1998. – № 6. – С. 4–17.

127. Сокулер, З. А. Социальное и географическое пространство в концепции П. Бурдье (научно-аналитический обзор) / З. А. Сокулер // Социальное пространство: междисциплинарные исследования: Реферативный сборник. – М. : РАН ИНИОН, 2003. – С. 20–69.

128. Спирина, А. С. Институциональное доверие и коррупция: оценка взаимосвязи / А. С. Спирина // Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евразийском пространстве. – 2021. – Т. 1, № 10. – С. 168–172.

129. Список стран по ВВП (номинал) на душу населения / МВФ. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%92%D0%92%D0%9F_(%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB)_%D0%BD%D0%B0_%D0%B4%D1%83%D1%88%D1%83_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 11.11.2022). – Текст : электронный.

130. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – 3-е изд. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 368 с.

131. Султаниязова, Н. Ж. Взаимосвязь субъективного благополучия и культурных установок русских и казахов / Н. Ж. Султаниязова // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 199–206 (а).

132. Султаниязова, Н. Ж. Соотношение характеристик субъективного и психологического благополучия и культурных измерений русских и казахов /

Н. Ж. Султаниязова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 12. – С. 186–194. – DOI: 10.24158/spp.2018.12.31– – Текст : электронный

133. Сунцова, Я. С. Психологическое благополучие личности в связи с доверием к себе и людям / Я. С. Сунцова // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 30. – Вып. 1. – С. 33–47.

134. Тарасова, Л. Е. Самоотношение как детерминанта субъективного благополучия личности / Л. Е. Тарасова // Известия Саратовского университета. Новая серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – № 3. – С. 86–89.

135. Терин, Д. Ф. Политическое доверие, удовлетворенность и представления о причинах бедности: роль нормативных аспектов институтов в производстве доверия / Д. Ф. Терин // Полис. Политические исследования. –2020. – № 3. – С. 144–157.

136. Титов, А. С. Индивидуальные ценности предпринимателей как предикторы их планируемого благотворительного поведения / А. С. Титов, З. Х. Лепшокова // Организационная психология. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 140–163.

137. Титов, В. В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие молодежи как фактор трансформации национально-государственной идентичности в России. / В. В. Титов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. –№ 11 (3). – С. 27–32.

138. Ткачева, Н. А. Ценностные ориентации казахстанской молодежи / Н. А. Ткачева, Р. С. Баймухаметова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – № 8 (6). – Часть 2. – С. 134–139.

139. Томас, У. Методологические заметки / У. Томас, Ф. Знанецкий // Американская социологическая мысль. М. : Изд-во МГУ. – 1994. – С. 182–194.

140. Топ-60 стран мира по уровню жизни населения – 2023 / Д. Данилов // Доклад ООН о человеческом развитии – 2021/2022. – URL: https://top-rf.ru/places/121-rejting-stran-po-urovnyu-zhizni.html (дата обращения: 13.05.2023). – Текст : электронный.

141. Турдалиева, А. Влияние институционального доверия на субъективное благополучие: пример Кыргызстана / А. Турдалиева, Р. Абдиева // Реформа. – 2021. – № 4 (92). – С. 73–77.

142. Узнадзе, Д. Н. Психологические исследования / Д. Н. Узнадзе. – М. : Наука, 1966 – 449 с.

143. Узнадзе, Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки / Д. Н. Узнадзе, А. М. Авалишвили, А. Г. Баиндурашвили и др. – Тбилиси : Изд-во АН Грузинской ССР, 1963. – Том 2. – 226 с.

144. Федотова, В. А. Взаимосвязь ценностей и политического доверия у российской молодежи / В. А. Федотова // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 11-10 (79). – С. 193–198.

145. Фитисова, А. В. Проблема фундаментальной концептуализации социальной связи в исследованиях М. Грановеттера / А.В. Фитисова // Universum: общественные науки. – 2017. – № 11 (41). – С. 9–13.

146. Фомичева, Т. В. Ценности россиян в условиях пандемии / Т. В. Фомичева // Социальная политика и социология. – 2021. – Т. 20, № 1 (138). – С. 178–185. – DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-178-185 – Текст : электронный

147. Фролова, Е. В. Институциональное доверие в российских регионах / Е. В. Фролова, О. В. Рогач // Вестник Пермского университета. Политология. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 49–58.

148. Фролова, Е. В. Факторы формирования доверия к местной власти в Российской Федерации на современном этапе / Е. В. Фролова, О. В. Рогач // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 719–740.

149. Фролова, С. В. Социально-психологическая концепция приверженности личности стране : дис. … д-ра психол. наук: 19.00.05 / С. В. Фролова. – Саратов, 2020. – 504 с.

150. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: [пер. с англ. Павлова Д. Б., Кирющенко В., Колопотин М.] / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ. Хранитель, 2008. – 736 с.

151. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / К. Хорни. – М : Айрис-Пресс. Серия: Человек и мир, 2004. – 464 с.

152. Хромушина, Е. А. Феминность в контексте русской культуры / Е. А. Хромушина // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. – 2022. – № 4. – С. 156–160.

153. Хрусталева, Н. С. Психология эмиграции (Социально-психологические и личностные проблемы) : дис. …д-ра психол.наук: 19.00.05 / Н. С. Хрусталева. – Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1996. – 332 с.

154. Черноиваненко, Ю. О. Социальные ожидания и надежда / Ю. О. Черноиваненко, М. М. Валиахметова // Социальные явления. – 2015. – № 3. – С. 41–45.

155. Черноушек, М. Психология жизненной среды / М. Черноушек; пер. с чеш. И. И. Попа. Серия : Человечество на пороге XXI века. – М. : Мысль, 1989. – 176 с.

156. Численность молодежи Республики Казахстан (2020-2021 годы) / Демографическая статистика. – URL: https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/5. (дата обращения: 13.06.2021). – Текст : электронный.

157. Чувашов, С. В. Социально-психологический капитал как фактор эмиграционных намерений молодежи / С. В. Чувашов // Психология. Журнал ВШЭ. – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 169–177.

158. Чудновский, В. Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от “внешнего” и “внутреннего” / В. Э. Чудновский // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16, № 2. – С. 15–26.

159. Шамионов, Р. М. Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов / Р. М. Шамионов // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 35. – С. 12.

160. Шамионов, Р. М. Методика диагностики субъективного благополучия личности / Р. М. Шамионов, Т. В. Бескова // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 60. – С. 8.

161. Шамионов, Р. М. Субъективное благополучие личности /

Р. М. Шамионов. – М. : Издательство «Научная книга», 2008. – 296 с.

162. Шамионов, Р. М. Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности / Р. М. Шамионов // Психол. журн. – 2014. – Т. 35, № 4. – С. 68–81.

163. Шарин, В. И. Основы семейной взаимопомощи (на примере семей с детьми - студентами университета) / В. И. Шарин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 87–94.

164. Шихирев, П. Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования / П. Н. Шихирев // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. – М. : Наука, 1976. – С. 278–295.

165. Эмиграция. 2021 / Левада-центр. – URL: https://www.levada.ru/2021/06/09/emigratsiya-2/ (дата обращения: 12.12.2021). – Текст : электронный.

166. Ядова, М. А. Молодежь в условиях пандемии COVID-19: возрастные преимущества и ограничения / М. А. Ядова // Siberian Socium. – 2021. – Т. 5, № 2 (16). – С. 20–28.

167. Abdelwahed, A. The Migration intentions of young Egyptians / A. Abdelwahed, A. Goujon, L. Jiang // Sustainability. – 2020. – Vol. 12., № 23. – DOI:10.3390/su12239803. – Текст : электронный.

168. Adebayo, A. «What are you really doing in this country?»: emigration intentions of Nigerian doctors and their policy implications for human resource for health management /A. Adebayo, O. O. Akinyemi // Int. Migration & Integration. – 2022. – Vol. 23. – P. 1377–1396.

169. Agadjanian, V. Eager to Leave? Intentions to migrate abroad among young people in Kyrgyzstan / V. Agadjanian, L. Nedoluzhko, G. Kumskov // International Migration Review. – 2008. – № 42 (3). – P. 620–651.

170. Ahmad, W. Schwartz personal values, theory of planned behavior and environmental consciousness: How tourists' visiting intentions towards eco-friendly

destinations are shaped? / W. Ahmad, W. G. Kim, Z. Anwer, W. Q. Zhuang // Journal of Business Research. – 2020. – Vol. 110. – P. 228–236.

171. Aliyev, K. Unhappy moves? assessing the link between life (dis)satisfaction and intention to emigrate from Azerbaijan / K. Aliyev, A. Ismayilov, I. Gasimov, A. Isayeva // Economics & sociology. – 2021. – Vol. 14 (3). – P. 127–145.

172. Allport, H. Social attitudes and social consciousness / H. Allport // Classic Contribution to Social Psychology. N.Y. : Oxford University Press. – 1972. – P. 189–190.

173. Argyle, M. The psychology of happiness / M. Argyle. – Routledge, 2013. – 288 p.

174. Baktir, Z. Trust-driven entrepreneurship for community well-being of refugees and their local hosts / Z. Baktir, F. Watson // Journal of macromarketing. – 2021. – Vol. 41, № 2. – P. 251–266.

175. Bakuri, A. Z. Doing kin work among Ghanaians home and abroad: A paradigm shift to ICT. / A. Z. Bakuri, D. Amoabeng // Family Relations. – 2023. – Vol. 72 (2). – P. 585–600.

176. Baniamin, H. M. Mismatch between lower performance and higher trust in the civil service: Can culture provide an explanation? / H. M. Baniamin, I. Jamil, S. Askvik // International political science review. – 2020. – Vol. 41, № 2. – P. 192-206.

177. Barrafrem, K. Trust in the government increases financial well-being and general well-being during COVID-19 / K. Barrafrem, G. Tinghög, D. Västfjäll // Journal of behavioral and experimental finance. – 2021. – Vol. 31, № 100514. – DOI:10.1016/j.jbef.2021.100514. – Текст : электронный.

178. Bedrina, E. Migration from Uzbekistan to Russia: Push-pull factor analysis / E. Bedrina, Y. Tukhtarova, N. Neklyudova // Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production - Proceeding of the International Science and Technology Conference “FarEastCon-2018” Volume 1; editor Denis B. Solovev. Springer. – 2020. – P. 283–296.

179. Bryer, T. A. Non-economic emigration factors that might be pushing citizens out of Lithuania / T. A. Bryer, R. Rauleckas, V. Murealeedharan [et al.] // Public policy and administration. – 2020. – Vol. 19 (1). – P. 35–52.

180. Brzozowski, J. International migration and the (un)happiness push: evidence from polish longitudinal data / J. Brzozowski, N. Coniglio // International migration review. – 2021. – Vol. 55, № 4. – P. 1089–1120.

181. Cai, R. International migration desires related to subjective well-being / R. Cai, N. Esipova, M. Oppenheimer, S. Feng // IZA journal of migration. – 2014. – Vol. 3 (8). – DOI:10.1186/2193-9039-3-8. – Текст : электронный.

182. Chang, W. Corruption and perceived fairness: empirical evidence from East Asian countries / W. Chang // Journal of East Asian studies. – 2021. – Vol. 21 (2). – P. 305–330.

183. Chignell, A. The focus theory of hope / A. Chignell // The Philosophical Quarterly. – 2023. – Vol. 73, № 1. – P. 44–63.

184. Ciziceno, M. Perceived corruption and individuals' life satisfaction: The mediating role of institutional trust / M. Ciziceno, G. A. Travaglino // Social indicators research. – 2019. – Vol. 141 (2). – P. 685–701.

185. Clark, W. A. V. Place attachment and the decision to stay in the neighbourhood / W. A. V. Clark, R. Duque-Calvache, I. Palomares-Linares // Population, Space Place. – 2015. –Vol. 23 (2). – DOI:10.1002/psp.2001. – Текст : электронный.

186. Dalton, R. J. Democratic challenges, democratic choices: the decline in political support in advanced industrial democracies / R. J. Dalton. – N.Y. : Oxford University Press, 2004. – 230 p.

187. Davide, M. Human values and trust in institutions across Countries: A multilevel test of Schwartz's hypothesis of structural equivalence / M. Davide, D. Spini, T. Devos // Survey Research Methods. – 2012. – Vol 6, № 1. – P. 49–60.

188. De Neve, J.-E. The objective benefits of subjective well-being / J. E. De Neve, E. Diener, L. Tay, C. Xuereb // World happiness report 2013; J. F. Helliwell, R. Layard, J. Sachs (eds.). – New York : UN Sustainable Development Solutions Network. – 2013. – Vol. 2. – P. 54–79.

189. Devos, T. Conflicts among human values and trust in institutions / T. Devos, D. Spini, S. H. Schwartz // British Journal of Social Psychology. – 2002. –Vol. 41 (4). – P. 481–494.

190. Diener, E. Advances in subjective well-being research / E. Diener, S. Oishi, L. Tay // Nature Human Behaviour. – 2018. – Vol. 2, № 4. – P. 253–260.

191. Diener, E. Culture and well-being: The collected works / E. Diener. – Dordrecht Springer, 2009. – 304 p.

192. Edwards, L. M. Hope across cultural groups / L. M. Edwards, K. McConnell // Current Opinion in Psychology. – 2023. – Vol. 49. – DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101505. – Текст : электронный.

193. Eissazade, N. Attitude towards migration of psychiatric trainees and early career psychiatrists in Iran / N. Eissazade, D. Hemmati, N. Ahlzadeh, [et al.] // BMC Med. Educ. – 2021. – Vol. 21 (1). – DOI:10.1186/s12909-021-02926-y. – Текст : электронный.

194. Esaiasson, P. In pursuit of happiness: Life satisfaction drives political support / P. Esaiasson, S. Dahlberg, A. Kokkonen // European journal of political research. – 2020. – Vol. 59, № 1. – P. 25–44.

195. Festinger, L. A theory of social comparison processes / L. Festinger // Human Relations. – 1954a. – Vol. 7. – P.117–140.

196. Fouarge, D. Personality traits, migration intentions, and cultural distance / D. Fouarge, M. N. Özer, P. Seegers // IZA DP. – 2019. – Vol. 12444. – P. 1–38.

197. Fromm, E. The Revolution of hope, toward a humanized technology / E. Fromm. –NY, 1968. – 231 p.

198. Gajdosova, B. Life satisfaction, dimensions of internalized cultural values and self-efficacy related to emigration intentions for a long-term stay abroad of university students in five European countries / B. Gajdosova, O. Orosova, J. Benka, G. Van Hal [et al.] // Journal of language and cultural education. – 2020. – Vol. 8, № 2. – P. 53–68.

199. Gajdošová, B. Vybrané psychologické faktory súvisiace s emigračnými zámermi trvalého odchodu vysokoškolákov do zahraničia / B. Gajdosova, O. Orosova //

Československá psychologie: časopis pro psychologickou teorii a praxis. – 2019. – Vol. 63 (3). – P. 249–264.

200. Gherheș, V. Migration intentions of Romanian engineering students / V. Gherheș, G. M. Dragomir, M. Cernicova-Buca // Sustainability. – 2020. – Vol. 12 (12). – P. 4846–4877.

201. GLOBE 2020. – URL: https://globeproject.com/results/countries/ (дата обращения: 22.10.2021). – Текст : электронный.

202. Goebel, J. The German Socio-Economic Panel Study (SOEP). Jahrbücher für Nationalökonomie 39 und Statistik / J. Goebel, M. M. Grabka, S. Liebig, M. Kroh [et al.] // Journal of economics and statistics, 2019. – Vol. 239 (2). – P. 345–360.

203. Hoffman, S. Religiosity and migration aspirations among Mexican youth / S. Hoffman, F. F. Marsiglia, S. L. Ayers // Int. Migration and Integration. – 2015. – Vol. 16. – P. 173–186.

204. Hofstede, G. Dimension data matrix / G. Hofstede. – 2020. – URL: https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/ (дата обращения: 25.08.2020). – Текст : электронный.

205. Hooper, D. Structural equation modelling: guidelines for determining model fit / D. Hooper, J. Coughlan, M.R. Mullen // Electronic journal of business research methods. – 2008. –Vol. 6, № 1. – P. 53–60.

206. Horiuchi, Y. Country risks and brain drain: the emigration potential of Japanese skilled workers / Y. Horiuchi, N. Oishi // Social science japan journal. – 2022. – Vol. 25, № 1. – P. 55–82.

207. Huber, J. Defying democratic despair: A Kantian account of hope in politics / J. Huber // European journal of political theory. – 2021. – Vol. 20., № 4. – P. 719–738.

208. Inglehart, R. Modernization, cultural change, and democracy. The human development sequence / R. Inglehart, C. Welzel. – N. Y. : Cambridge University Press, 2005. – 333 p.

209. Ivlevs, A. Happy moves? Assessing the link between life satisfaction and emigration intentions / A. Ivlevs // Kyklos. – 2015. – Vol. 68 (3). – P. 335–356.

210. Kiryakova, A. V. Value orientations: what portrait of modern students is? /

A. V. Kiryakova [et al.] // Revista San Gregorio. – 2020. – Vol. 37. – P. 1–9.

211. Kline, R. B. Principles and practice of structural equation modeling (4th ed.) / R. B. Kline. – N. Y. : The Guilford Press, 2016. – 421 p.

212. Kołczyńska, M. The economy and governance as determinants of political trust in europe: an analysis of the European values study and world values survey, 1990-2019 / M. Kołczyńska // Sociologický časopis / Czech Sociological Review. – 2020. – Vol. 56 (6). – P. 791–834.

213. Kumpikaitė-Valiūnienė, V. Migration culture: a comparative perspective / V. Kumpikaitė-Valiūnienė, V. Liubinienė, I. Žičkutė, J. Duobienė [et al.]. – Springer Nature, 2021. – 186 p.

214. Laurinavičius, A. Impact of income inequality on emigration: case of Lithuania and other new EU member states / A. Laurinavičius // Business, Management and Economics Engineering. – 2020. – Vol. 18 (2). – P. 265–281.

215. Lee, S. Subjective well-being and mental health during the pandemic outbreak: exploring the role of institutional trust / S. Lee // Research on Aging. – 2022. – Vol. 44 (1). – P. 10–21.

216. Leong, C.-H. The socio-psychological profile of prospective emigrants: Singaporeans leaving Singapore / C.-H. Leong. – Immigration: policies, challenges, and impact; ed. E. Tartakovsky. – Hauppauge, N. Y. : Nova Science Publishers, 2013. – P. 29–49.

217. Luhmann, N. Trust and power / N. Luhmann. – N. Y. : John Wiley and Sons, 2018. – 228 p.

218. Manchin, M. Social networks and the intention to migrate / M. Manchin, Orazbayev S. // World Development. Elsevier. – 2018. – Vol. 109., № C. – P. 360–374.

219. McAuliffe, M. World Migration Report 2020. Migration and migrants: A global overview / M. McAuliffe, B. Khadria. – International Organization for Migration. Geneva, 2020. – 498 p.

220. McGeer, V. Trust, hope and empowerment / V. McGeer // Australasian journal of philosophy. – 2008. – Vol. 86 (2). – P. 237–254.

221. Mead, G. Mind, Self and Society / G. Mead. – Chicago: University of Chicago Press, 1934. – 374 p.

222. Mendonca, C. Disadvantaged youths' subjective well-being: the role of gender, age, and multiple social support attunement / C. Mendonca, F. Simoes // Child indicators research. – 2019. – Vol. 12, № 3. – P. 769–789.

223. Migali, S. Who's about to leave? a global survey of aspirations and intentions to migrate / S. Migali, Scipioni M. // International Migration. – 2019. – Vol. 57 (5). – P. 181–200.

224. Oishi, S. Culture and subjective well-being: conceptual and measurement issues / S. Oishi. – Handbook of well-being; (eds.) E. Diener, S. Oishi, L. Tay. – Salt Lake City, UT: DEF Publishers. – 2018. – P. 1-15.

225. Otrachshenko, V. Life (Dis) Satisfaction and the intention to migrate: evidence from central and Eastern Europe / V. Otrachshenko, O. Popova // Journal of Socio-Economics. – 2014. – Vol. 48. – P. 40–49.

226. Panagiotakopoulos, A. Investigating the factors affecting brain drain in Greece: looking beyond the obvious / A. Panagiotakopoulos // World journal of entrepreneurship management and sustainable development. – 2020. – Vol. 16, № 3. – P. 207–218.

227. Piguet, E. African students' emigration intentions: case studies in Côte d'Ivoire, Niger, and Senegal, African / E. Piguet, D. Nassa, El H. M. Ndiaye, A. Oumarou, Ch. S. Wade // Geographical Review. – 2022. – Vol. 41 (1). – P. 56–70.

228. Piumatti, G. The mediation effect of political interest on the connection between social trust and wellbeing among older adults / G. Piumatti, D. Magistro, M. Zecca, D. W. Esliger // Ageing & Society. – 2018. – Vol. 38 (11). – P. 2376–2395.

229. Polgreen, L. A. Happiness and international migration / L. A. Polgreen, N. B. Simpson // Journal of Happiness Studies. – 2011. – Vol. 12 (5). – P. 819–840.

230. Rand, K. L. Hope and optimism as predictors of academic performance and subjective well-being in college students / K. L. Rand, M. L. Shanahan, I. C. Fischer, S. K. Fortney // Learning and individual differences. – 2020. –Vol. 81. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.lindif.2020.101906. – Текст : электронный.

231. Ratcliffe, M. The underlying unity of hope and trust / M. Ratcliffe // The Monist. – 2023. – Vol. 106, № 1. – P. 1–11. DOI: https://doi.org/10.1093/monist/onac018. – Текст : электронный.

232. Sagiv, L. Value priorities and subjective well-being: direct relations and congruity effects / L. Sagiv, S. H. Schwartz // European Journal of Social Psychology. – 2000. – Vol. 30. – P. 177–198.

233. Samarsky, E. Who is thinking of leaving Germany? The role of postmaterialism, risk attitudes, and life-satisfaction on emigration intentions of German nationals / E. Samarsky // SOEP papers on multidisciplinary panel data research. – 2020. – Vol. 1066. – P. 1–35.

234. Schwartz, S. H. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement / S. H. Schwartz, G. Melech, A. Lehmann, S. Burgess [et al.] // Journ. of Cross-Cultural Psychology. – 2001. – Vol. 32., № 5. – P. 519–542.

235. Schwartz, S. H. Les valeurs de base de la personne: Theory, mesures et applications / S. H. Schwartz // Revue francaise de sociologie. – 2006. – Vol. 47. – P. 249–288.

236. Schwartz, S. H. Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: psychometrics of the revised portrait value questionnaire / S. H. Schwartz, J. Cieciuch // Assessment. – 2022. – Vol. 29, №. 5. – P. 1005–1019.

237. Schwartz, S. H. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications / S. H. Schwartz, W. Bilsky // Journal of personality and social psychology. – 1990. – Vol. 58 (5). – P. 878–891.

238. Seddig, D. Values, attitudes toward interpersonal violence, and interpersonal violent behavior / D. Seddig, E. Davidov // Front. Psychol. – 2018. – Vol. 9 (604). – P. 1-13.

239. Seligman, A. B. The problem of trust / A. B. Seligman. – Princeton University Press, 2021. – 240 p.

240. Shabbir, H. Students' perceptions of emigration to foreign countries for higher education: Evidence from a Pakistani university / H. Shabbir, U. Ahmed,

G. Ayesha, A. Aaisha // Journal of human behavior in the social environment. – 2021. – Vol. 31, № 6 – P. 782–798.

241. Shimolina, M. V. Value orientations of modern youth / M. V. Shimolina, E. L. Lutsenko, J. A. Tyurina [et al.] // European proceedings of social and behavioural sciences: International scientific conference; N. G. Bogachenko (Ed.). – 2022. – Vol. 126. – P. 853–859.

242. Silventoinen, K. Selective international migration by social position, health behaviour and personality / K. Silventoinen, N. Hammar, E. Hedlund [et al.] // European journal of public health. – 2008. – Vol. 18 (2). – P. 150–155.

243. Simas, C. Hope and trust in times of Zika: the views of caregivers and healthcare workers at the forefront of the epidemic in Brazil / C. Simas, L. Penn-Kekana, H. Larson // Health Policy and Planning. – 2020. – Vol. 35., № 8. – P. 953–961.

244. Simkin, H. The centrality of events, religion, spirituality, and subjective well-being in Latin American Jewish immigrants in Israel / H. Simkin // Front. Psychol. – 2020. – Vol. 11:576402. – P. 1–8.

245. Simpson, N. Demographic and economic determinants of migration / N. Simpson // IZA World of Labor. – 2022. – DOI:10.15185/izawol.373.v2. – Текст : электронный.

246. Simpson, N. B. Happiness and migration / N. B. Simpson // In Handbook on the economics of migration, edited by constant; A. F. Zimmermann, K. F. –Cheltenham, UK: Edward Elgar. – 2013. – P. 393–410.

247. Skimina, E. Traits and values as predictors of the frequency of everyday behavior: Comparison between models and levels / E. Skimina, J. Cieciuch, W. Strus // Current Psychology. – 2021. – Vol. 40, № 1. – P. 133–153.

248. SOEP 2009. Time Series on Selected Indicators about “Living in Germany”. SOEP monitor 1984-2008. (SOEP v28) / SOEP Survey – 119 p.

249. Steel, P. The happy culture: a theoretical, meta-analytic, and empirical review of the relationship between culture and wealth and subjective well-being / P. Steel, V. Taras, K. Uggerslev, F. Bosco // Personality and social psychology review. – 2018. – Vol. 22, № 2. – P.128–169.

250. Szilágyi, R. Migrációs regionális profilok vizsgálata Magyarországon, nagymintás adatbázison / R. Szilágyi, B. Varga és Siskáné, B. Szilasi // Tér és Társadalom. – 2017. – Vol. 31 (4). – P. 164–180.

251. Taras, V. Improving cultural indices and rankings based on a meta-analysis of Hofstede's dimensions / V. Taras, P. Steel, B. L. Kirkman // Journal of World Business. – 2012. – Vol. 47. – P. 329–341.

252. Tartakovsky, E. Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: the case of Russian Jews / E. Tartakovsky, E. Patrakov, M. Nikulina // International Journal of Intercultural Relations. – 2017. – Vol. 59, № 1. – P. 53–67.

253. Tartakovsky, E. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews / E. Tartakovsky, Sh. H. Schwartz // International Journal of Psychology. – 2001. – Vol. 36, № 2. – P. 88–99.

254. Thomas, W. The Polish peasant in Europe and America. / W. Thomas, F. Znaniecki. – N.Y. : Second edition, 1927. – Vol. 1. – 1115 p.

255. Thoresen, S. Loss of trust may never heal. Institutional trust in disaster victims in a long-term perspective: Associations with social support and mental health / S. Thoresen, M. S. Birkeland, T. Wentzel-Larsen, I. Blix // Frontiers in Psychology. – 2018. – Vol. 9, № 1204. – P. 1–10.

256. Tokuda, Y. The relationship between trust in mass media and the healthcare system and individual health: Evidence / Y. Tokuda, S. Fujii, M. Jimba, T. Inoguchi // Asia Barometer survey. BMC Medicine. – 2009. – Vol. 7 (1), № 4. – P. 1–10.

257. Tsurumi, T. Are cognitive, affective, and eudaimonic dimensions of subjective well-being differently related to consumption? evidence from Japan / T. Tsurumi, R. Yamaguchi, K. Kagohashi, S. Managi // Journal of happiness studies. – 2021. – Vol. 22 (2). – P. 2499–2522.

258. Tu, W. Influence of individual values on attitudes toward corruption: What undermine formal anticorruption effectiveness / W. Tu, J. Yang, Y. Zheng // Asian J Soc Psychol. – 2020. – Vol. 23. – P. 264–277.

259. Tversky, A. Advances in prospect theory: cumulative representation of uncertainty / A. Tversky, D. Kahneman // Journal of risk and uncertainty. – 1992. – Vol. 5 (4). – P. 297–323.

260. Vathi, Z. Return migration and psychosocial wellbeing: Discourses, policy-making and outcomes for migrants and their families / Z. Vathi, R. King (eds.). – London: Routledge, 2017. – 298 p.

261. Velez Gabriel, M. Trust, civic self-efficacy, and acceptance of corruption among Colombian adolescents: shifting attitudes between 2009-2016, Compare / M. Velez Gabriel, T. Knowles Ryan // A Journal of comparative and international education. – 2022. – Vol. 52 (8). – P. 1205–1221.

262. Yan, B. Income inequality, corruption and subjective well-being / B. Yan, B. Wen // Applied economics. – 2020. – Vol. 52 (12). – P. 1311–1326.

263. Yang, J. Government's economic performance fosters trust in government in China: Assessing the moderating effect of respect for authority / J. Yang, C. Dong, Y. Chen // Social indicators research. – 2021. – Vol. 154, № 2. – P. 545–558.

264. Yi, G. Four sources of trust and life satisfaction for Korean elders / G. Yi // Korean Social Science Journal. – 2009. – Vol. 36 (1). – P.61–92.

265. Zabelina, E. V. Life values and subjective well-being of the indigenous small-numbered peoples of the arctic zone(based on the example of the nenets) / E. V. Zabelina, S. A. Kurnosova, I. A. Trushina [et al.] // Journal of Siberian federal university. Humanities and social sciences. – 2020. – Vol. 13, № 6. – P. 997–1006.

266. Zmerli, S. Political trust. / S. Zmerli // Encyclopedia of quality of life and well-being research. – 2022. – DOI:10.1007/978-3-319-69909-7_2202-2. – Текст : электронный.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Методический инструментарий на казахском языке

«Жастардың эмиграциялық ниеті» сауалнамасы

Құрметті респондент!

Сізден " Қазақстан мен Ресейдің эмиграция мәселелері" тақырыбындағы әлеуметтік-психологиялық зерттеуге қатысуыңызды сұраймыз. Сіздің шынайы жауаптарыңыз мәселенің шешімін дәл анықтау үшін өте маңызды.

Алдын ала рахмет және анонимділікке кепілдік береміз!

Нұсқауларды мұқият орындаңыз және сұрақтарды жіберіп алмаңыз.

1 бөлім

1. Ұсынылған шкала бойынша шағымдармен келісім дәрежесін белгілеңіз. Нөлдің сол жағындағы санды таңдау сол жақтағы мәлімдememен келісуді, оң жақтағы санды таңдау оң жақтағы мәлімдememен келісуді білдіреді: 0 – мәлімдемелер арасындағы таңдауға күмәнданғаныңызды білдіреді; 1 – Сіз мәлімдememен аздап келісесіз; 2 – Сіз мәлімдememен келісесіз; 3 – Сіз мәлімдememен толық келісесіз. Келісіміңіздің дәрежесін көрсететін санды таңдаңыз.

1. Менің мақсаттарым мен құндылықтарымды іске асыру үшін Қазақстан үздік орын болып табылады деп ойлаймын	3 2 1 0 1 2 3	Менің мақсаттарым мен құндылықтарымды жүзеге асыру үшін Қазақстан емес, басқа ел қолайлы
2. Маған жақын адамдардың мақсаттары мен құндылықтарын іске асыру үшін Қазақстан үздік орын болып табылады	3 2 1 0 1 2 3	Менің жақындарымның мақсаттары мен құндылықтарын іске асыру үшін Қазақстан емес, басқа ел қолайлы
3. Менің жақындарымның пікірінше, менің мақсаттарым мен құндылықтарымды іске асыру үшін Қазақстан үздік орын болып табылады	3 2 1 0 1 2 3	Менің жақындарымның пікірінше, менің мақсаттарым мен құндылықтарымды жүзеге асыру үшін басқа ел жақсы орын болып табылады
4. Өзім мен үшін басқа елде көбірек мүмкіндіктер мен болашағым ашылады	3 2 1 0 1 2 3	Мен үшін Қазақстанда мүмкіндіктер мен болашақ жасауға жеткілікті
5. Маған жақын адамдар үшін басқа елде көбірек мүмкіндіктер мен болашағы ашылады	3 2 1 0 1 2 3	Қазақстандағы маған жақын адамдар үшін көптеген мүмкіндіктер мен болашақ жасауға барлығы бар
6. Жақын адамдар мен үшін басқа елде жарқын болашақ жасауға мүмкіндіктер бар деп санайды	3 2 1 0 1 2 3	Жақындарым, Қазақстанда мен үшін болашақ жасауға мүмкіндіктер жеткілікті деп санайды
7. Мұнда мен үшін қолайлы жағдайлар бар	3 2 1 0 1 2 3	Мен үшін басқа елдегі жағдайлар қолайлы
8. Менің ойымша, жақын адамдарым үшін бұл жерде қолайлы жағдайлар бар	3 2 1 0 1 2 3	Менің ойымша, жақын адамдар үшін басқа елдегі жағдайлар

		қолайлы
9. Менің жақындарым бұл жерде мен үшін қолайлы жағдайлар жасалған деп санайды	3 2 1 0 1 2 3	Менің жақындарым басқа елдегі жағдай мен үшін қолайлы деп санайды
10. Маған Қазақстанда тұру ұнайды	3 2 1 0 1 2 3	Маған басқа елде тұру ұнайды
11. Менің жақындарым Қазақстанда тұрғанды ұнатады	3 2 1 0 1 2 3	Менің жақындарым басқа елде тұруды ұнатады
12. Менің жақындарыма Қазақстанда тұрғаным ұнайды	3 2 1 0 1 2 3	Егер мен басқа елде тұратын болсам, менің жақындарыма көбірек ұнайтын еді
13. Егер мен басқа елдің тұрғыны болсам, мен мақтанар едім	3 2 1 0 1 2 3	Мен Қазақстан тұрғыны екенімді мақтан етемін
14. Менің жақындарым басқа елдің тұрғындары болса, мақтанар еді деп ойлаймын	3 2 1 0 1 2 3	Менің жақындарым Қазақстанның тұрғындары екендіктерін мақтан етеді деп ойлаймын
15. Егер мен басқа елдің тұрғыны болсам, жақындарым мақтанар еді	3 2 1 0 1 2 3	Маған жақын адамдар менің Қазақстан тұрғыны екенімді мақтан етеді
16. Қазақстанда менің көңіл-күйім және жағдайым жақсы	3 2 1 0 1 2 3	Басқа елде көңіл-күй мен жағдайым жақсы болар еді
17. Қазақстанда маған жақын адамдардың көңіл-күйі мен жағдайы жақсы	3 2 1 0 1 2 3	Басқа елде менің жақындарымның көңіл-күйі мен жағдайы жақсы болар еді
18. Маған жақын адамдар Қазақстанда менің көңіл-күйім мен жағдйым жақсы екенін сезеді	3 2 1 0 1 2 3	Маған жақын адамдар басқа елде менің көңіл-күйім мен жағдайым жақсы болар еді деп ойлайды
19. Мен ешқайда көшкім келмейді	3 2 1 0 1 2 3	Мен басқа елге көшкім келеді
20. Маған жақын адамдар Қазақстаннан көшкісі келмейді	3 2 1 0 1 2 3	Маған жақын адамдар Қазақстаннан кеткісі келеді
21. Жақындарым менің Қазақстаннан көшкенімді қаламайды	3 2 1 0 1 2 3	Жақындарым менің Қазақстаннан кеткенімді қалайды
22. Мен бір күні бұл жерден көшемін деп үміттенемін	3 2 1 0 1 2 3	Мен бұл жерден көшудің қажеті жоқ деп үміттенемін
23. Маған жақын адамдар бір күні олар осы жерден көшіп кетеді деп үміттенеді	3 2 1 0 1 2 3	Маған жақын адамдар бұл жерден көшудің қажеті жоқ деп үміттенеді
24. Маған жақын адамдар мен осы жерден көшемін деп үміттенеді	3 2 1 0 1 2 3	Маған жақын адамдар менің бұл жерден көшудің қажеті жоқ деп үміттенеді
25. Менің жоспарларыма Қазақстаннан көшу кірмейді	3 2 1 0 1 2 3	Мен көшу жоспарларын жасаймын
26. Маған жақын адамдар Қазақстаннан көшуді жоспарламайды	3 2 1 0 1 2 3	Менің жақындарым Қазақстаннан көшуге жоспар құрып жатыр
27. Маған жақын адамдар мен Қазақстаннан көшуді жоспарламаймын деп үміттенеді	3 2 1 0 1 2 3	Маған жақын адамдар менің жоспарларыма Қазақстаннан көшу кіреді деп үміттенеді
28. Мен Қазақстанда өмір сүрудің жақсы болашағын достарыммен және таныстарыммен жиі талқылаймын	3 2 1 0 1 2 3	Мен достарыммен және таныстарыммен көшу мәселелерін жиі талқылаймын
29. Менің жақындарым Қазақстанда өмір сүру болашағын достарымен, таныстарымен жиі талқылайды	3 2 1 0 1 2 3	Менің туыстарым достарымен және таныстарымен көшуді жиі талқылайды

30. Егер біз достарымызбен Қазақстанда өмір сүрудің болашағын талқыласақ, менің жақындарым әрқашан қолдайды	3 2 1 0 1 2 3	Егер достарыммен бірге көшу мүмкіндіктерін талқыласақ, менің жақындарым әрқашан мақұлдайды
31. Мен басқа елдегі баспана, жұмыс, оқу туралы маңызды ақпараттарды жинаймын	3 2 1 0 1 2 3	Мен Қазақстандағы болашақ өмірім үшін маңызды ақпараттарды (тұрғын үй, жұмыс, оқу және т. б.) жинаймын.
32. Менің жақындарым олар үшін баспана, жұмыс, басқа елдегі оқу туралы маңызды ақпараттарды жинайды	3 2 1 0 1 2 3	Менің жақындарым олардың Қазақстандағы болашақ өмірі үшін маңызды ақпараттарды (тұрғын үй, жұмыс, оқу және т. б.) жинайды.
33. Менің жақын адамдарым әрқашан басқа ел туралы ақпарат іздеу белсенділігімді қолдайды	3 2 1 0 1 2 3	Менің жақындарым менің Қазақстандағы өмірім үшін маңызды ақпаратты іздеу бойынша белсенділігімді әрдайым қолдайды
34. Мен Қазақстанда өз өмірімді одан әрі абаттандырумен айналысамын	3 2 1 0 1 2 3	Мен көшуге дайындықпен айналысамын
35. Менің жақындарым Қазақстандағы өмірін одан әрі жақсартумен айналысады	3 2 1 0 1 2 3	Менің жақындарым көшуге дайындықпен айналысады
36. Менің жақындарым менің алдағы өмірімді Қазақстанда ұйымдастыру жөніндегі күш-жігерімді қолдайды	3 2 1 0 1 2 3	Менің жақындарым менің көшуге дайындық белсенділігімді қолдайды

2. Егер сіз өз еліңізден тыс жерлерге сапар шегетін болсаңыз (транзитпен кету ескерілмейді), сіз 1-ден 5-ке дейінгі 5 балдық шкала бойынша шетелде болғаныңызды (жалпы әсеріңізді) қалай бағалайсыз:

1 - өте нашар тәжірибе
2-жаман тәжірибе
3-қанағаттанарлық тәжірибе
4-жақсы тәжірибе
5-өте жақсы тәжірибе
6-мен шетелге шықпадым.

3. Сіздің шетелде болу тәжірибеңіз қоныс аудару ниетінің пайда болуына әсер етті ме??

1-иә, оң (шетелде болғаннан кейін мен эмиграцияны жоспарлай бастадым);
2-иә, теріс (шетелде болғаннан кейін Мен өз Отанымды бағалай бастадым және осында тұрғым келеді);
3-жоқ, менің эмиграция жасауға басқа себептері бар
4-жоқ, менің Отанымда болуымның басқа себептері бар.
5-мен шетелге шықпадым

4. Сіз бұрын көшіп барғыңыз келетін елге бардыңыз ба?

1-иә
2-жоқ
3-мен шетелге шықпадым

5. Пандемияға байланысты шектеулер сіздің қоныс аудару ниетіңізге қалай әсер етті?

1-пандемиядан бұрын мен басқа елге көшу туралы ойламадым, қазір-одан да көп
2-пандемияға дейін мен көшуді жоспарладым, қазір бұл ойдан бас тарттым
3-менің басқа елге көшу ниетім әлсіреді.
4-пандемияға дейін мен басқа елге көшуді жоспарламадым, бірақ қазір бұл туралы ойлаймын.
5 -менің басқа елге көшу ниетім одан сайын күшейе түсті

2 бөлім

6. Төменде кейбір адамдардың сипаттамалары келтірілген. Әр сипаттаманы оқып шығыңыз және әр адам сізге қаншалықты ұқсас немесе ұқсамайтыны туралы ойланыңыз. Оң жақтағы 1-ден 6-ға дейінгі шкала бойынша сипатталған адам сізге қаншалықты ұқсас екенін белгілеңіз.

	1 бұл маған мүлдем ұқсамайды	2 ұқсамайды маған	3 маған аз ұқсайды	4 кішкене маған ұқсайды	5 маған ұқсайды	6 өте ұқсайды маған
1.Ол үшін жаңа нәрсені ойлап табу және бәріне шығармашылықпен қарау маңызды. Ол бәрін өз жолымен, өзіндік әдісімен жасағанды ұнатады						
2. Ол үшін бай болу маңызды. Ол көп ақша мен қымбат заттарға ие болғанын қалайды						
3. Ол үшін әлемдегі әр адамға бірдей қарау маңызды. Ол әркімнің өмірде тең мүмкіндіктері болуы керек екеніне сенімді						
4. Ол үшін өз қабілеттерін көрсету маңызды. Ол адамдардың не істеп жатқанына таңданғанын қалайды						
5. Ол үшін қауіпсіз ортада өмір сүру маңызды. Ол өзінің қауіпсіздігіне қауіп төндіретін барлық нәрселерден аулақ болады						
6. Ол тосынсыйларды ұнатады, әрқашан өзі үшін жаңа іс-шаралар табуға тырысады. Ол өмірде көптеген түрлі нәрселерді сынап көру маңызды деп санайды						
7. Ол адамдар айтқандарын орындау керек екеніне сенімді. Оның пікірінше, адамдар әрқашан ережелерді ұстануы керек, тіпті оны ешкім бақыламаса да						
8. Ол үшін басқа адамдардың пікірін тыңдау маңызды. Олармен келіспеген кезде де, ол әлі де олардың көзқарасын түсінгісі келеді						
9. Ол үшін қарапайым болу керек. Ол өзіне назар аудармауға тырысады						
10. Ол үшін жақсы уақыт өткізу маңызды. Оған өзін еркелету ұнайды						
11 Ол үшін не және қалай істеу						

керектігі туралы шешім қабылдау маңызды. Ол еркін болғанды және басқаларға тәуелді болмағанды ұнатады						
12. Ол үшін айналасындағыларға көмектесу өте маңызды. Оған қамқорлық, олардың әл-ауқаты						
13. Ол үшін өте сәтті болу маңызды. Ол адамдар оның жетістіктерін мойындайды деп үміттенеді						
14. Ол үшін мемлекет барлық жағынан оның қауіпсіздігін қамтамасыз етуі маңызды. Ол мемлекеттің мықты болғанын және өз азаматтарын қорғай алатындығын қалайды						
15. Ол қызықты окиғаларды іздейді және тәуекелге барғанды ұнатады. Ол оқиғаларға толы өмір сүргісі келеді						
16. Ол үшін әрдайым дұрыс әрекет ету маңызды. Ол басқа адамдар айыптай алатын әрекеттерді жасамауға тырысады						
17. Ол үшін оны құрметтеу маңызды. Ол адамдардың айтқанын істегенін қалайды						
18. Ол үшін достарына адал болу өте маңызды. Ол өзін жақын адамдарға арнағысы келеді						
19. Ол адамдар табиғатты қорғауы керек деп сенеді. Ол үшін қоршаған ортаға қамқорлық жасау маңызды						
20. Ол дәстүрді бағалайды. Ол діни және отбасылық дәстүрлерді ұстануға тырысады						
21. Ол көңіл көтерудің кез-келген мүмкіндігін іздейді. Ол үшін оған ұнайтын нәрсені жасау өте маңызды						

7. 1 – толық келіспеймін; 2 – келіспеймін; 3 – орташа нәрсе; 4 – келісемін; 5-толық келісемін шкаланы қолдана отырып, мәлімдемелермен келісу немесе келіспеу дәрежесін білдіріңіз.

Мәлімдемелер	толық келіспеймін	келіспеймін	орташа нәрсе	келісемін	толық келісемін
1.Мен өз өмірімде мазасыз немесе қайғыдан гөрі қуанышты оқиғаларды табамын.	1	2	3	4	5
2.Меніңше, мен әл-ауқатқа жету үшін қолдан келгеннің бәрін жасаймын.	1	2	3	4	5
3.Мен сыртқы келбетіме қуаныштымын (сыртқы келбетіме, фигурама).	1	2	3	4	5
4. Мен тұратын жерімдегі қауіпсіздік жағдайларына ризамын.	1	2	3	4	5
5.Негізінен менің әрекеттерім менің өмірлік бағдарларыма сәйкес келеді.	1	2	3	4	5
6. Менің ойымша, өмір маған өте ұнайды.	1	2	3	4	5
7.Мен өзімнің жетістіктеріммен қанағаттанамын.	1	2	3	4	5
8.Өмірімде болып жатқанның бәрін мен жеңіл қабылдаймын	1	2	3	4	5
9. Мен табыс деңгейіме қанағаттанамын.	1	2	3	4	5
10. Мен өкінбеу үшін әрекет етуге тырысамын.	1	2	3	4	5
11. Әдетте менің көңіл-күйім жақсы.	1	2	3	4	5
12. Менің ойымша, мен бақытты болу үшін бәрін жасаймын.	1	2	3	4	5
13. Мен сенімді адаммын деп айта аламын.	1	2	3	4	5
14. Мен өзімнің тұрғын үй жағдайыма қанағаттанамын.	1	2	3	4	5
15.Айналамдағы адамдар мені қаншалықты құрметтейтініне қанағаттанамын.	1	2	3	4	5
16. Жалпы, мен бақыттымын деп айта аламын.	1	2	3	4	5
17. Менің өмірім қызықты оқиғаларға толы.	1	2	3	4	5
18. Мен өз өзіммен үйлесімділікте өмір сүремін.	1	2	3	4	5
19. Менің шағын ауданымда өмір сүрудің экологиялық жағдайы мені қанағаттандырады.	1	2	3	4	5
20.Менің әрекеттерім моральдық құндылықтарыма қайшы келмейді.	1	2	3	4	5
21. Мен өз өміріме оптимизммен қараймын.	1	2	3	4	5
22. Мен әрқашан мақсаттарыма сәйкес әрекет етемін.	1	2	3	4	5
23. Жалпы, менің мінез-құлқым өзіме ұнайды.	1	2	3	4	5
24.Мен өз өмірімді бақытты және гүлденген өмір туралы идеяларыма сүйене отырып құруға тырысамын.	1	2	3	4	5
25.Мен өмірдің әртүрлі жағдайларында жағымды нәрсені табуға тырысамын.	1	2	3	4	5
26.Мен өз өмірімді жақсарту үшін көп күш саламын.	1	2	3	4	5
27.Мен жиі көңілді боламын.	1	2	3	4	5
28.Мен өзіммен сәтті жұмыс істеймін деп айта аламыз.	1	2	3	4	5
29.Менің өмірімде көп нәрсе мені қуантады.	1	2	3	4	5
30.Соңғы уақытта не істеп жатқаным мені шабыттандырады.	1	2	3	4	5
31.Мен күш пен қуатқа толамын.	1	2	3	4	5
32.Әдетте мен өзіме риза болу үшін әрекет етемін.	1	2	3	4	5
33.Менің өмірімде не болып жатқандығы мені шабыттандырады.	1	2	3	4	5
34.Менің өмірім мағынасы мен мақсатқа толы екендігіне қанағаттанамын.	1	2	3	4	5

8. Төменде кейбір ұйымдар мен қоғамдық институттар келтірілген. 1-ден 5-ке дейінгі шкала бойынша оларға қаншалықты сенетініңізге жауап беріңіз, мұнда "1" "мүлдем сенбеймін" және "5" "толығымен сенемін" дегенді білдіреді.

ҚР Президентіне	1- мен мүлдем сенбеймін 2- мен ішінара сенбеймін 3- сенемін бе, сенбеймін бе, айту қиын 4- мен олардың көмегіне сенбегеннен гөрі сене аламын 5- мен толық сенемін
ҚР Үкіметіне	1- мен мүлдем сенбеймін 2- мен ішінара сенбеймін 3- сенемін бе, сенбеймін бе, айту қиын 4- мен олардың көмегіне сенбегеннен гөрі сене аламын 5- мен толық сенемін
Әкімге	1- мен мүлдем сенбеймін 2- мен ішінара сенбеймін 3- сенемін бе, сенбеймін бе, айту қиын 4- мен олардың көмегіне сенбегеннен гөрі сене аламын 5- мен толық сенемін
Жергілікті билікке	1- мен мүлдем сенбеймін 2- мен ішінара сенбеймін 3- сенемін бе, сенбеймін бе, айту қиын 4- мен олардың көмегіне сенбегеннен гөрі сене аламын 5- мен толық сенемін
Полицияға	1- мен мүлдем сенбеймін 2- мен ішінара сенбеймін 3- сенемін бе, сенбеймін бе, айту қиын 4- мен олардың көмегіне сенбегеннен гөрі сене аламын 5- мен толық сенемін
Сот төрелігі жүйесіне	1- мен мүлдем сенбеймін 2- мен ішінара сенбеймін 3- сенемін бе, сенбеймін бе, айту қиын 4- мен олардың көмегіне сенбегеннен гөрі сене аламын 5- мен толық сенемін

9. Сізде басқа елде тұратын туыстарыңыз немесе достарыңыз бар ма?

Иә

Жоқ

10. Сіз олармен байланыста боласыз ба?

Иә

Жоқ

11. Қажет болса, басқа елдегі туыстарының, достарының көмегіне сене аласыз ба?

1-жоқ, мен олардың көмегіне сенбеймін;

2-мен олардың көмегіне сенгеннен гөрі сенбеймін

3-жауап беру қиын

4- мен олардың көмегіне сенбегеннен гөрі сенемін деп есептеймін

5-ия, мен олардың көмегіне сене аламын
6-менің басқа елде туыстарым мен достарым жоқ

12. Қажет болған жағдайда Сіз тұратын еліңіздегі туыстардың, достардың көмегіне сене аласыз ба?

1-жоқ, мен олардың көмегіне сенбеймін;
2-мен олардың көмегіне сенгеннен гөрі сенбеймін
3-жауап беру қиын
4- мен олардың көмегіне сенбегеннен гөрі сенемін деп есептеймін
5-ия, мен олардың көмегіне сене аламын

13. Сіз шетелден туыстарыңыздан, достарыңыздан, таныстарыңыздан ақша аударымдарын аласыз (алдыңыз) ба?

Иә
Жоқ

14. Сіздің еліңіздегі туыстарыңызбен, жақын туыстарыңызбен қарым-қатынас сіз үшін қаншалықты маңызды?

1-мүлдем маңызды емес
2-маңызды емес
3- ішінара маңызды
4- маңызды
5- өте маңызды

3 бөлім

15. Сіздің жынысыңыз:

Еркек
Әйел

16. Сіздің жасыңыз: _____

17. Сіздің ұлтыңыз: _____

18. Сіз шет тілдерін меңгересіз бе:

ИӘ
ЖОҚ

19. Сіз қандай шет тілдерін "сөйлей аламын, түсінемін" деңгейінде меңгересіз:

20. Қазіргі уақытта қайда тұрасыз: _____

21. Сіз мұнда қанша уақыт тұрасыз:

1-3
4-6
7-10
10 ылдан астам

22. Сіз қазіргі тұрғылықты жеріңізге қайдан келдіңіз? Елді, республиканы (облыс, қала, аймақ, өлке) көрсетіңіз:

23. Сіздің білім деңгейіңіз:

Кәсіптік орта
Аяқталмаған жоғары
Жоғары
Жоғары оқу орнынан кейінгі кәсіптік

24. Сіз қай бағытта оқисыз:

Педагогикалық ғылымдар
Өнер және гуманитарлық ғылымдар
Әлеуметтік ғылымдар, журналистика және ақпарат
Бизнес, басқару және құқық
Жаратылыстану ғылымдары
Математика және статистика ақпараттық-коммуникациялық технологиялар
Инженерлік, өңдеу және құрылыс салалары
Ауыл шаруашылығы және биоресурстар
Ветеринария
Денсаулық сақтау қызметтер
Ұлттық қауіпсіздік және әскери іс
Мен оқу орнының студенті емеспін.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Результаты сравнительного анализа средних показателей эмиграционной установки и ее компонентов в зависимости от пола

Таблица 1

Средние значения эмиграционной установки и ее компонентов в зависимости от пола (N = 760)

Переменные	Казахи (N=364)			Русские (N=396)			Уровень значимости	d Коэна
	Юноши (N=79)			Юноши (N=93)				
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Установка субъекта	3,19	1,67	2	**4,11**	1,62	1	**0,000**	**0,6**
Установка близких	3,21	1,44	1	**3,68**	1,41	3	**0,030**	**0,3**
Ожидания близких	3,10	1,44	3	**3,82**	1,42	2	**0,001**	**0,5**
Эмиграционная установка	3,17	1,45		**3,87**	1,39		**0,001**	**0,5**
	Девушки (N=285)			Девушки (N=303)				
Установка субъекта	3,64	1,53	1	**4,05**	1,60	1	**0,002**	**0,3**
Установка близких	3,29	1,28	3	**3,66**	1,32	3	**0,001**	**0,3**
Ожидания близких	3,37	1,39	2	**3,78**	1,44	2	**0,000**	**0,3**
Эмиграционная установка	3,43	1,32		**3,83**	1,34		**0,000**	**0,3**

Таблица 2

Средние значения эмиграционной установки и ее компонентов *казахов* в зависимости от пола (N = 364)

Переменные	Девушки (N=285)			Юноши (N=79)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Установка субъекта	**3,64**	1,53	1	3,19	1,67	2	**0,024**	**0,3**
Установка близких	3,29	1,28	3	3,21	1,44	1	0,643	0,06
Ожидания близких	3,37	1,39	2	3,10	1,44	3	0,137	0,2
Эмиграционная установка	3,43	1,32		3,17	1,45		0,126	0,2

Таблица 3

Средние значения эмиграционной установки и ее компонентов *русских* в зависимости от пола (N = 396)

Переменные	Девушки (N=303)			Юноши (N=93)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Установка субъекта	4,05	1,60	1	4,11	1,62	1	0,773	0,03
Установка близких	3,66	1,32	3	3,68	1,41	3	0,885	0,02
Ожидания близких	3,78	1,44	2	3,82	1,42	2	0,822	0,03
Эмиграционная установка	3,83	1,34		3,87	1,39		0,811	0,02

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Сравнительный анализ средних показателей факторов эмиграционной установки и их компонентов в зависимости от пола

Таблица 1

Средние значения метаценностей и ее компонентов казахов и русских в зависимости от пола (N = 760)

Переменные	Казахи (N=364)			Русские (N=396)			Уровень значимости	d Коэна
	Юноши (N=79)			Юноши (N=93)				
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Открытость изменениям	3,93	1,30	3	4,10	1,00	3	0,328	0,1
Сохранение	**4,06**	1,13	2	3,75	0,99	4	**0,059**	**0,3**
Самопреодоление	4,40	1,27	1	4,40	1,17	1	0,986	0,03
Самоутверждение	3,76	1,29	4	**4,13**	1,15	2	**0,051**	**0,3**
	Девушки (N=285)			Девушки (N=303)				
Открытость изменениям	4,09	1,38	2	**4,39**	1,01	2	**0,003**	**0,3**
Сохранение	3,81	1,22	3	3,93	0,94	4	0,177	0,1
Самопреодоление	4,29	1,40	1	**4,68**	1,04	1	**0,000**	**0,3**
Самоутверждение	3,63	1,36	4	**4,30**	1,06	3	**0,000**	**0,6**

Таблица 2

Средние значения метаценностей *казахов* в зависимости от пола (N = 364)

Переменные **Метаценности**	Девушки (N=285)			Юноши (N=79)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Открытость изменениям	4,09	1,38	2	3,93	1,30	3	0,338	0,1
Сохранение	3,81	1,22	3	4,06	1,13	2	0,102	0,2
Самопреодоление	4,29	1,40	1	4,40	1,27	1	0,509	0,1
Самоутверждение	3,63	1,36	4	3,76	1,29	4	0,439	0,1

Таблица 3

Средние значения метаценностей *русских* в зависимости от пола (N = 396)

Переменные **Метаценности**	Девушки (N=303)			Юноши (N=93)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Открытость изменениям	**4,39**	1,01	2	4,10	1,00	3	**0,015**	**0,3**
Сохранение	3,93	0,94	4	3,75	0,99	4	0,114	0,1
Самопреодоление	**4,68**	1,04	1	4,40	1,17	1	**0,031**	**0,3**
Самоутверждение	4,30	1,06	3	4,13	1,15	2	0,185	0,2

Таблица 4

Средние значения ценностей и ее компонентов казахов и русских в зависимости от пола (N = 760)

Переменные	Казахи (N=364)			Русские (N=396)			Уровень значимости	d Коэна
	Юноши (N=79)			Юноши (N=93)				
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Безопасность	3,97	1,28	7	**4,58**	1,09	2,5	**0,001**	**0,5**
Конформизм	**3,96**	1,30	8	3,42	1,22	10	**0,006**	**0,4**
Традиция	**4,25**	1,37	3	3,77	1,27	9	**0,018**	**0,4**
Благожелательность	4,46	1,38	1	4,58	1,07	2,5	0,527	0,1
Универсализм	4,35	1,29	2	4,59	1,06	1	0,180	0,2
Самостоятельность	4,06	1,47	4,5	**4,51**	1,06	4	**0,024**	**0,4**
Стимуляция	3,73	1,45	9	**4,23**	1,12	7	**0,012**	**0,4**
Гедонизм	3,99	1,41	6	**4,41**	1,03	6	**0,025**	**0,4**
Достижение	4,06	1,41	4,5	**4,46**	1,08	5	**0,037**	**0,3**
Власть	3,46	1,42	10	**3,97**	1,18	8	**0,010**	**0,4**
	Девушки (N=285)			Девушки (N=303)				
Безопасность	4,23	1,53	2	**4,81**	1,22	1	**0,000**	**0,4**
Конформизм	3,41	1,36	9	3,28	1,24	10	0,208	0,1
Традиция	**3,79**	1,43	8	3,56	1,24	9	**0,038**	**0,2**
Благожелательность	4,40	1,50	1	4,56	1,20	3	0,134	0,1
Универсализм	4,18	1,49	3,5	**4,68**	1,19	2	**0,000**	**0,4**
Самостоятельность	4,18	1,46	3,5	**4,48**	1,19	5	**0,007**	**0,2**
Стимуляция	4,04	1,54	6	4,00	1,34	7	0,702	0,03
Гедонизм	4,06	1,56	5	**4,44**	1,26	6	**0,001**	**0,3**
Достижение	3,87	1,51	7	**4,55**	1,22	4	**0,000**	**0,5**
Власть	3,38	1,42	10	**3,99**	1,19	8	**0,000**	**0,5**

Таблица 5

Средние значения ценностей и ее компонентов *казахов* в зависимости от пола (N = 364)

Переменные	Девушки (N=285)			Юноши (N=79)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Безопасность	4,23	1,53	2	3,97	1,28	7	0,165	0,2
Конформизм	3,41	1,36	9	**3,96**	1,30	8	**0,001**	**0,4**
Традиция	3,79	1,43	8	**4,25**	1,37	3	**0,011**	**0,3**
Благожелательность	4,40	1,50	1	4,46	1,38	1	0,727	0,04
Универсализм	4,18	1,49	3,5	4,35	1,29	2	0,369	0,1
Самостоятельность	4,18	1,46	3,5	4,06	1,47	4,5	0,529	0,1
Стимуляция	4,04	1,54	6	3,73	1,45	9	0,104	0,2
Гедонизм	4,06	1,56	5	3,99	1,41	6	0,734	0,04
Достижение	3,87	1,51	7	4,06	1,41	4,5	0,312	0,1
Власть	3,38	1,42	10	3,46	1,42	10	0,684	0,1

Таблица 6

Средние значения ценностей и ее компонентов *русских* в зависимости от пола (N = 396)

Переменные	Девушки (N=303)			Юноши (N=93)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Безопасность	4,81	1,22	1	4,58	1,09	2,5	0,099	0,2
Конформизм	3,28	1,24	10	3,42	1,22	10	0,321	0,1
Традиция	3,56	1,24	9	3,77	1,27	9	0,151	0,2
Благожелательность	4,56	1,20	3	4,58	1,07	2,5	0,907	0,01
Универсализм	4,68	1,19	2	4,59	1,06	1	0,532	0,1
Самостоятельность	4,48	1,19	5	4,51	1,06	4	0,826	0,02
Стимуляция	4,00	1,34	7	4,23	1,12	7	0,135	0,1
Гедонизм	4,44	1,26	6	4,41	1,03	6	0,853	0,02
Достижение	4,55	1,22	4	4,46	1,08	5	0,553	0,1
Власть	3,99	1,19	8	3,97	1,18	8	0,895	0,02

Таблица 7

Средние значения субъективного благополучия и его компонентов казахов и русских в зависимости от пола (N = 760)

Переменные	Казахи (N=364)			Русские (N=396)			Уровень значимости	d Коэна
	Юноши (N=79)			Юноши (N=93)				
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Эмоциональное благополучие	3,84	0,96	2	3,63	0,92	2	0,155	0,2
Экзистенциально-деятельностное благополучие	**3,81**	0,95	3	3,54	0,89	3	**0,052**	**0,3**
Эго-благополучие	**3,78**	0,93	4	3,51	0,92	4	**0,057**	**0,3**
Гедонистическое благополучие	**3,54**	1,02	5	3,03	1,05	5	**0,002**	**0,5**
Социально-нормативное благополучие	3,88	0,92	1	3,84	0,90	1	0,770	0,05
Субъективное благополучие	**3,77**	0,90		3,51	0,82		**0,048**	**0,3**
	Девушки (N=285)			Девушки (N=303)				
Эмоциональное благополучие	3,66	1,00	3	3,69	1,00	2	0,760	0,02
Экзистенциально-деятельностное благополучие	3,70	0,98	2	3,64	0,84	3	0,421	0,07
Эго-благополучие	**3,64**	1,02	4	3,38	1,00	4	**0,001**	**0,3**
Гедонистическое благополучие	**3,24**	1,10	5	2,88	1,00	5	**0,000**	**0,4**
Социально-нормативное благополучие	3,75	0,99	1	**3,92**	0,78	1	**0,023**	**0,2**
Субъективное благополучие	3,60	0,94		3,50	0,74		0,160	0,1

Таблица 8

Средние значения субъективного благополучия и его компонентов *казахов* в зависимости от пола (N =364)

Переменные	Девушки (N=285)			Юноши (N=79)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Эмоциональное благополучие	3,66	1,00	3	3,84	0,96	2	0,171	0,2
Экзистенциально-деятельностное благополучие	3,70	0,98	2	3,81	0,95	3	0,380	0,1
Эго-благополучие	3,64	1,02	4	3,78	0,93	4	0,246	0,1
Гедонистическое благополучие	3,24	1,10	5	**3,54**	1,02	5	**0,029**	**0,3**
Социально-нормативное благополучие	3,75	0,99	1	3,88	0,92	1	0,283	0,1
Интегративная шкала								
Субъективное благополучие	3,60	0,94		3,77	0,90		0,147	0,2

Таблица 9

Средние значения субъективного благополучия и его компонентов *русских* в зависимости от пола (N =396)

Переменные	Девушки (N=303)			Юноши (N=93)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Эмоциональное благополучие	3,69	1,00	2	3,63	0,92	2	0,606	0,1
Экзистенциально-деятельностное благополучие	3,64	0,84	3	3,54	0,89	3	0,298	0,1
Эго-благополучие	3,38	1,00	4	3,51	0,92	4	0,207	0,1
Гедонистическое благополучие	2,88	1,00	5	3,03	1,05	5	0,205	0,1
Социально-нормативное благополучие	3,92	0,78	1	3,84	0,90	1	0,441	0,1
Интегративная шкала								
Субъективное благополучие	3,50	0,74		3,51	0,82		0,908	0,01

Таблица 10

Средние значения институционального доверия и ее компонентов в зависимости от пола (N = 760)

Переменные	Казахи (N=364)			Русские (N=396)			Уровень значимости	d Коэна
	Юноши (N=79)			Юноши (N=93)				
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Доверие президенту	**3,54**	1,4	1	2,41	1,51	1	**0,000**	**0,8**
Доверие правительству	**3,32**	1,4	5,5	2,25	1,35	5	**0,000**	**0,8**
Доверие акиму/губернатору	**3,32**	1,4	5,5	2,31	1,22	3	**0,000**	**0,8**
Доверие местным властям	**3,33**	1,38	3	2,28	1,24	4	**0,000**	**0,8**
Доверие полиции	**3,27**	1,36	4	2,33	1,25	2,5	**0,000**	**0,7**
Доверие правосудию	**3,34**	1,43	2	2,33	1,33	2,5	**0,000**	**0,7**
Институциональное доверие	**3,35**	1,27		2,32	1,14		**0,000**	**0,9**
	Девушки (N=285)			Девушки (N=303)				
Доверие президенту	**3,38**	1,46	1	2,43	1,4	2,3	**0,000**	**0,7**
Доверие правительству	**3,17**	1,44	4	2,36	1,26	4	**0,000**	**0,6**
Доверие акиму/губернатору	**3,13**	1,41	5,5	2,39	1,25	3	**0,000**	**0,6**
Доверие местным властям	**3,13**	1,46	5,5	2,43	1,24	2,3	**0,000**	**0,5**
Доверие полиции	**3,25**	1,42	3	2,52	1,26	1	**0,000**	**0,6**
Доверие правосудию	**3,27**	1,44	2	2,43	1,28	2,3	**0,000**	**0,6**
Институциональное доверие	**3,22**	1,33		2,43	1,16		**0,000**	**0,6**

Таблица 11

Средние значения институционального доверия и его компонентов *казахов* в зависимости от пола (N = 364)

Переменные	Девушки (N=285)			Юноши (N=79)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Доверие президенту	3,38	1,46	1	3,54	1,4	1	0,389	0,1
Доверие правительству	3,17	1,44	4	3,32	1,4	4,5	0,417	0,1
Доверие акиму	3,13	1,41	5,5	3,32	1,4	4,5	0,290	0,1
Доверие местным властям	3,13	1,46	5,5	3,33	1,38	3	0,271	0,1
Доверие полиции	3,25	1,42	3	3,27	1,36	5	0,941	0,0
Доверие правосудию	3,27	1,44	2	3,34	1,43	2	0,681	0,1
Интегративная шкала								
Институциональное доверие	3,22	1,33		3,35	1,27		0,434	0,1

Таблица 12

Средние значения институционального доверия и его компонентов *русских* в зависимости от пола (N = 396)

Переменные	Девушки (N=303)			Юноши (N=93)			Уровень значимости	d Коэна
	M	**SD**	Ранг	**M**	**SD**	Ранг		
Доверие президенту	2,43	1,4	2,3	2,41	1,51	1	0,904	0,01
Доверие правительству	2,36	1,26	5	2,25	1,35	5	0,474	0,1
Доверие губернатору	2,39	1,25	4	2,31	1,22	3	0,582	0,1
Доверие местным властям	2,43	1,24	2,3	2,28	1,24	4	0,322	0,1
Доверие полиции	2,52	1,26	1	2,33	1,25	2,5	0,216	0,1
Доверие правосудию	2,43	1,28	2,3	2,33	1,33	2,5	0,519	0,1
Интегративная шкала								
Институциональное доверие	2,43	1,16		2,32	1,14		0,440	0,1

Таблица 13

Сравнение средних значений выраженности надежды на получение помощи от близких казахов и русских в зависимости от пола

Переменные	**M**	**SD**	**M**	**SD**	Уровень значимости	d Коэна
	Казахи (N=206)		Русские (N=224)			
	Юноши (N=34)		Юноши (N=49)			
Надежда на помощь близких за границей	3,59	1,40	3,39	1,41	0,524	0,02
	Девушки		Девушки			
Надежда на помощь близких за границей	3,34	1,49	3,06	1,44	0,070	0,2
	Казахи (N=364)		Русские (N=396)			
	Юноши (N=79)		Юноши (N=93)			
Надежда на помощь близких на родине	4,08	1,35	4,23	1,24	0,449	0,1
	Девушки		Девушки			
Надежда на помощь близких на родине	3,95	1,32	4,05	1,21	0,345	0,07

Таблица 14

Сравнительный анализ степени выраженности надежды *казахов* на помощь близких за границей и на родине в зависимости от пола

Переменные	**M**	**SD**	**M**	**SD**	Уровень значимости	d Коэна
	Девушки (N=172)		Юноши (N=34)			
Надежда на помощь близких за границей	3,34	1,49	3,59	1,40	0,377	0,2
	Девушки (N=285)		Юноши (N=79)			
Надежда на помощь близких на родине	3,95	1,32	4,08	1,35	0,447	0,1

Таблица 15

Сравнительный анализ степени выраженности надежды *русских* на помощь близких за границей и на родине в зависимости от пола

Переменные	**M**	**SD**	**M**	**SD**	Уровень значимости	d Коэна
	Девушки (N=175)		Юноши (N=49)			
Надежда на помощь близких за границей	3,06	1,44	3,39	1,41	0,155	0,01
	Девушки (N=303)		Юноши (N=93)			
Надежда на помощь близких на родине	4,05	1,21	4,23	1,24	0,215	0,1

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Результаты регрессионного анализа социально-демографических параметров с эмиграционной установкой и ее факторами

Таблица 1

Связь социально-демографических параметров (возраст, пол, уровень образования) с эмиграционной установкой и ее факторами

Зависимые переменные	Казахи (N=364)		Русские (N=396)	
	β	p	β	p
	Независимая переменная - возраст			
Самостоятельность			0,105	0,036
Стимуляция	-0,107	0,042	-0,101	0,044
Доверие президенту	-0,141	0,007	-0,176	0,000
Доверие правительству	-0,118	0,024		
Доверие акиму/губернатору	0,167	0,001		
Доверие местным властям	-0,174	0,001		
Доверие полиции	-0,220	0,000		
Доверие правосудию	-0,269	0,000		
Институциональное доверие	-0,197	0,000		
Надежда на помощь близких за границей			-0,108	0,032
Надежда на помощь близких на родине			-0,107	0,033
Эмоциональное благополучие			0,121	0,016
Экзистенциально-деятельностное			0,112	0,025
Эго-благополучие	-0,122	0,033	0,134	0,008
Гедонистическое благополучие	-0,190	0,000	0,140	0,005
Социально-нормативное благополучие			0,113	0,025
Субъективное благополучие	-0,112	0,032	0,148	0,003
Эмиграционная установка			-0,189	0,000
	Независимая переменная - пол			
Конформизм	-0,166	0,001		
Традиция	-0,133	0,011		
Открытость изменениям			0,122	0,015
Самопреодоление			0,108	0,031
Гедонистическое благополучие	-0,115	0,029		
	Независимая переменная – уровень			
Надежда на помощь близких на родине			-0,114	0,024
Эмоциональное благополучие			0,121	0,016
Экзистенциально-деятельностное			0,108	0,032
Субъективное благополучие			0,117	0,020

Таблица 2

Связь социально-демографических параметров (возраст, пол, уровень образования) с компонентами эмиграционной установки и ее факторами

Переменные	Казахи (N=364)		Русские (N=396)	
	β	p	β	p
	Независимая переменная - возраст			
Установка субъекта	-	-	-0,264	0,000
Установка близких	-	-	-0,106	0,035
Ожидания близких	-	-	-0,139	0,006
	Независимая переменная - пол			
Установка субъекта	0,118	0,024	-	
	Независимая переменная – уровень образования			
Установка субъекта	-	-	-0,142	0,005

Примечание: p – уровень значимости регрессии ($p < 0,05$); β – стандартизированные коэффициенты регрессии.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Результаты мультигруппового сравнительного анализа системы факторов эмиграционной установки и ее компонентов

Таблица 1

Бета коэффициенты связи эмиграционных установок с метаценностями, институциональным доверием, субъективным благополучием и надеждой на помощь близких

Переменные	Казахи (N=364)		Русские (N=396)	
	β	p	β	p
Сохранение	**-0,347**	**0,000**	-0,056	0,495
Открытость изменениям	**0,240**	**0,006**	0,083	0,325
Самопреодоление	0,038	0,448	-0,043	0,613
Самоутверждение	**0,173**	**0,009**	**0,150**	**0,038**
Институциональное доверие	**-0,380**	**0,000**	**-0,454**	**0,000**
Надежда на помощь близких за границей	**0,112**	**0,000**	**0,113**	**0,000**
Надежда на помощь близких на родине	-0,050	0,289	**-0,102**	**0,044**
Субъективное благополучие	**-0,317**	**0,000**	**-0,223**	**0,016**

Таблица 2

Бета коэффициенты связи компонентов эмиграционных установок с метаценностями, институциональным доверием, субъективным благополучием и надеждой на помощь близких

Переменные	Установка субъекта		Установка близких		Ожидания близких	
	Казахи (N=364)	Русские (N=396)	Казахи (N=364)	Русские (N=396)	Казахи (N=364)	Русские (N=396)
	β		β		β	
Сохранение	**-0,447 (p=0,000)**	-0,135	**-0,226 (p=0,022)**	-0,035	**-0,367 (p=0,000)**	0,005
Открытость изменениям	**0,418 (p=0,000)**	0,163	0,070	0,042	**0,232 (p=0,014)**	0,044
Самопреодоление	0,049	0,027	0,007	-0,073	0,058	-0,082
Самоутверждение	**0,186 (p=0,013)**	**0,183 (p=0,027)**	**0,174 (p=0,010)**	0,114	**0,158 (p=0,029)**	0,152 (p=0,063)
Институциональное доверие	**-0,460 (p=0,000)**	**-0,546 (p=0,000)**	**-0,330 (p=0,000)**	**-0,401 (p=0,000)**	**-0,351 (p=0,000)**	**-0,415 (p=0,000)**
Надежда на помощь близких за границей	**0,090 (p=0,007)**	**0,084 (p=0,015)**	**0,130 (p=0,000)**	**0,134 (p=0,000)**	**0,115 (p=0,000)**	**0,121 (p=0,000)**
Надежда на помощь близких на родине	-0,077	-0,087	-0,062	**-0,105 (p=0,048)**	-0,011	**-0,113 (p=0,048)**
Субъективное благополучие	**-0,364 (p=0,000)**	**-0,331****	**-0,271 (p=0,000)**	-0,149	**-0,316 (p=0,000)**	-0,187 (p=0,073)